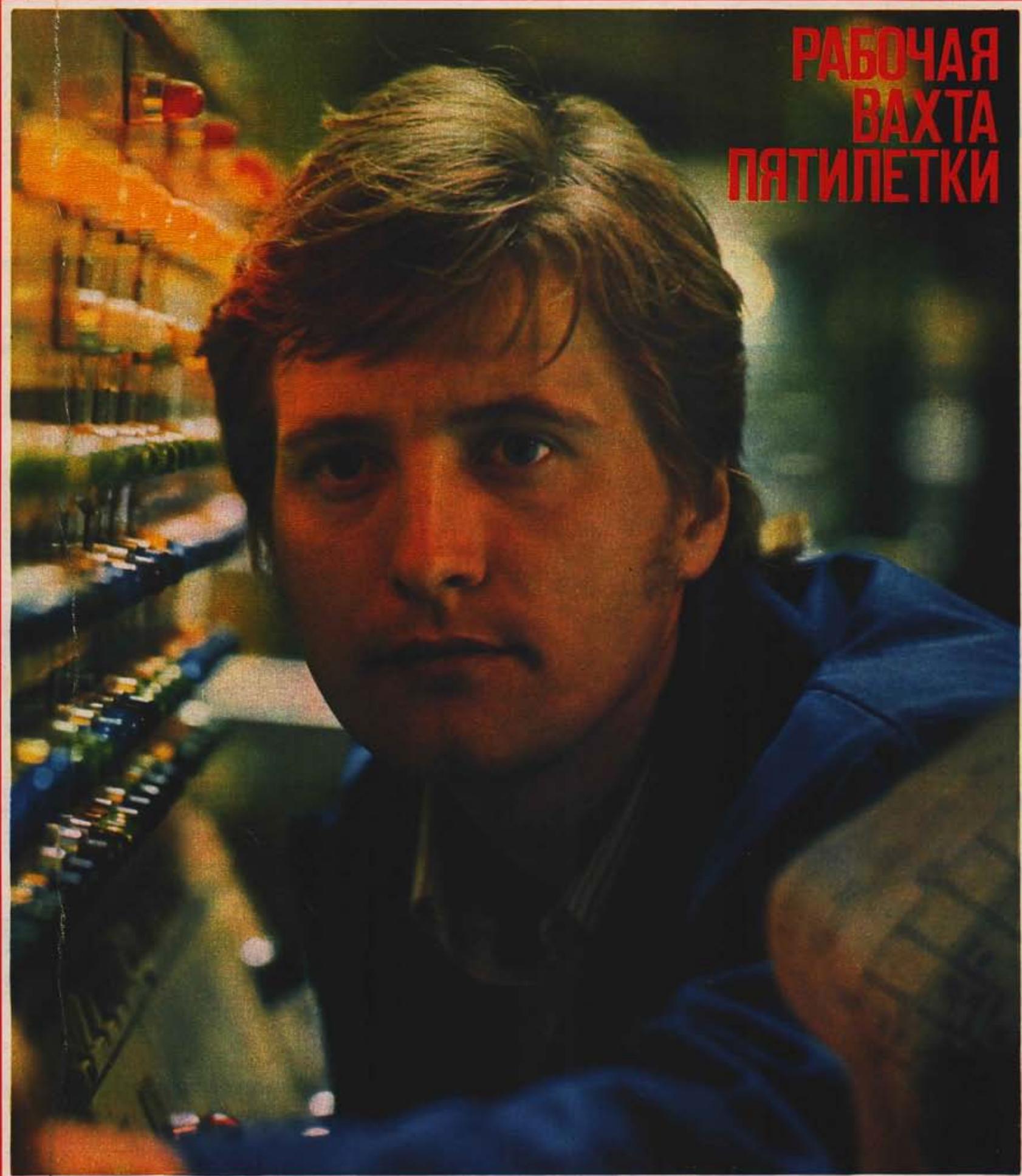

смена

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1982

РАБОЧАЯ
ВАХТА
ПЯТИЛЕТКИ

Свой канскаяской библиотеке и хранилище с партийной комиссией. Помимо этих помещений в своей судьбе, как и в судьбе интеллигентов советских людей, оставил неизмененное след.

Канский - это не учебное заведение. И всё же это своеобразная школа, в которой учатся общественной работе, канскому общественному движению и учению добывших поставщиков чистоты.

В нашем крае живут и работают канскаяя разные поколения людей, которые на разном уровне, все-таки как-то находят свое борцов Торкии за высокое правительство идеала в жизни и народе.

Нашим канскаяя науки и науки правительства понимать и развивать не только собственную науку, но и поступки других науки видеть в отрицающих все лучшее и развязывающих это лучше в себе. Помогают люди, душа которых оба всех, кто любит отрицают. Этому помогают науки наших кансков.

Когда кансковские Саратовской областии посыпали наши члены свои землята на XVIII съезд ВЛКСМ, и работники бригадирские трактористы посвященные бригаде. Недавно кансковские союза избрали члены секции партии. Работа новая, тяжкая, ответственная и в то же никогда бы не спровалась с ней если бы кансковы не научили членов членов ответственности за общее дело, не научили вернуться в бою с равнодушными, как-нибудь, разрывавшими. Наша партийная организация

заняла настолько в основные задачи комсомольцев. Я считаю самое главное, что наше большинство партийных партий, остающееся работать в комсомоле.

В прошлом, очень трудном году наше краевое заседание было первое в ее начале и заняло свой привычное место в числе первовых гостей. Свой вклад в этот успех внесла и канскская комсомольская организация. Сейчас в деревне демонстрирует много военных успехов нашей школы. Опыт работы показывает трактористам, заслуженным, заслуживающим. Значение и упорство показывает все более широко представление секции мастерства. И без него настолько успехов не добьешься.

Но у нас еще неизвестно будущее: закрепление сельских гаражей, повышение уровня образованности и технической грамотности молодежи краевознавцев, усиление заседаний подождите.

Впереди у кансковцев большое собачье - очередное, ХХ съезд ВЛКСМ. Но добре традиции молодежи вернутся свой съезд удивительные, творческие, самостоятельный трудами.

Нашего съезду и его демонстрации успешное рабочее, горячего настроения, настойчивости в достижении поставленных задач.

Мария Головинская
(Жаркова),

секретарь патриотического кружка. В. А. Денисов Кансковского района Саратовской области, заседателем XVIII съезда ВЛКСМ

АДРЕС:

Саратовская область

ПРОФЕССИЯ:

полевод

КОМСОМОЛЬСКИЙ

СТАЖ:

четырнадцать лет

МОЙ СЫН

ЭКОНОМИЯ КАК ДЕЛО КО

Программное требование XXVI съезда КПСС в одиннадцатой пятилетке выражено в ставших уже крылатыми словах: «Экономика должна быть экономной». Возрастает роль комсомольских организаций в воспитании у молодежи хозяйственного отношения к труду, к общественной собственности, к народному добру.

В статьях, предлагаемых читателю в этом номере, делятся своим опытом и мыслями об экономии как категории труда и нравственности разные авторы: комсомольский работник, бригадир, экономист. Круг поднимаемых ими вопросов важен, на наш взгляд, интересен. Однако многообразие дел и задач этиками выступлениями, естественно, не исчерпывается. Продолжить тему мы приглашаем наших читателей, и прежде всего — молодых рабочих. Мы предлагаем написать о своем месте

и месте своих коллективов во всенародном походе за:

— выполнение и перевыполнение заданий по экономии сырьевых, материальных и топливно-энергетических ресурсов;

— увеличение выпуска нужной народному хозяйству продукции из сбереженного сырья, материалов;

— вовлечение в хозяйственный оборот вторичных ресурсов, промышленных и бытовых отходов, попутных продуктов, местных видов сырья и материалов;

— сокращение потерь металла, топлива, энергии, сельскохозяйственной продукции при их транспортировке, переработке, хранении.

Экономия сегодня — крупнейшая хозяйственная задача. Общенародное дело экономии должно стать личным делом каждого молодого труженика.

ЧИСЛО-УМЕННИЕ-РЕАЛЬНАЯ ПОЛЬЗА

Евгений КУЗНЕЦОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Рыбинского ордена Ленина
производственного объединения
моторостроения

Можно ли сэкономить... на прошлогоднем снеге? Вопрос не ради шутки. Даже на этом наше объединение ежегодно сберегает немало средств, труда, горючего. Сейчас уже и не вспомнишь, кто первый, наблюдая, как тяжелые самосвалы увозят снег с заводского двора, подумал: а зачем? Разумеется, чистить территорию необходимо, но снег приходится вывозить за городскую черту, за несколько десятков километров — очень накладно для предприятия получается. И тогда построили прямо на заводе, на пустом клочке земли, простенькое сооружение — что-то вроде бункера с подогревом. Снег с самосвалов сваливается в емкость, быстро тает и без всяких перевозок уходит в канализацию. Таким образом, за зиму экономятся сотни литров бензина, рабочее время шофёров, меньше изнашиваются автомашины.

Я сознательно начал с примера, непосредственно не касающегося основного производства. Мне кажется, он очень наглядно показывает, что возможность экономить есть везде, стоит только повнимательнее приглядеться.

Говорят, в одном цвете художник видит множество оттенков, в обычном — необычное; наверное, и для работников промышленности важен такой же дар: умение не просто смотреть, но и видеть. Раньше, говоря об экономии и бережливости, мы все же имели в виду очевидные резервы — выброшенный на свалку металл, невыключенные лампочки и так далее. А если попробовать копнуть глубже? Для этого и необходимо суметь увидеть необычное в обычном: в привыкшейся, привычной технике, технологии, организации труда — новые решения, формы, новые возможности работать эффективней, рачительней. Без такого умения, думаю, нельзя хозяйствовать по-настоящему экономно. Уж что, кажется, привычней, чем зимняя вывозка снега? Однако, как видите, даже в таком вроде бы «безнадежном» с точки зрения экономии деле может быть простое и нестандартное усовершенствование.

А теперь должен признаться, что сам я об этом факте узнал недавно и поначалу не придал ему особого значения. И, очевидно, напрасно. Мы часто ломаем голову, как сделать интересней, эффективней занятия в сети комсомольского политпросвещения, экономическую учебу, а когда сама жизнь предлагает необычные, интересные, просящиеся в блокнот пропагандиста факты, почему-то проходим мимо, нередко даже не знаем о них. Пропагандисты на занятиях много рассуждают об экономии вообще,

оперируют глобальными цифрами — и навеивают иной раз неодолимую скучу на молодых слушателей. Общие знания, конечно, тоже необходимы. Но нам нужно, чтобы знания работали, воплощались в конкретные предложения по экономии. И тут-то живые примеры выдумки, изобретательности, проявленные нашими заводчанами, могли бы заинтересовать молодежь, дать толчок ее собственной инициативе, заставить по-новому посмотреть на свое привычное рабочее место, свой участок, цех: а нельзя ли и здесь что-то придумать?

Мы выпускаем двигатели для флагмана Аэрофлота самолета ИЛ-62М; дизели для тракторов, экскаваторов, дорожных машин, передвижных электростанций, буровых установок. Делаем также полюбившиеся северянам и сибирякам снегоходы «Буран».

Рыбинские дизели отличают простота конструкции, экономичность, надежность и долговечность. По моторесурсу и надежности они имеют самый высокий в стране уровень среди дизелей своего класса. А пропашной трактор ЮМЗ-6 с нашим дизелем признан лучшим образцом сельскохозяйственной техники в СССР. Сто процентов продукции, подлежащей аттестации, выпускается с государственным Знаком качества.

Может сложиться впечатление: раз на заводе все так хорошо, то нам остается лишь поддерживать заведенный порядок... Однако этот порядок

стоил нам весьма недешево. На единицу продукции затрачивалось времени, труда, материалов явно больше, чем нужно.

Карл Маркс писал, что всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. В самом деле, когда станочник переводит в стружку гору металла, то ее по крайней мере можно собрать и отправить на переплавку, а время, затраченное на никому не нужную работу, пропало безвозвратно. Когда рабочий из-за плохой организации труда полдня простояивает, можно поднатужиться и штурмом одолеть план, но никто уже не вернет продукцию, которую он мог сделать, но не сделал — потому что нельзя повернуть время вспять. Где-то я прочитал запомнившуюся фразу: самый верный и богатый источник экономии — хорошая работа каждого. Правильная мысль. Но какое важнейшее условие хорошей работы? Чтобы рабочее время от первой до последней минуты было действительно рабочим, производительным, не тратилось зря. Экономия времени и труда — нерасторжимые понятия.

Так вот, были сделаны подсчеты: если работать по-прежнему, то для выполнения программы 1985 года нам понадобится дополнительно 7600 рабочих. Численность крупного завода! Эта цифра показала, что начинать придется с экономии труда, поскольку новых рабочих брать будет негде. Да и не дело это — полагаться на число, а не на

«Важно развернуть массовое движение трудящихся за всемерную экономию в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве, в непроизводственной сфере и в управлении. Каждый советский человек должен активно включиться в борьбу за экономию и бережливость на производстве и в быту, вносить свой конкретный вклад в это общенародное дело».

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР
«Об усилении работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов»

РАБОТА
КАК
ДЕЛО
ЖИЗНИ

МСОМОЛЬСКОЕ

умение. Так сама реальная действительность вызвала к жизни инициативу, отмеченную впоследствии ЦК КПСС, — выполнять планы без увеличения численности рабочих.

Когда специалисты проанализировали с учетом новых требований использование труда, то некоторые резервы экономии обнаружились до удивления просто. Рабочий день станочника начался с того, что он шел получать инструмент и чертежи. Для одного человека задержка пустяковая, минут десять — пятнадцать. А в целом по заводу — ежедневные многочасовые простоя с самого начала рабочей смены. Сейчас эти простой ликвидированы специально созданной службой планово-предупредительного обслуживания рабочих мест. Когда станочник приходит в цех, бежать ему негде не надо, все необходимое для работы приготовлено. Только на этом новшестве завод экономит труд трехсот сорока рабочих!

Впрочем, надо ли представлять такое как передовой опыт, свежее инженерное решение? Да, эффект получается немалый. Но ведь много лет мирились с явными потерями, привыкли к ним, пока, как говорится, не прижало... Разве не повод для размышлений: мы скономили то, что можно было скономить еще вчера — значит, объективно говоря, отстали от требований времени. А с чем встретим день завтрашний?

Требовался конкретный перспективный план действий до конца пятилетки: такой план, основанный на внедрении новой техники, технологии, качестве и организации труда, был разработан. Но он не выделял отдельно «сферу влияния» комсомольской организации — это нам предстояло сделать самим. Тот период был самым трудным. Сначала ударились в крайности: то ограничивали свою работу каким-либо одним вопросом, то пытались поспеть вперед. Иными словами, не ставили конкретных целей и в результате почти ничего не доводили до конца.

В начале пятилетки обратились за помощью ко всем комсомольцам, собрали наиболее интересные предложения, советы, и тогда уже смогли четко определить, где наша работа может принести реальную пользу.

...В одном телефильме мне запомнился эпизод: передовой токарь отказывался обрабатывать излишне большие, незэкономичные поковки, пытаясь своим протестом заставить инженеров решить наконец эту проблему. Что ж, сюжет актуальный для любого предприятия, в том числе и для нашего. Правда, от работы станочники не отказывались, но обдирка заготовок всегда была у нас самым болезненным местом. Например, чтобы обточить одно кольцо двигателя, приходилось снимать семь лишних миллиметров металла. Представляете, сколько времени тратил токарь на обработку и сколько металла переводил в стружку? Изменить что-то казалось почти невозможным. Как отковать тяжелым молотом большое кольцо без достаточного припуска?

А что, если вообще обойтись без молота? Решить эту задачу взялись секре-

тарь комсомольской организации цеха технология Лидия Криворучко, технолог Людмила Крюкова, штамповщик Виталий Курочкин. Криворучко знала, что на некоторых заводах ковку заготовок заменили выдавливанием под прессом. Однако механически перенести известный опыт нельзя — у нас и детали другие и марка металла иная. Так что всю технологию пришлось разрабатывать с нуля.

Первый опыт закончился неудачно, поползли матрицы пресса. Меняли оснастку, подбирали металл, усиливали матрицы — методично искали решение, пока кольца не начали получаться практически без припуска. Но это было лишь началом. Комсомольцы разработали технологию и освоили производство своим методом одиннадцати разных заготовок, что уменьшило расход металла почти на двадцать процентов. Соответственно снизилась трудоемкость обработки деталей у станочников, сэкономлен их труд. В плане на этот год — освоено еще десять видов заготовок. А сбереженный металл пойдет на увеличение выпуска продукции...

Предполагаю возможные сомнения скептиков: вот, оказывается, как все просто — стоило взяться за сложнейшую проблему, и тут же ее решили. Я знаю, как трудно было разработать экономичную технологию. Уверен, помогли не только технические знания и профессиональное мастерство. Из множества проблем комсомольцы выбрали самую важную с точки зрения экономии и все остальное подчинили ее решению. Это можно сравнить со стратегией на поле боя, где успех определяется умением сосредоточить силы в нужном месте и в нужное время. План комсомольской работы совершенно не обязательный должен быть всеобъемлющим: здесь надо считать не количество пунктов, а полученный экономический эффект. Такой же принцип планирования принят и в других цехах. Например, в сборочном основная работа молодежи по экономии замыкалась на изменении технологии сборки.

Началось все с разговора на бюро комсомольской организации о том, как и за счет чего можно скономить время и труд при изготовлении двигателя. Дело в том, что каждый двигатель собирается дважды. После первой контрольной проверки шли испытания, затем разборка по узлам, новая сборка и, наконец, окончательный контроль. А если сдать двигатель без промежуточного осмотра? Решились на это не сразу. Нет, ребята не боялись, что двигатели потеряют в надежности — контрольная служба у нас строжайшая. Опасались другого: в новых условиях повторная сборка из обычной части технологического процесса превращалась бы в свидетельство неумения обеспечить отличное качество с первого раза. Поэтому прежде чем ломать заведенный порядок, всем пришлось осваивать смежные профессии. Ведь известно, что иногда даже временное отсутствие «узкого специалиста» ставит в трудное положение целый участок, так как подменить его некем. С другой стороны, знание

нескольких профессий помогает раскрыть способности каждого, увеличивая отдачу бригады. Настоящей школой опыта в этом отношении стала комсомольско-молодежная бригада Александра Подстойникова, которая не только освоила «укороченную» технологию сборки, но еще и высвободила одного рабочего. Когда цех перешел на одноразовую сборку, объем работ уменьшился сразу на сорок процентов. Значит, только за счет экономии рабочего времени можно было бы выпускать продукцию вдвое больше при той же численности работников.

Если пройти по цехам, то в каждом можно найти интересные усовершенствования, направленные на экономию трудовых и материальных ресурсов. В ходе Всесоюзного смотра экономии и бережливости молодые рабочие и специалисты подали сотни предложений, позволившие сберечь десятки тысяч рублей. Комсомольцы шефствуют над внедрением новой техники и технологии... Достижений немало, но с некоторых пор отношение к ним у нас неоднозначное. При более детальном анализе выяснилось, что достигнутая экономия нередко весьма относительна. Поясню это на простом примере.

Современный, хорошо оснащенный цех начал выдавать... массовый брак. Вместо ожидаемой экономии — убытки. Произошло это только потому, что на финишных операциях обработки лопаток турбин были поставлены неопытные практиканты, причем работавшие на неотлаженном оборудовании. Доля вины лежит и на комсомольских постах качества: они занимались лишь подведением итогов раз в году. Но этот случай заставил сделать и другие выводы.

Первый — экономия, полученная на одних участках технологического процесса, обесценивается обидными потерями на других. Литейщик принес экономию, отлив лопатку, требующую минимальной обработки — станочник эту экономию обратил в убыток, отправив лопатку в брак.

Второй — новая техника и технология дают экономию в той степени, насколько разумно и умело используются человеком, то есть зависят от качества и организации труда.

Давно замечено, что наиболее высокие экономические показатели у тех рабочих, которые объединены в бригады. Здесь стабильно растет производительность труда, здесь молодые рабочие уже через полгода-год показывают результаты профессионалов с шестилетним стажем; здесь выше качество труда, заинтересованность в работе. Все это самым прямым образом влияет на экономию многих ресурсов.

Обычно, когда говорят о трудностях внедрения бригадной формы организации труда, отмечают сомнения насчет зарплаты: не понизится ли она в бригаде? Уверен, это не главная трудность. В конце концов, если кто сомневается, можно взять данные в бухгалтерии и сравнить. И вопрос исчерпан. Дело в ином...

В механическом цехе молодой рабочий Василий Герасименко предложил

организовать первую комсомольско-молодежную бригаду станочников. В первый же месяц производительность труда у них повысилась на 26 процентов: ребята стали сообща думать над рациональной обработкой деталей, уменьшили потери рабочего времени, строже стали следить за качеством, полностью исключили нарушения технологической дисциплины. Но через три месяца — полный провал. Комсомольцам, мастерам высокой квалификации, пришлось заниматься... уборкой мусора и подсобными работами, а их дорогостоящие станки с числовым программным управлением простоявали неделями. Вот какой парадокс — бригада попала в тяжелое положение благодаря хорошей работе. Она быстро обработала запас заготовок и осталась на голодном пайке. Допустим, не требовалось большее количество одних деталей, но ведь станки можно было запрограммировать и на другие, а об этом никто вовремя не подумал. Проще говоря, люди стали работать по-новому, а планировать им продолжали по-старому. В результате вместо экономии — прямые убытки из-за простое. С приходом в цех нового руководства положение меняется к лучшему, но полученный урок запомнится надолго. Налицо не только экономический, но и моральный урон: разочарование, потеря веры в бригаду.

Я говорил, что самый верный источник экономии — хорошая работа каждого. Но хорошую работу надо поощрять, а не наказывать за нее... Какой из всего этого можно сделать вывод? Комсомольско-молодежные бригады должны заключать с администрацией договоры, в которых определялись бы взаимные конкретные обязательства бригады и хозяйственных руководителей по выполнению плана, экономии ресурсов, качеству труда и другим показателям. Подчеркну: взаимные обязательства!

Разумеется, бригадная форма — лишь один из способов экономии, но и далеко не самый последний. К тому же не требующий предварительных материальных затрат, как того требует, например, внедрение новой техники.

...Проще было, когда работа коллектива оценивалась в основном по цифре выполнения плана: больше ста — значит, передовики. Какой ценой выполнен план, интересовались меньше. Показатели экономии дают более объективную оценку работы предприятия: в этом деле успехи на одном участке не компенсируют провалов на другом. Наоборот, на фоне достижений явственней проявляются промахи. Мы это особенно отчетливо поняли, когда поиск резервов экономии развернулся по всем направлениям и выявила глубинная взаимосвязь всех производственных процессов.

Накануне XIX съезда комсомола идет широкий смотр эффективности нашей работы, анализ достижений и неудач, новых предложений молодежи. Инициатива комсомольцев не только разрешает старые, но и ставит новые проблемы. И это закономерно, поскольку мы учимся на многое смотреть по-новому, с позиций рачительности и бережливости.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1313) ФЕВРАЛЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
КамАЗ—
 завод молодежный.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

МОЙ СЪЕЗД.

1 Письмо секретаря парткома колхоза имени В. И. Ленина Татищевского района Саратовской области Марии ПОВАЖНЮК.

XIX СЪЕЗД ВЛКСМ.

2 РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«ЭКОНОМИЯ—КАК ДЕЛО КОМСОМОЛЬСКОЕ».

8 Рассказ Ивана УХАНОВА «ВЬЮГА В ГОРОДЕ».

60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:

12 «ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
Владимир САНГИ,
секретарь правления Союза писателей РСФСР.
«КАРАНДАШ И КНИГУ ДАЛ НАМ ЛЕНИН».

15 Стихи Владимира БАЛАЧАНА.

16 МИР КАПИТАЛА: УБИЙСТВЕННЫЙ БИЗНЕС.

22 ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА.

23 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

24 «УЗОРЫ ПОЛХОВА-МАЙДАНА».

25 «ШЕСТЬ ПОБЕДНЫХ ПАРТИЙ».

26 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

28 Повесть Леонида САПОЖНИКОВА и
Георгия СТЕПАНИДИНА «ТРИ ВЕРСИИ».

32 КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОУЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрушов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

я—вспом

Владимир КАА.

бригадир путевых рабочих Целиноградского объединения
по противоэрозионной технике

ФАМИЛИЯ

Зовут меня Владимир Николаевич Каа. Имя, отчество—тут все как у людей. А вот фамилия... Редкая у меня фамилия. Никогда, говорите, такую не встречали? И я тоже не встречал. Хотя... был случай. Читал я дочке «Маугли» Киплинга, а там, помните, есть такой добрый, мудрый удав, которого зовут Каа. Дочка мне и говорит: «Змей-то у нас тезка!» Вот так однофамильца встретил.

Впрочем, всякие «фамильные» истории случаются...

Когда я председателем цехкома был, приходит как-то ко мне объяснительная одного прогульщика, и на ней резюмация начальника цеха: «Каа В. Н. Прошу рассмотреть». Кто-то из наших в цехкоме взял эту бумагу и читает: «Кавзэн», прошу рассмотреть». Получилось КВН, клуб веселых и находчивых. Ребята в смех. Ну, теперь, говорят, устроим мы прогульщикам КВН, а там уж, на этом «кавзене», с ними и рассчитаемся.

ЧЕРНАЯ РАБОТА

Прогульников я не зря вспомнил. Много было с ними хлопот. В нашем Целиноградском объединении по противоэрозионной технике мой цех № 13—железнодорожный, значит, вспомогательный. Много лет подряд считали его «ведущим» по... числу работников, попадавших в вытрезвитель. А уж прогулов и других нарушений помельче—просто не счесть. И самое обидное, что такое положение многим казалось почти нормальным. Будто так и быть должно. Нам прямо в лицо говорили: у вас, мол, работа такая, что с вас возьмешь?

Какая такая работа?.. Сначала вот вы сами мне ответьте. Только честно! Что такое для вас грузчик? Каким вы его себе представляете? Что же вы молчите? Понимаю, вы обидеть меня не хотите. Я ведь тоже грузчиком работал. Тогда, ладно, я сам отвечу. Обычно грузчик всем представляется как силач и пьяница. Вы не смеитесь, не смеяйтесь. И нас, путевых рабочих, тоже где-то возле грузчиков «держат». Да и многих других вспомогательных. Все почему-то считают, что если работа потяжелее, ну, может, и не совсем черная, но «почернее», чем у других, то и пить мы должны тоже по-черному.

Насчет пьянства никогда не соглашусь. Что касается работы, тут, может, отчасти и верно. С другими цехами нас сравнивать трудно. Скажем, токари или сборщики рядом с нами—короли. Им вообще на смену в галстуках выходить можно. Они разными там тонкими приборами пользуются, в чертежах, как инженеры, разбираются, на кнопки нажимают. А у нас, как говорится, нажал на кнопку—и спина мокрая. Ну, а вместо крыши—небо над головой. И дождь нас поливает, и снег за шиворот сыплется, и под солнцепеком мы...

ХОТЬ ВДОЛЬ, ХОТЬ ПОПЕРЕК

Но если разобраться, что с того, что работа такая. Она, может, одному не по душе, а другому нравится. Хотя у нас и

трудней, но порядок навести можно. Не хуже, чем в сборочном или механическом да и в любом другом из основных цехов. Я вам расскажу, как мы порядок наводили, как в люди вышли.

Когда несколько лет назад пришел я в тринадцатый цех, что тут творилось! Идешь, бывало, по путям, и споткнуться не обо что: рельсы на одном уровне с полотном, все грязью заросло. Хоть вдоль по рельсам езжай, хоть поперец—все едино. Когда путь в таком состоянии, вагоны то и дело с рельсов сходят. Правда, опасности никакой: скорость на подъездных путях небольшая. Но пока вагон снова на рельсы затащим, сколько времени уходит. А если ревизор с железнодорожной станции эти наши упражнения заметит, тут и штраф.

Отчего же такое безобразие происходит? Да путейцам просто некогда было заняться своей основной работой. Грузчики не успевали вагоны разгружать, и нас все время кидали им на подмогу. А почему грузчики не справлялись? Да они не очень-то и хотели справляться. У них обычай был—как зарплату получат, так сразу же—«культурно отдохнуть», прямо на рабочем месте. Бутылка по кругу идет...

ПРОГУЛЬЩИКИ

Досадно, что не только завзятые шалопаи прогуливали, но и с кадровыми рабочими такая грех случалася. И нередко. Я вот на грузиков напустился, а ведь и у нас в бригаде путейцев тоже находились немало любителей «отдохнуть» денек-другой. Вот... Михаил Иванович, скажем. В годах уже, шестой десяток размениял, а в работе многих молодых за пояс заткнет. Одна была с ним беда—попал в.

Как сейчас помню, прогулял он как-то в самое горячее время, летом, когда у путейцев самая работа: ведь зимой под снегом пути ремонтировать не станешь. Так вот, прогулял наш Михаил Иванович и на другой день прескокойнейко является, будто ничего не случилось. Я ему: «Пиши объяснительную». Среди этих объяснительных, кстати, такие шедевры иногда попадаются!.. И вот что наш герой написал: «Я прогулял в связи с приездом сестры, которую не видел восемь лет».

Вы не удивляйтесь, многие даже и оправдываться не пытались. Они, конечно, вину чувствовали, но по опыту знали, что мы с ними все равно ничего сделать не сможем. Не уволим: народу в цехе не хватает. Ну, поругаем, выговор вынесем, премий лишим или тринадцатой зарплаты. А прогульщик потом выйдет сверхурочно и все с лихвой вернет. Свой интерес он соблюдает, и дела ему нет, что из-за него, из-за его «художеств» вагоны простоявают и объединение наше такие штрафы железнодорожной платит, что и цифру назвать страшно.

Ходили мы постоянно в отстающих. Хотя, чтобы положение исправить, начальник цеха с теми до теми по путям мотался. Да что начальник цеха! Сам генеральный директор объединения или его заместители чуть ли не каждый день приходили к нам на планерку или очередное нарушение разбирать. Ничего не помогало.

ОГАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЛ

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Вы только не подумайте, что такой народ в цехе собрался — хуже некуда. Не в этом дело. Если вспомогательных рабочих как следует организовать, то совсем другая картина получится.

Сейчас и подумать-то странно, а ведь раньше у нас, в тринадцатом цехе, так дело поставлено было, что каждый только о себе и заботился. Как футбольист замечу: такое и в спорте случается. Народ вроде ничего подберется, если каждого отдельно взять, а вместе сложишь — нет команды, каждый за себя играет. Такая и в цехе «команда». И все это потому, что организация труда, оплата и результаты работы плохо стыковались.

К примеру, наша зарплата почти не увязывалась с конечными результатами деятельности объединения и цеха. У объединения какой показатель главный? План по реализации, чтобы всю продукцию вовремя потребителям отправить. У цеха железнодорожного основное — норма простой вагонов под погрузкой и выгрузкой. И при этом мы, путевые рабочие, машинисты локомотивов и крановщики получали зарплату повременно. Выполнили объединение, цех план или нет, нас это почти не касалось. Не было у нас общего интереса.

Грузчики наши сидели, правда, на сдельщине. Получали они за каждую тонну груза. Что выходило? В каждой смене имелось по три бригады грузчиков. Так вот, те из них, которые состояли из старичков, обычно забирали себе все выгодные работы, а молодым оставляли что похуже. Получала молодежь поэтому негусто и потому не держалась в цехе, уходила искать где лучше. Текущесть — чуть ли не сто процентов.

Но и это еще не самое худшее. Грузчики руками и ногами отбивались от невыгодных работ. А если все-таки заставляли их эти работы выполнять, то никто особенно не торопился: вагоны неделями стояли неразгруженными. Настоящие склады на колесах.

Как улучшить положение? Все над этим голову ломали: и мы в цехе и инженеры завоудупления. Понемногу поняли, что никаким приказом, никакими строгостями делу не поможешь, если главное не будет. А главное — каждого работника цеха заинтересовать в сокращении времени простой вагона под грузовыми операциями. Как же это сделать? Для начала договорились так: Чтобы рабочие не мешали, а помогали друг другу, всех грузчиков смены решили объединить в одну бригаду. И чтобы трудилась она на единый наряд. Причем главным показателем работы бригады-смены надо сделать не столько грузовую тонну, сколько время простой вагона.

Когда начальник транспортного отдела объединения Зотов и начальник отдела труда Августенок нам на цехкоме об этой новой системе рассказали, всем понравилось. А вот в цехе народ насторожился. Боялись потерять в заработке. Уж как администрация и мы, члены цехкома, за новшество ни агитировали, все равно никто не хотел рисковать.

ПОРЯДОК

С большим трудом уломали Мустафина Газиза Тимировича. В цехе он давно, больше десяти лет. Хотя по возрасту молодой, он еще в футбол потом за цех стал играть. Но про футбол рассказал особый. А пока — согласился Мустафин командовать самой первой бригадой-сменой. Но согласился только в опытном порядке, всего на один месяц: «Если дело не заладится, по-старому станем работать».

Уж как весь цех за этой экспериментальной бригадой следил! Кто посмеялся, а кто и надеялся — толк будет. И вот начали люди трудиться по-новому и через некоторое время удивились: Что такое? Никто выгодных работ ни у кого не вырывал. Вообще слов таких не стало: выгодно — невыгодно. Теперь, когда на смену выходили, то не выгодные вагоны искали, а просто интересовались, сколько вообще вагонов на разгрузке, сколько эти вагоны уже простояли. Сами рабочие решили разбить бригаду на звенья, сами распределяли между собой работу. И если одно звеноправлялось со своим заданием раньше времени, оно тут же приходило на помощь другим: ведь вся смена трудилась теперь на единый наряд.

Когда работа дружнее, то и заработка выше. Но не в деньгах дело. Вы меня правильно поймите. Я и любой другой человек не против того, чтобы хорошую зарплату получать. Но все же самое главное — чтобы приятно работать было. Чтобы с удовольствием дело делать, без нервотрепки. Не я один так думаю. Недавно у нас в объединении социологи исследование проводили. И вот по их вопросам получается, что главная причина увольнений по собственному желанию — неудовлетворенность организацией труда. Понимаете, не зарплатой, а организацией труда! Значит, человек прежде всего по-человечески работать хочет.

Словом, новая система людям очень пришлась по душке. Бригада забыла, что на эксперимент-то соглашалась всего сроком на месяц. Ну, а остальные грузчики видят, как у Мустафина дело идет, и стали сами просить, чтобы их поскорее объединили в бригаду-смену. И мы, путевцы, тоже попросились в сдельщики, чтобы работать на единый наряд.

Может, я слишком торопливо рассказываю? Вы только не подумайте, что все эти наши перемены так — вдруг! — произошли. Нет, конечно. Время требовалось, чтобы перестроиться. Взять тот же бригадный метод. У нас его совершенствовали. Было это так. После того, как укрупнили бригады грузчиков и стали они работать лучше, просто вагонов, естественно, сократились. Но вот какое дело. Грузчики иной раз и рады бы побыстрее поворачиваться, да как бы не так: в их смене еще машинисты локомотивов и крановщики. А они на «повременке», поэтому особенно спешить им без интереса. И тогда грузчики потребовали включить и механизаторов в бригаду, чтобы у всей смены — общий интерес. Так и сделали. Механизаторов, правда, оставили на «повременке», но включили их в бригаду, и теперь их премия, то есть весьма значительная часть заработка, стала зависеть от ре-

зультатов труда грузчиков, от времени простой вагонов.

РЕЗУЛЬТАТ

И просто теперь удалось свести до минимума. Раньше у нас на подъездных путях вагон стоял в среднем 14 часов. А это чуть ли не вдвое больше положенного. Это при норме 7,9 часа. Представляете, какие это потери! Ведь вагоны-то могли бы бегать, а они у нас на приколе оставались. Так вот с тех пор нам и норму уже успели ужесточить, и все равно мы в нее укладываемся. Новая норма — 7,1 часа. А вагон у нас стоит теперь в среднем всего 6,7 часа.

И это не просто хороший результат. Он для всей Целинной железной дороги один из лучших. Не зря железнодорожники прошлым летом на базе нашего цеха проводили школу передового опыта. Больше ста человек собралось со всего Казахстана. И учили их на нашем примере. Газеты о нас писали. Раньше бы мне кто про такое рассказал, я бы не поверил...

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Но результат, он ведь не только в цифрах. Люди у нас меняются стали. Такую вещь, как часовой перекур с дремотцой, теперь и представить трудно. Ведь лентяй не просто сам в зароботке потеряет, он всю бригаду подведет, всех премии лишит. Соответственно и отношение к нарушителям стало другое.

Вот есть среди грузчиков один славный парень, Вася С. Хороший работяга, безотказный. К тому же балагур и весельчик — душа компании. В прежние времена любил он крепко выпить, прогуливать. Как, бывало, станем его отчитывать, он все на шутки-прибаутки сведет. Ну, и махнули на него рукой, мол, человека не переделашь. Но теперь, когда работать по-новому стали, отношение к Василию сразу переменилось. Какой он работник хороший ни будь, а раз прогулял, то вреда от него коллектива больше, чем пользы. Вася, конечно, по старой привычке после очередных своих «подвигов» попробовал отшутиться, но не тут-то было. Ребята так взяли его в оборот, что у него пропала всякая охота балагурить. И смотрим — меняться стал человек.

Так же и наш Михаил Иванович. Насел на него пару раз коллектив, и с прогулами у человека как отрезало.

И что интересно, за ум взялись все, кто в цехе по десятку и больше лет. Сначала они еще хорошились, не нравился им новый строгий порядок, уж очень привыкли к прежней вольготной жизни. Но один в поле не воин, против коллектива не пойдешь. Мы им так прямо и заявили: или вы, ребята, ломайте свою натуру, или уходите из цеха, не мешайте нам работать нормально. А им, конечно, уходить не хочется, привыкли тут, свои все вокруг. И признали они новый порядок. Впрочем, некоторые из тех, кто в цехе недавно, не захотели со строгостями мириться. Пришло кое-кому уйти. Кто сам догадался, а кого и мы попросили, товарищи по бригаде...

Смена

Работа
как дело
жизни

Вообще бригада теперь в силу вошла. Ее мнение — закон. Вот был у нас в цехе такой — назову его Николаем, большой лентяй. В прежние-то времена просто махнули бы на него рукой: живи, как хочешь. А теперь помучилась с ним бригада, помучилась, а потом написала докладную начальнику цеха: мол, просим этого человека от нас забрать, работать с ним не хотим потому-то и потому-то. Ладно, начальник цеха пообещал просьбу учесть. Но ведь Николая этого мало из одной бригады забрать, его надо в другую определить. В других, однако, про этого горе-рабочника наслышались, никто его к себе брать не хочет. Да и сам-то начальник цеха цену Николаю знает и поэтому никого особенно не уговаривает. Кончилось тем, что позвал он к себе Николая и сказал ему откровенно: «Я бы, знаешь, тебя устроил. Я лично. Но ты же сам видишь, ни одна бригада тебя не берет. Ну, не хотят — и все. И ничего я с ними поделать не могу. Так что ты сам решай. Или иди к ребятам, в ножки падай, проси, или...».

Этим вторым «или» дело и закончилось. Написал Николай заявление, как водится, по собственному желанию. Но, думаю, он это свое «собственное желание» надолго запомнит. Ведь одно дело, когда человек с работы уходит, потому что с начальством не подадил. Тут и самооправдание придумать можно, мол, начальник нехорош. Но если против тебя твои товарищи, все до единого, тут тебе уже никакие самооправдания не помогут. И если не совсем еще испортился человек, то обязательно поймет, что неправильно жил, исправляться надо, пока не поздно. Получается воспитание увлечением.

А бригада все больше власти забирает. Раньше, когда народу в цехе не хватало, мы кого попало к себе брали. Теперь по-другому. Народ в бригаде стал постоянный. Поэтому из тех, кто хочет к нам поступить, мы выбираем лучший «человеческий материал». Вот, скажем, приходит человек наниматься. Мы его брать не спешим. А ну-ка расскажи, кто ты есть и откуда, почему с прежней работы ушел. Если решим принять, то только с испытательным сроком. Месяц отработай, покажи себя. Если будем, мол, тобой довольны, тогда можешь писать заявление: «Прошу зачислить меня в бригаду путейцев».

И не мы одни. В других бригадах такой же порядок.

ФУТБОЛ

Да, не в пример прежнему дружнее сейчас живем. Интереснее. Я раньше все пытался футбольную команду организовать. Но какое там! Никого не заманиши. А теперь и спортсмены у нас нашлись. Собрали я их, и пошли мы в комитет профсоюза объединения. Так, говорим, и так, нужна нам форма: бутсы, майки и все такое прочее. На нас смотрят, как на чудо-юдо: это же первый случай в истории, когда железнодорожный цех свою команду выставляет. Шутят: «Может, вам лучше не в футбол, а в лягурбол? Привычнее!»

Ах так, думаем! Ну вы нас еще узнаете. Обиделись мои ребята и играли как звери, на поле костылями ложились. А в объединении команд много, игроки все друг друга давно знают, кто на что способен. И тут откуда ни возьмись — мы, «темная лошадка». Поначалу думали они нас просто шапками закидать. Но не вышло! До самого финала мы пробились. Только второму цеху уступили. Их капитан еще посмеялся: мы, говорит, вперед вас бригадный метод внедрять стали, потому и выиграли.

Смех смехом, а ведь если разобраться, так оно и получается. Второй цех в самом деле первым в объединении бригадами занялся, а мы — следом. Выходит, что ни возьми: хоть работу, хоть спорт, — везде этот бригадный метод из людей коллектива делает.

А наутро после того финального матча идем мы на работу, а над проходной, как обычно, буковки плывут — световая газета. И в этой газете нас со вторым местом поздравляют. До чего же приятно читать! То все в хвосте тянулись. А тут и в соцсоревновании стали призовые места занимать и спортсменами задались.

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ

Вот я вначале говорил, что на наш цех когда-то уже рукой махнули. Мол, вспомогательный, работа неквалифицированная, тут уж не до дисциплины. Неверное это рассуждение, нелепое. Мы его на своем опыте опровергли. Я и думаю: а может, вообще не стоит делить рабочих на основных и вспомогательных? Есть в такой классификации что-то архаичное...

Вот наш цех взять. Конечно, мы никакой продукции сами не выпускаем. Но это еще ничего не значит. Предположим, наше объединение свой план выполнило и перевыполнено, столько сельхозмашин изготовлено, что иставить их негде. Если наш цех не сумеет вовремя отправить эту технику потребителям, то считай, что и все объединение не справилось с заданием. Какие же мы после этого вспомогательные!

То же и в других коллективах. Вот читаю в газете: пустили где-то автоматическую линию, да такую сложную, что наладчиками при ней рабочие с высшим образованием. А ведь наладчиков тоже

испокон веку причисляли к вспомогательному персоналу. Но какие же они вспомогательные: не так ли они отдаются, убытки пойдут миллионы.

И потом, главные, второстепенные — плохо людям от такого деления. Тем, которые второстепенные.

Что еще получается из-за такого деления? Приходит в объединение какой-нибудь новый механизм, скажем, автопогрузчик. Куда его определить? Конечно, в основной цех. И так год за годом.

На съезде партии говорилось, что в этой пятилетке и в следующей с рабочей силой будет не густо: прирост населения не тот, последствия войны — рождаемость низкая. А если прирост трудовых ресурсов невелик, значит, надо искать, где их сэкономить, где людей высвободить. А вот они, эти люди, во вспомогательных цехах. Механизации здесь немного, в основном ручные работы. Техники бы сюда побольше. Люди бы освободились, на основные производства пошли бы.

Или труд этих так называемых вспомогательных организовать лучше, эффективнее, вот как у нас в цехе, и тоже тебе — экономия живого труда. У нас в цехе как получилось благодаря бригадному методу? За последние пять лет объем работ вырос вдвое, хотя при этом рабочий персонал вырос всего на один процент. И потому, что отнеслись в объединении к нашему цеху как главному, всерьез бригадный метод внедрили. Сейчас, на нас глядя, другие цеха бригадами занялись. Основные у вспомогательного учатся! Отменить бы вообще это деление на основных и вспомогательных. Зачем оно с точки зрения государственной? У нас все главные. И внимание всем нужно одинаковое. И всем — в первую очередь.

Записал
Владимир МОРОЗОВ

ПЕРВЫЙ ЛОМОТЬ — МАСТЕРУ

Сегодня я с улыбкой вспоминаю то занятие по вождению трактора, в давние годы назад мне было стыдно, горяко, и больше всего я боялся расплакаться. Я никак не мог запустить двигатель, а рядом стояли товарищи по группе и мастер Сергей Сергеевич Первых. Никто не смеялся надо мной, но и на помощь прийти не спешили. Я чувствовал свою вину: несколько теоретических занятий пропущено без уважительных причин. Я попросту уходил по своим, как мне тогда казалось, важным делам.

Мастер подошел и положил свою тяжелую руку на мое плечо: «Теперь ты понял, что без знаний не сможешь стать хозяином машины?» Для меня это было доказательство долгих нотаций. До сих пор помнится полученный тогда урок...

Мастер... За два года учебы в училище он стал самым близким человеком не только для меня. Он знает о нас все (и не только хорошее), но не было такого, чтобы он обидел, унижал кого-либо из нас. Он учил нас болеть за товарища, уметь прийти к нему на помощь, строго спросить за совершенный проступок.

В группе хорошо помнят случай, который произошел на практике. В тот день сел кудиль, серенький дождь. Пахать было нельзя, и до обеда мы не выходили из домиков. Отделение это расположено далеко от центральной усадьбы, и из-за дождя хлеба в тот день не подвезли. К столу подали чертый, вчерашний. Один из наших ребят швырнул кусок хлеба в сторону и выругался. Мы даже не успели ничего сообразить, как по столу грохнула кулачком мастера: «Мальчишка! Как ты смеешь?!» Мы никогда не видели его таким разгневанным... Стояла гнетущая тишина, в он, тяжело повернувшись, вышел из комнаты. Спустя часа два Сергей Сергеевич пришел, сел на кровать к тому, бросивший хлеб и рассказал нам историю давней военной поры, когда он, тогда еще сам мальчишка, впервые познал цену хлеба.

Мать его раз в неделю продавала путь в тридцать километров туда и обратно, чтобы на толкучке обменять кое-какие вещи на кукурузную муку. А дети оставались дома и до ночи ждали ее возвращения. За день дети старались прибрать в комнате, чтобы хоть этим порадовать мать. Излученная, замерзшая, она входила в дом, внося с собой жизнь. И, забыв голод, дети бросались прежде к ней, матери, а не к мешку. А потом месили тесто, пекли кукурузные лепешки, вкуснее и спасающие которых не было ничего на свете. Первый кусок — маме, правда, она всегда передавала его младшему. И если, боясь уронить, хотя бы крошки.

А потом, обращаясь к тому парню, мастер сказал: «Трактор ты водишь хорошо, но ценить хлеб и труд я тебя не научил. Не уверен, становишь ли ты настоящим хлеборобом». Больше никто не сказал ни слова. Но мы точно знаем, что был еще разговор у парня с мастером. О чем они говорили — это осталось для нас тайной. А вот слова его о настоящем хлеборобе заставили нас о многом задуматься.

Есть у меня мечта: вот окончу училище, начну работать. Из первой же пшеницы, выращенной своими руками, испеку душистый каравай. Первый ломоть — Мастеру.

Владимир НЕУМЫВАКИН,
СГПТУ-23
имени Джамбула,
с. Узун-Агач,
Алма-Атинская область

Василий СЕЛЮНИН

ПОЧЕМУ НАДО ЭКОНОМИТЬ?

Вопрос вроде бы праздный: чем больше добра мы сбережем, тем богаче будем. Это мы сами знаем. Экономист уточнит: затраты на мероприятия по экономии, например, топлива в два-три раза меньше, нежели расходы на его добывку и доставку к потребителю. Футуролог, то есть специалист, прогнозирующий будущее, скажет: многие природные ресурсы невосполнимы, и не столько уж осталось их в недрах земли, чтобы роскошествовать. Скажем, учет добычи нефти ведется в России с 1860 года. За первые 80 лет было извлечено из недр около 600 миллионов тонн, сейчас мы за год добываем больше. Просто рассудительный человек, наблюдающий за событиями в мире, подведет итог: кончилась эра дешевой энергетики и дешевого сырья.

Все это, конечно, верно. Есть, однако, еще одно соображение в пользу бережливости, я считаю, главное. Чтобы понять его, нам с вами надо будет вникнуть в план на XI пятилетку.

Промышленность в целом должна увеличить производство на 26—28, а машиностроение — не менее чем на 40 процентов. Стало быть, темпы развития машиностроения будут в полтора раза выше среднего по индустрии. В новой пятилетке в несколько раз уменьшится прибавка рабочих рук, и, чтобы достичь высоких темпов развития, совершенно необходимо быстрее, чем прежде, наращивать производительность труда. Без достатка новой техники это немыслимо, а технику дает именно машиностроение.

Химия и нефтехимия тоже станут развиваться с опережением. Наконец, выпуск предметов потребления должен увеличиваться опять-таки быстрее, чем все промышленное производство. За такое решение, думаю, никого не надо агитировать.

Словом, если спросить, куда, в какую сторону направлены все эти структурные сдвиги, ответ будет однозначным: туда, куда целесообразней. Сложнее с другим вопросом: а откуда пойдут сдвиги? Все отрасли не могут одновременно развиваться с опережением — средний темп складывается из крупных прибавок в одних отраслях, умеренных в других и скромных в третьих звеньях хозяйства. Так вот, самые скромные приrostы запроектированы в производстве топлива, электричества, сырья. Действительно, добыча нефти увеличится на 2,8—7 процентов, добыча угля — на 7,5—11,7, выпработка электроэнергии — на 19,7—23,6, производство готового проката черных металлов — на 13,6—16,5, строительных материалов — на 17—19, цемента — на 12—13,6 процента.

Еще десятилетие назад хозяйственники, пожалуй, назвали бы такую раскладку просчетом плановиков, несбалансированностью плана. Отныне приведенное соотношение величин становится нормой. В том и заключается поворот к эффективности, что выпуск конечной продукции должен возрастать быстрее, чем расход живого труда, топлива, сырья, основных производственных фондов, капитальных вложений. Но из нашего сопоставления следует: пятилетка может быть выполнена только при сокращении расхода ресурсов на единицу продукции. Если же такого сокращения мы не достигнем, то общий темп развития промышленности да и экономики в целом будет равен лишь темпу, заданному сырьевыми отраслями. Даже при беглом взгляде на вещи видно, что в этом случае индустрия исполнила бы разве что половину намеченного задания, а может, и того меньше. Иначе говоря, судьбы пятилетки прямо зависят от бережливости.

Известны и параметры экономии. Давайте немножко посчитаем... ну хотя бы по расходу топлива. Основные его виды — нефть, газ и уголь. Как уже сказано, прибавки добычи нефти и угля невелики, а вот добыча газа увеличивается сильно. Чтобы оценить всю ситуацию с топливом, нам надо привести разные его виды, так сказать, к общему знаменателю — к условному стандартному топливу. По такому счету за пятилетку будет добыто примерно 10,3—10,6 миллиарда тонн условного топлива. Самым обобщенным показателем экономики служит национальный доход. Если мы поделим количество топлива на сумму национального дохода, то получим так называемую энергоемкость национального дохода, то есть добычу топлива на рубль дохода, используемого на потребление и накопление. В прошлом пятилетке эта величина составляла 4 килограмма 365 граммов, в нынешней надо расходовать, как показывают расчеты, на 170—211 граммов меньше. На первый взгляд задание не столь уж напряженное — подумаешь, какие-то граммы. А подумать имеет смысл. В минувшем пятилетии расход топлива на рубль дохода не только не сократился, а даже возрос на 26 граммов, хотя он был и прежде недопустимо высок. Как отметил товарищ Л. И. Брежnev на XXVI съезде партии, «по сравнению с лучшими мировыми показателями на единицу национального дохода мы тратим больше сырья и энергии. Стало быть, есть возможность значительно увеличить выпуск конечной продукции из уже имеющихся ресурсов».

Выигрыши одного только грамма означают экономию около 2,5 миллиона тонн условного топлива, а при выполнении всего задания новой пятилетки удастся сберечь 425—525 миллионов тонн, что соответствует годовой добыче каменного угля.

XXVI съезд партии выдал директивы по расходу и других ресурсов. В машиностроении предстоит уменьшить нормы расхода проката черных металлов не менее чем на 18—20 процентов, в строительстве надо обеспечить экономию 7—9 процентов проката и лесоматериалов, 5—7 процентов цемента.

Теперь уже ясно, что эти задания следуют считать минимальными. Ситуация в экономике усложнилась. За восемь месяцев первого года пятилетки угольная отрасль задолжала без малого 16 миллионов тонн топлива, причем сравнительно с тем же периодом 1980 года вместо запланированных приростов получилось падение добычи на 6,6 миллиона тонн. Правда, газовая промышленность план перевыполняет, но сверхплановый газ отнюдь не возмещает недобора угля. Черная металлургия за этот же срок недодала больше двух миллионов тонн готового проката. Придется уменьшить расход этих ресурсов даже сравнительно с напряженными нормами — другого выхода у нас нет. Иначе с самого начала пятилетки будет накапливаться общее отставание экономики от тех заданий, которые объявлены и одобрены.

МЕРА ПОТРЕБНОСТИ

Нужно управлять расходом ресурсов. Плановое хозяйство предоставляет для этого достаточно надежные способы. В самой пятилетней программе содержатся меры стратегического свойства, исполнение которых даст заранее известный эффект. Так, в первом году пятилетки выработка электричества возрастает на 45 миллиардов киловатт-часов, из них почти 30 миллиардов падает на долю атомных, а также гидростанций. Это позволит сберечь примерно восемь миллионов тонн топлива. А за всю пятилетку свыше 70 процентов прироста производства электричества дадут ГЭС и АЭС. Треть заданной экономии металла обеспечат сами металлурги, увеличив выпуск экономичных профилей проката. Химики станут производить больше синтетиче-

ских смол и пластиков, каждая тонна которых заменяет до 3—4 тонн проката.

Судба такого рода акций общегосударственного масштаба в общем-то не вызывает особой тревоги — под них выделены все необходимые ресурсы. Но, как правило, это дорогие мероприятия. Между тем непосредственно на предприятиях-потребителях можно получить громадный эффект при скромных затратах. Недавно мне довелось побывать в Тернополе, в производственном объединении «Ватра». Здесь создано крупнейшее в Европе производство дросселей для ламп дневного света. По плану, составленному специалистами «Ватры», выпуск дросселей предполагается довести в 1985 году до 13,5 миллиона штук. Что это даст? Люминесцентные лампы поглощают в пять раз меньше электричества, нежели лампы накаливания. Светильники, укомплектованные тернопольскими дросселями, в конце пятилетки потребуют при горении примерно на 20 миллионов киловатт меньше мощностей, чем лампы накаливания. Сравните: на всех атомных станциях за пять лет будет введено 24—25 миллионов киловатт новых мощностей. Эффекты сопоставимы, а затраты, как вы сами понимаете, очень даже различны.

Суть вопроса, однако, в том, что для развития атомной энергетики не нужно

Как тут быть? Лучше всего поручить бы нормирование нейтральной организации, хоть тому же Госснабу. Однако эта работа ему непод силна. Возьмем для примера какое-нибудь простенькое изделие — вот хотя бы шариковый карандаш, которым я пишу эти заметки. На него израсходованы два сорта пластиков, латунь, сталь, паста — значит, надо пять расходных норм. А сколько их потребуется на автомобиль одной модели? Тысячи. Всего же наше хозяйство выпускает не менее 12 миллионов видов продукции. Конечно, на верхних этажах планирования пользуются упрощенными нормами. Но чтобы найти норму, допустим, на один условный подшипник, все равно ведь надо исчислить прежде расход материалов на все виды реальных подшипников. Словом, никакой сверхорган не сможет составить сотни миллионов норм и ежегодно пересматривать их.

Так или иначе придется доверить дело самим предприятиям, пусть и под контролем сферы управления. Тогда задача разрешима, ибо и сегодня на производстве не тратят ценности без меры и веса. В известном смысле вся наша жизнь пронизана нормированием. Обед приготовить — и то мера нужна, хорошая хозяйка сообразуется не только с кулинарной книгой, а еще и с

с лихвой возместит эту потерю заработка иным способом. Чтобы все стало ясно, расскажу одну историю, которую мне только что довелось расследовать.

В тресте «Калининстройтранс» отчеты показали нечто противоречащее здравому смыслу. Обычным порядком шоферам выдают здесь талоны на горючее — само собой, по строгому счету. Другая учетная форма улавливает расход горючего по путевым листам. По идее цифры должны сходиться: сколько бензина получено, столько будет и истрачено. Вышла, однако, накладка. За три месяца по трем автобазам треста списано на полтораста тонн больше горючего, чем могли получить водители по талонам. Как так? Уж не покупали ли шоферы бензин за собственные деньги на автоколонках?

Нет, таких чудес не было. Все гораздо проще. Основная зарплата водителя зависит от исполненных тоннокилометров, то есть от веса перевезенного груза, помноженного на расстояние доставки. Не сумев как следует организовать работу, руководители транспортного треста допускали систематические приписки. Например, вывозка отходов с местного домостроительного комбината была завышена в четыре раза, приписаны многие сотни тысяч тоннокилометров. Только в виде зарплаты шоферы получили лишних десять тысяч рублей. Один ловкач полтора месяца не выезжал на линию, но исправно сдавал поддельные путевые листы и отхватывал по нему 860 рублей.

Обман сразу вылезет наружу, если не избавиться от «лишнего» бензина. Только по операции «Мусор» незаконно списано около 108 тысяч литров горючего — по нынешним ценам оно стоит около 40 тысяч рублей. После того, как недобросовестные водители отчитывались за выданные им талоны, все равно оказывалось, что горючего истрачено недостаточно — на приписанные перевозки его требовалось больше. Вот откуда возникла мифическая бензин сверх полученного по талонам. Но прежде надо было любым способом потратить талоны.

Добро, если просто выбрасывали их. А ведь и хуже бывает. Мы никогда не узнаем, какую часть «сбереженного» бензина водители продали владельцамличных машин, сколько добра слили в канаву. Не узнаем потому, что Калинин стоит на оживленном тракте, и на автоколонках невозможно учесть, чьи талоны отоварены. Несовершенная система учета и — расточительство. Яснее картина в городах, расположенных на отшибе. По моей просьбе тюменский журналист Юрий Беланов запросил в областной ГАИ сведения на свой счет. В Нижневартовске, Нефтеюганске, Мегионе, Лабытнанги и Надыме пока нет колонок для заправки ни казенных, ни частных машин (горючее выдают прямо на автобазах). Между тем там зарегистрировано 10,5 тысячи частных авто-

машин и 2,6 тысячи мотоциклов. В тех краях повальное увлечение моторными лодками. На каком же, спрашивается, горючем движется вся эта техника? Я слишком уважаю читателя, чтобы всерьез отвечать на такой вопрос. Знатоки полагают: в целом по стране примерно четыре миллиона тонн дармового казенного бензина ежегодно поступает в баки частных машин.

А что тем часом покажет расходная норма? Колossalную экономию. Да-да, не удивляйтесь. Вспомните: на домостроительном комбинате вывозка мусора преувеличена в четыре раза. Значит, водитель списывал горючее на сотню километров пути, проехав всего 25 километров. Сколь бы расточительно он ни тратил бензин, по отчету уложится в самую жесткую норму.

Есть мыслители, склонные утешиться тем, что в нашем общенародном государстве подобные вещи не могут стать массовым явлением. Что ж, оно верно, большинство водителей ни при каких обстоятельствах не станет губить народное добро, обманывать государство. И все-таки это плохое утешение: расточительства не должно быть вовсе. Замечательно, что сами рабочие ищут и находят экономическое решение проблемы. Об этом рассказал мне калининский шофер Анатолий Фомиченко. Он был одним из организаторов бригады водителей. На перевозку грунта члены бригады без всяких приписок зарабатывают по три сотни в месяц. В бригаду входят экскаваторщики и бульдозеристы из обслуживаемой строительной организации, и весь коллектив получает вознаграждение за конечный результат труда. Истинное решение задачи достигается, когда сломаны ведомственные перегородки, когда бригада включает в себя и водителей и тех, кого они обслуживают. А как известно, в нынешней пятилетке бригадная форма организации труда должна стать преобладающей.

Обратите внимание: начав разговор об экономии ресурсов, мы с вами подошли к общим вопросам организации труда. В том есть своя логика. Лимиты, нормы, стимулы, короче, вся система управления расходом ресурсов есть лишь составная часть общего хозяйственного механизма. А безотказно действует тот механизм, в котором все детали подогнаны одна к другой, действуют во взаимном сцеплении. Совершенствование хозяйственного механизма, намеченное на нынешнюю пятилетку, как раз и дает пусковой импульс всей программе экономии.

Наш человек славен трудом. И невозможна в такой социальной практике мораль без уважения к плодам труда Мастера, без почтительного отношения к любой материальной ценности, без экономного использования всего того, чем богата наша земля. А богат не тот, у кого много добра, а кто умеет считать и беречь это добро, понимая, что природные и другие ресурсы страны — это не бездонный кладезь, не подарок на сегодняшний день и понятие отнюдь не абстрактное. Это НАШЕ богатство, от которого зависит достаток каждого сегодня и благополучие тех, кто придет за нами...

Больно видеть хлеб, брошенный под ноги посреди большого города, драгоценный уголь, пропадающий вдоль железнодорожных путей. И, конечно, нужны совершенно конкретные практические меры, которые позволят сделать рационализм нормой нашего труда, всей нашей жизни. Бережливость должна стать не только нравственной, но и экономической категорией.

Тахафи АХТАНОВ,
писатель

**ИТАК, МЫ ЖДЕМ ОТ ВАС, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,
ПИСЕМ О СВОЕМ МЕСТЕ
И МЕСТЕ СВОИХ КОЛЛЕКТИВОВ
ВО ВСЕНАРОДНОМ ПОХОДЕ ЗА ЭКОНОМИЮ**

ДИАЛЕКТИКА БЕРЕЖЛИВОСТИ

или несколько соображений
о роли и значении экономии
для успешного выполнения
заданий XI пятилетки

прямого участия потребителей: им все равно, с каких станций поступает энергия. А вот проект, выдвинутый «Ватром», мыслимо провести в жизнь лишь в том случае, если бесчисленные заказчики будут заинтересованы в замене обычных светильников экономичными. Вот почему вводится жесткое нормирование расхода ресурсов. Именно этим способом и намечено получить решающую долю заданной экономии топлива, электроэнергии, проката, горючего для автомашин и прочих ценностей.

Одновременно с производственным планом предприятие получает нормы расхода материальных ресурсов на единицу продукции, причем нормы положено ежегодно пересматривать. Такой порядок вводится сверху донизу: союзный Госплан выдает нормативы министерствам, ведомствам, союзным республикам, те доводят их до объединений и предприятий, руководители предприятий определяют дифференцированные нормы цехам, участкам, бригадам.

Дело это отнюдь не простое. Помню, на коллегии Госснаба СССР один из руководителей Красноярского управления снабжения поведал довольно-таки грустную историю. Начинается создание огромного Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. В строительных организациях, которые набирают силу в этом регионе, около шести сот человек готовят заявки на материалы. Красноярские снабженцы по долгу службы выборочно проверили заявки и дружно схватились за головы — почти во всех случаях расходные нормы были завышены. Расчет ясен: заказать материалы с избытком, чтобы потом не бедствовать даже при срыве некоторых поставок.

Казалось бы, при таких стимулах дело пойдет само собой. Но экономика — штука сложная. Не столь уж редки ситуации, когда одни стимулы перешибаются другими. Порой оказывается, что выгодно как раз расходовать возможно больше материальных ценностей. Конечно, в данном случае транжир не получит доплат за экономию, однако

ВЫХОДА В ГО

Иван УХАНОВ

РАССКАЗ

Юрию БОНДАРЕВУ

Yже к полуночи серое снежное небо опустилось на крыши домов, и в городе стало как-то спешно, раньше срока смеркаться, вечереть. Ветер с заунывыми посистами гнал по земле волны белесой дымящейся пыли. Да и не было уж ни земли, ни неба, все смешалось в снежных вихрях морозной бури, все куда-то неслось, ломилось, пропадало, и темные силуэты домов-пятиэтажек, нечасто стоящих вдоль улицы, казались гибнущими от свирепого шторма кораблями.

Яша Опарин, весь закурявленный, белый, как мельник, ввалился в свою квартиру на пятом втором этаже и, закрыв за собой дверь, сразу как бы оставил позади и ошалелую выигру и усталость. В прихожке его встретили Лиза и Василек — же на и шестилетний сынишка, какие-то особенно родные и нужные ему сейчас, в пору этого скучающего за окнами ненастя.

Лиза, невысокая, крепенькая, приятно веснушчатая, взглянула в его жесткое, грубо красное, всеми ветрами продубленное лицо и по привычке помогла снять ватник и тяжелые, с резиновой подошвой валенки. Она знала, как нужны Яше эти ласковые мелочи, теплые ее руки, знала, как нелегко ему бывает там, в студеном поднебесье, на семи ветрах... При плохом настроении у человека даже на земле дело не kleится, а на головокружительной высоте и подавно. Унывать монтажнику-верхолазу никак нельзя, по долгу службы не положено. Заботясь о душевном благополучии мужа, Лиза, однако, не теряла надежду отлучить его от опасной этой профессии. Для золотых Яшиних рук на земле нашлось бы дело. Заведут об этом разговор, накричатся, наспорятся... Стычка заканчивается слезно-беспомощными угрозами Лизы: «Только разбейся у меня, я тебе тогда!.. Вот только разбейся...»

За ужином Яша не без горести пожаловался:

— Лихачит, прямо-таки хулиганит ветер. Не работа — мучение. А каково тому, кто сейчас в пути, за городом?..

Засыпая, Яша прильнул к теплой груди Лизы. Она обвила его плечи легкими руками и затихла. Едва они заснули, как раздался телефонный звонок — резкий, неуточный. Яша на ощупь нашел трубку, с полминуты прижал ее к уху.

— Хорошо, — буркнул он и встал с кровати.

— Кто звонил? — спросила Лиза и нехотя потянулась к торшеру, защелкнула кнопкой.

— Не трудись... Во всем городе нет света. Лопнул шлейф гибкой связи на втором блоке ГРЭС. А первый — на ремонте. Главный инженер звонил, машину сюда выслал.

— За тебя? Но при чем тут ты? — Лиза спрыгнула с кровати, пошла в кухню искать спички и керосиновую лампу.

— Всю бригаду приглашают.

— Лезть на высоту, да?

— В такую погоду верхолазы не работают.

— А зачем же вызывают? — Лиза поднесла зажженную спичку к своему припухшему лицу, и Яша отвел взгляд от ее вопросительно-испуганных глаз. Он не знал, что ответить.

— А что такое — шлейф гибкой связи? — спросила она.

— Это алюминиевые дуги. Они подвешены на гирляндах изоляторов. Гирлянды эти крепятся на мачтах-опорах. По шлейфу ток от энергоблока идет к электропроводам. Вот он и лопнул... Поэтому отключен весь энергоблок. А это триста тысяч киловатт. Понимаешь?

— Понимаю. Это половина Днепрогэса, — подсчитала зачем-то Лиза, и ей стало понятно, почему так торопится Яша, она и сама вдруг заторопилась приготовить ему поесть.

Яша с аппетитом проглотил яичницу, оделся, кинул в губы сигарету, чтобы в подъезде сразу же закурить, и шагнул к двери. Лиза догнала его на пороге, дернула за рукав и умоляюще приговарила:

— Вот только разбейся! Я тебе тогда...

— Но довершать прерванный сон Лиза не стала. Где уж спать! Теперь до возвращения мужа глаз не сомкнет, делать ничего не сможет, все из рук будет валиться...

Прибирая кровать, Лиза вспомнила недавний разговор с Петей Климовым, самым молодым, двадцатилетним верхолазом. Почти вся бригада монтажников новогодьеправляла на квартире Опариных. Любитель пофрантить, Петя пригласил Лизу на танец и щегольски развлекал ее рассказами:

— У нас, как у военных летчиков в бою. Я, например, работаю в паре с Яшой. Если на точку идет он, я страхую его. И наоборот. Короче, жизнь друг другу вверяется. Вот было... в сильный ветер монтировали эстакаду. Я не заметил, как соскользнул, отцепился у меня карабин, ну, страхового пояс. Яша увидел, схватил меня, когда я уже падал...

Лиза замерла от страха после таких простодушно-веселых рассказов Пети.

К полуночи выигру помаленьку стала стихать, но еще свистела, буровила сугробы, белыми космами вскидывалась к небу, норовя задымить то там, то сям проглядывающие в нем голубые оконца. Не ведая, когда вернется Яша, Лиза, однако, ко времени готовила обед и в первом кипении сидела с Васильком на диване, взглядывая то на часы, то на телефон.

— Сянинский характер! Ушел — пропал. Неужели нельзя позвонить?! — громко возмущалась она, вовсе не стесняясь Василька. Какой-никакой, но рядом был все же собеседник.

— Мам, ты говорила, что у меня папин характер. Покажи, где у меня характер? — допытывалась Василек.

— Перестань! — отмахнулась Лиза. — Характер нельзя показать, как игрушку... Вот где он сейчас, наш папа? Опять полез?..

Прошло еще немного вот такого тяжостно-неспешного времени, и тут вдруг вспыхнула лампочка в торшере, включенная еще ночью. «Ага, значит, верхолазил все-таки. Ну, погоди. Вот только заявись!..» — с какой-то мстительной отрадой подумала Лиза, и слезы обиды и гордости за Яшу покатились по щекам.

Яша пришел очень усталый. Сил у него хватило лишь на слабую улыбку. На все расспросы, с которыми подскочила к нему Лиза, он ответил тихо, одной фразой:

— Порядок. Там...

И ткнул пальцем вверх: то ли в потолок, то ли в зажженную люстру.

Похлебав горячего борща, он повеселел малость, попросил собрать ему бельишко в баню.

— Хоть неважна погодка, но пойду... Что-то перенапрягся и передрог лишку...

— А говорил, что в такой ветер верхолазы не работают. Кто ж послал тебя? — сострадательно выпытывала Лиза.

— никто. Послать, приказать никто не имел права. Сам полез. Мы с Петей Климовым вызвались...

— Но почему полез ты... с Петей, а не другие? — негодующе-жалобно закричала Лиза и затянула над поникшей головой мужа обеими своими кулачками.

— Не знаю, — негромко сказал Яша. Он сидел за столом в позе виноватого человека, изредка вскидывая на жену усталые глаза.

— А ты... ты хоть подумал о нас?

— Думал. Я вспомнил, что нынче суббота и ты собралась стирать. Но как ты включила бы стиральную машину без электрознегии? Потом вспомнил еще, что... свадьба же у Гали Косицыной, нашей нормировщицы. В трестовском кафе наметили. Но что за свадьба без света?.. Да и главного инженера жалко было — бледный, как снег. Еще бы: такая авария...

— Ох, какой ты сердобольный для всех. Прямо герой. А по-моему, ты самый настоящий изведатель... Трудно было позвонить? Ведь день ждала... Это ж такая мелочь — взять и позвонить... — всхлипывая, все тише выкрикивала Лиза.

— Мы же на высоте работали. Когда звонить?.. Все начальство внизу собралось, каждое движение наше стерегло... Когда мы с Петей спустились вниз, Паротов, наш главный, обнял и расцеловал меня. А у Пети спросил, какой у него разряд. Петя ответил: третий. Главный ему тут же при всех объявил: «Отныне четвертый будет».

— Гер-рои...

— Тебе виднее, ты педагог, детишек книги про героев читаешь... А по мне, это работа. Кому-то надо было ее делать. Но быстрее и лучше нас вряд ли кто сумел бы.

— Молодец, чего уж... Вообще подвиги иногда легче совершаешь, чем всегда, каждый день, быть нежным и внимательным... Вот попробуй не любить теперь Яшу Опарина, когда его весь город благодарит и цеует...

Яша шагал по заснеженному тротуару и в мыслях улаживал спор с Лизой. Хотелось понятнее ответить ей. Да и себе тоже, а заодно и корреспонденту трестовской многотиражки, который донимал его все тем же вопросом: «Зачем полез?», — только выражал его иными словами: «Что толкнуло вас на этот мужественный поступок?» — «Не знаю, — ответил Яша. — Надо было кому-то... Авария же».

Порывы ветра, толкающие в грудь, заметно послябли и лишь напоминали, как крепок и морозно колюч был этот посвистывающий северяк там, на семидесятиметровой высоте. Он высекал из глаз слезы, комкал и сносил летящие с земли команды главного инженера, и верхолазам приходилось соображать самим, надеяться во всем только на себя. Сперва они поднялись на крышу главного корпуса ГРЭС, а оттуда по высотной мачте-опоре взобрались к гирляндам толстых изоляторов. Чуть передохнув, стали спускаться по этим гирляндам к концам лопнувшего шлейфа. Ветер, как хотел, раскачивал их, мороз леденил губы, дыхание, доставал и сковывал в меховых перчатках пальцы рук. Валенки скользили по изоляторам, к которым они пристегнули себя монтажными карабинами. Второй час мерзли, коченели, а самое трудное было еще впереди — гайки надо было отвернуть, снять лопнувший шлейф, спустить его на лебедку вниз, затем поднять и точно завести, зашплинтовать новый... Климов стучал кулаками и, чуть не плача, кричал одеревенелым ртом частушки...

То ли от воспоминаний этих, то ли от холода Яша охватывал озноб, и, несмотря на скорый шаг и теплое пальто, он никак не мог согреться. «Простудился, кажется. Скорее в парилку — и сразу будет порядочек», — подходя к бане, весело-утешающе подумал он. Когда взялся за скобу входной двери, то вдруг услышал за спиной взглыво-рэзкий лай собаки. Яша оглянулся и увидел справа, у входа в баню, маленькую рыжую собачку.

Мимо нее пробегали струйки поземки, она сотрясалась от холода и не могла никуда деться: поводок был привязан к торчащей из снега железной скобе, о которую в дождливые дни посетители очищают грязные подошвы. Вот собачка метнулась за кирпичный угол бани, желая склониться там от ветра, но поводок натянулся и не пустил ее туда. Собачка с визгом яростной беспомощности рванулась вспять и стала грызть поводок. Пока Яша стоял возле двери, в баню вошли два или три человека. Собачка по очереди робко приласкивалась к каждому из них и, путаясь в ногах, взбегала по ступенькам бетонного крыльца бани в надежде прошмыгнуть в дверь, в теплую нутро здания. Но в тот момент, когда дверь отворилась и волна теплого воздуха опахнула собачку, поводок натягивался и резко останавливал ее, а дверь захлопывалась перед самим ее носом. Эти неудачи повторялись, наверное, уже много раз, но собачка, иска спасения, продолжала метаться, бегать от угла бани до входных дверей — докуда отпускал ее трехметровый поводок.

Но вот она заметила Яшу, подбежала, села в двух шагах от него, глядя с вопросом ему прямо в глаза и жадно, нетерпеливо дожидалась чего-то. Яша только понеслашьше знал о породах собак, был к ним безразличен, но эта рыженькая бедолага приглянулась ему. Даже в таком своем несчастье она выглядела привлекательно, не походила на какую-то потерпевшую бездомную шатоху, которую шалуны могли привязать вот так для потехи. Нет, это была ухоженная, звавшая заботливую руку хозяина собачка.

Он глядел в черные, чуть насыщенные, красивые, блестящие, наверное, от слез глаза собачки, а думал о ее хозяине, который по каким-то немыслимым соображениям устроил ей эту казнь.

Дрожа всем телом и нетерпеливо переступая на сыпучем снегу лапками, рыженькая с неистовой надеждой глядела на него, готовая мигом отозваться на любой его жест внимания. Яша же остался стоять и, как собачка, клал зубами от холода. Это его бездействие было непонятно ей, возмущало ее, наверное, она тоскливо заскутила, а потом вдруг залилась жутким, каким-то гневно-рыдающим лаем, и в нем слышались мольбы, отчаяние и вопрос: «Что вы делаете со мной? За что?!» — будто кричали ее горячие глаза, как бы жаловался этот плачущий и уже осипший на морозе безответный лай.

«Вот наказание-то, хуже не придумаешь... — задаченно завертел головой Яша. — А ведь есть же хозяин, кого привязана...»

Он поманил рыженькую, она завиляла коротким хвостом и, сдерживая резкое — это угадывалось по всему — желание броситься навстречу зову, не спеша, осторожно подошла к нему. Яша присел и погладил ее по вздрогивающей спине. Собачка сдавленно застонала, потом радостно взвизгнула, будто захлебнувшись восторгом благодарности, и прижалась к Яшиним коленям.

— Озябла? З-эх... Но ты погоди, рыженькая, не липни ко мне. Надо же выяснить, кто тебя забыл тут? — пробурчал Яша и, нехотя оторвавшись от собачки, зашагал к двери.

РОДЕ

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

В кассе приобрел билет и на редкость хороший веник, который наверняка посулит ему близкое блаженство в парильне. Сдавая пальто, спросил у девушки-гардеробщицы:

— Это чья ж, слышите, собачка там привязана?

— Кто знает? Народу тут всякого... Может, сам моется, а собака на морозе. Давненько она там скучит, аж тошно,— устало возмущалась гардеробщница, взяла Яшино пальто и небрежно-ловко кинула его на вешалку. Девушка была молода, яркоглаза, но не в меру, как-то ненужно, печально толстая и, пожалуй, от этого груба и сердита.

— Она ведь замерзнет. Маленькая... А если ее сюдапустить? — нетвердо предложил Яша.

— Еще чего!.. Ладно. Взяли номерок, гражданин? И шагайте,— скучно сказала гардеробщница, а когда он повернулся и пошел в мужское отделение, она добавила вдогонку: — Может, ее специально забыли. У магазинов, на дачах вот так привязывают и бросают. С поездов выкидывают, чтобы не догнала, не нашла...

«Ничего. Сейчас выйдет хозяин и заберет рыженьку», — утешал себя Яша, поднимаясь по ступенькам на второй этаж. Встречу ему прошли мужчина и паренек — с распаренными, в бисеринках пота лицами. «Вот кто-то из них, наверное...» — угадывал Яша хозяина рыженькой.

В просторном предбаннике, куда он вошел, почти все места были заняты. «В такую погоду сюда могли притащиться лишь заядлые парильщики. Вот уж полечимся!» — Яша с отрадой взглянул на небольшую очередь, сел в крайнее креслице и, чтобы занять себя чем-то, достал из сумки газету, в которую Лиза завернула ему белье — номер трестовской многотиражки «Строитель». Сразу же вспомнились остроглазый паренек-корреспондент, его восхищенно-прицепистые вопросы, отвечать на которые было трудно и неловко. Паренек дознавался до чего-то такого, чего на самом деле вроде бы и не было. Любивший иногда покрасоваться, Петя Климов на этот раз, донельзя пропечерненный на морозе, едва не плакал, спустился с опоры на землю и долго не мог отстегнуть непослушными пальцами заиндевелый карабин. И потом уже, отогревшись немного в прорабском вагончике, он приметил человека из газеты, но на вопросы его отвечал, как и Яша, нехотя и недоверчиво: уже слишком ясно и понятно корреспонденту было все то, что они сами не могли толком объяснить. Получалось, Яша и Петя потому такие хорошие и смелые парни, потому самоотверженный поступок совершили, что в их бригаде процветают большая дружба и взаимовыручка, метод бригадного подряда и хозрасчет, соревнование налажено... Корреспондент отчасти был прав, но как-то мелко, налегке прав, и Петя грубо затестировал:

— Что-то вы наладили: «самоотверженный труд», «самоотверженный труд»... Где ни попадя слова эти ставите. А по-моему, коль хорошо я сработал, то не отверг, а утвердил себя трудом. Разве не так? Это ж в дедовские времена, в тридцатые годы ни техники хороших, ни жилья... Чтоб отлично сработать, строителю надо было лишать себя многоного, забыть там про всякий свой интерес... Теперь жизнь иная. И никакие мы теперь не самоотверженные, а нормальные...

— Ага. — Яша поспешил поддержать Петя. — Вот у нас крановщица тетя Клава... Стали ее недавно на пенсию провожать, и тут председатель профкома с трибуны опять это самое заявляет: «Все мы знаем Клавдию Петровну как самоотверженную труженицу...» Да ничего и никого она не отвергала. Работала молодцом, на совесть — вот! За это ее орденом наградили, квартира отличная у нее, пенсия в сто рублей...

Ни Яша, ни Петя, наморозившимся до полусмерти, не желалось соглашаться с корреспондентом, считавшим их чуть ли не героями. Да, на них, по-обезьянски карабкающихся по железным конструкциям мачты, снизу смотрели как на храбрецов-удальцов, сопреживали. И они там, на высоте, знали, чувствовали это и поэтому не могли, не смели поплатиться, спасовать, не смыть. Жалко и страшно было бы после смотреть в каменное лицо сгорбившегося как будто бы под тяжестью огромного личного горя Паратова...

Теплый свет электрической лампочки ярко-празднично лучился в предбаннике. «А не посердству мы с Петей, банька вряд ли сейчас работала бы», — с наявузыенным самообольщением подумал Яша и даже пожалел, что сидящие рядом с ним мужчины не ведают, кого благодарить им за этот светлый уют. Но тотчас стало неловко от этой мысли. Вспомнилось, с какой подмешинкой Лиза сказала «Герои». А ведь Лиза — человек прямой, зря не скажет...

Яша отложил газетку и прислушался к мирно гоготавшим мужчинам. Заядлые парильщики наперебой, с какой-то сладкой угрозой сообщали друг другу, что пригласили для сотворения сухого «вкусного» пара: кто прихватил настой эвкалпита, кто хлебного кваса, кто раздобыл сухой горчицы... Яша и сам был мастер поддавать в печь, добавляя в воду разные снадобья. А нынче в спешке забыл их взять и благодарно слушал запасливых парильщиков, предвкушая благоухание целебного банныго зноя, который готовить при умении нетрудно: пlesenи на раскаленные голые кости кваску — и ударит в нос жаркий дух свежеспеченного хлеба, а в каменку крушку березового сока — и в парильне дышится уж, как в летнем лесу...

— Пивка бы после баньки... Но, говорят, кончились... — с сожалением вздохнул круглоголовый, с набрякшими подглазницами седоватый крепыш.

— В вашем возрасте пора отказаться от пива не только в бане, но и вообще... — посоветовал ему высокий парень с короткой черной бородой на матово-бледном лице. Он стоял перед узким, вделанным в стену зеркалом и крохотными ножницами вылавливал, состригал торчащие кое-где из бороды волоски.

— Что возраст?! Да я здоров как бык, даже не знаю, как быть — с веселой хрипотцой покордился крепыш.

— У вас же отеки... почки шалят.

— А вы кто, доктор? — недоверчиво покосился на бородатого крепыша и смолк, уличенный в незлом своем, но наглядном пороке. Он как-то суевидно потер будто только сейчас обнаруженные мешки под глазами и уступчиво сказал бородатому: — Вы, может, и правы, но давайте не будем... а то разлазимся еще. А склонным да нервным в баню лучше не ходи...

— А ведь это его собачка замерзает. Такой вот... Рассеянный и мог забыть... — глядя на крепыша, смекнул Яша и тихо спросил:

— Это ваша собачка там у входа привязана?

— Какая собачка? — не понял крепыш.

— Слышите, скучит?.. Кто ж так делает, бросает?

Все молчали. Крепыш поднялся с креслица, подошел к окну, приоткрыл форточку и заглянул вниз.

— Да, чья-то там собачонка... Точно, — сообщил он и отошел от окна.

— Нынче на собак в городах мода, как на хрусталь, ковры и личные машины, — заметил круглоголовый, спортивного вида парень, сидящий рядом с Яшем. — Пока украшает квартиру — нужна, а чуть что не так — выбрасывают, как старую игрушку.

— При чем тут мода? — не согласился бородатый. — Моего знакомого много раз гнусно предавали, особенно женщины. Он купил и вырастил великолепного дога Майкла и в дружбе с ним обрел душевное равновесие.

— Чую, у вас тоже есть собачка. — Крепыш подмигнул бородатому.

— Не собачка, а прекрасный эрдельтерьер, — гордо уточнил бородатый. — Симпатяга. Вернейший друг.

— Но ваши эрдельтерьер только ваш друг. А кто для него я, например, или вот он? — спросил бородатого Яша. — И кто для вас та собачка, что мерзнет там на ветру?

— Не понимаю вас. — Бородатый без интереса посмотрел в нескромное лицо Яши. — Впрочем, догадываюсь, о чем вы... Но этак и я могу упрекнуть, почему вы не муж всех идущих по улице женщин?

— Мне и с одной хорошо, — жестко ответил Яша.

— Мне тоже... достаточно одного эрдельтерьера... — с желчной вежливостью сказал бородатый.

Яша натужно умолк, не сказав, толком не выразив того, что думал. Он не хотел спорить, особенно с этим бородатым, натыкаясь, как на льдину, на его холодный взгляд и на такой же холодный голос. Ему хотелось лишь приблизить интерес этого собаколюба к конкретной судьбе рыженькой собачонки. Или он добр только для собственного эрдельтерьера, а та рыженькая для него безгранично чужая, просто ничейная, пустошная, просто уж и не собака, не живая тварь?

Сам Яша собак никогда не держал, хотя давно, в детстве, играл, водился в деревне с Жучками, Бобиками, Шариками. Они были шустрые, смысленные, ласковые, эти мелкорослые дворняги, умели за корочку хлеба «служить» на задних лапках, звонким лаем объявили о появлении в деревне пришлого человека, стерегли стада и огороды, бесстрашно вылавливали полевых грызунов — так органично и деятельно вплетались в трудовую жизнь и быт людей, что без них, непривередливых и покладистых дворняг, жизнь была бы скучна да и немыслима, как без птиц. Но совсем иной, странной, ущербной, вовсе не собачьей виделась теперь Яше жизнь городских комнатных собак. В подъезде пятиэтажки, в которой он жил, тоже имелись собаководы. Рано утром, когда Яша трусцой сбегал по лестничному маршру, спеша на работу, встрече ему попадалась тонкомордая гоняя, которую в гордом молчании вел с прогулки худенький курносый подросток. Вечером, перед сумерками, он опять выводил во двор свою

высокую и длинную собаку и, держа ее на поводке, царски посматривал на бессобачное мальчишеское общество двора. Однако он со своей желто-белой гончей зачастую оказывался в одиночестве, так как не мог показать мальчишкам, на что же конкретно она способна, и они утратили к ней интерес. Небольшой, засаженный молодыми тополями двор был мал, тесен для гончей, сделав два, три прыжка, она сразу же на что-нибудь натыкалась и была похожа на огромную щуку, которую пустили в домашнюю ванну с водой. Бывали минуты, когда гончая, будто завидев что-то вдали, воинственно изготавливала для броска, для скоростной погони. Но это ей лишь грезилось, мерешилось, наверное, и степная даль и азартный гон, на самом же деле никакой дали во дворе быть не могло и догонять там было некого. Словом, гончая годилась только на то, чтобы ее показывать. В руках курносого подростка она выглядела живой, красивой, но очень громоздкой игрушкой, играть с которой несподручно.

В квартире первого этажа тоже держали собаку. Каждое утро на прогулку выходила оттуда пожилая женщина, ведя на ременном, украшенном серебряным узором поводке молодую овчарку. В дальнем углу двора, возле скученных гаражей, женщина отцепляла поводок, и овчарка, получив волю, радостно-возбужденно носилась вокруг своей милостивой хозяйки. Яша однажды увидел, как овчарка, взъерошенная запахами утренней земли, вдруг начала сноровисто расчищать передними лапами замусоренную колдобину. Яша даже заинтересовался и подошел поближе к даме с собакой: видно, какого-то зверька уносила под землей и так азартно раскачивала его нору. Но Яша разочарованно улыбнулся, когда увидел в зубах собаки старую, безногую куклу. Овчарка, то подбрасывая эту драную ватную куклу, то терзая ее когтями, грозно рычала, взлаивала и была жалка в этом своем самообмане, в мимой этой опасности. Искусственный, ложнотревожный лай и угрожающие прыжки ее были нелепы и смешны, потому что нельзя же такой огромной собаке с серьезным лаем бросаться на безропотную куклу...

Яше не нравился не сам разговор о собаках, а беспутность его: без пользы он, чешут языки, да и только. А что не поинтересоваться бы этим собаколюбам той рыженькой? Какой она породы и что это за правило, порядок, вид дрессировки ли какой — вот так на привязи собак морозить?!

Яша как-то демонстративно встал и вышел на лестничную площадку покурить. Из приоткрытой форточки вместе с посвистами ветра долетало слабое поскрипывание рыженькой. И то ли от этого слитого плача собачки и выигрыши, то ли от разговора этого тягостного Яше стало зябко, по телу опять засновал озноб. Дымя сигаретой, он поиском в кармане пиджака монету и по лестнице пошел вниз, на первый этаж, где был телефон-автомат. Он набрал номер и услышал голос Лизы:

— Ты... С легким паром, что ль?

— Не ходил еще, очередь тут...

— Шел бы домой... Нина Климова сейчас звонила. Она уж своего Петя в ванне напарила, горничными обклеила и в постельку уложила. А ты ходишь там... И знаешь, что она мне сказала? Она же технолог в ПТО, все дела там наверху знает. Говорит, Петя и Яша своим геройством Паротова от выговоров спасли. Профремонт второго блока в плане значился вторым кварталом, летом еще. Но Паротов все откладывал, перво-наперво план сдачи новых объектов гнал, да вот так до аварий и дотянули. Но «аварийку» вызывать не стали, чтобы шум на всю область не подымать, ничего не актировать. Вами, удальцами, прикрылись...

— Не знаю, как там у них... Но неужели, по-твоему, лучше бы без света всем сидеть сейчас?

— Ах, ладно об этом... Как чувствуешь себя? — Осуждающий голос Лизы потепел.

— Зябну что-то, — откровенно ляпнул Яша.

— З-эх, ты! — коротко-жалостливо выкрикнула Лиза и смолкла, в трубке запикали гудки. Сегодня утром Лиза торопила его сборы, когда услыхала об аварии. А вот теперь, узнав о пресловутой ее причине, вроде бы даже и укоряет его. И по-своему права: сколько аварийных происшествий случается по чьей-то оплошности, по недогляду!.. Поэтому все такие дела Лиза зачастую относит не к геройским, а к несуразице, к бестолковщине в работе. «Но мы с Петей тут ни при чем. Мы свое сумели... Вот она, лампочка, горит, сияет, всему городу светло...» — входя в предбанник, оправдывался перед Лизой Яша.

— Наша очередь подошла, — махнул ему парень-спортсмен.

— Бегу! — Яша суетливо прошмыгнулся в раздевалку, отталкивая мысли о работе, о жене, о рыженькой собачонке, стал сбрасывать с себя одежду. Перед входом в парильню подержал под горячей водой веник, и, когда он обмяк, заселенел, как бы ожила, дохнул летним ароматом березы. Яша открыл дубовую дверь парильни. На дощатом полк-помосте, огороженном перилами, несколько мужчин нещадно хлестались вениками, мученически-радостно кривя потные лица. Яшу обдало каленым зноем, будто он шагнул в самое пекло полуденной пустыни, где, однако, несмотря на неистовую жарницу, дышалось легко и сладко: воздух был огненно-горячим, но не пережженным, убитым, а эфирным, живительным, с едва уловимым запахом эвкалипта. Он не обжигал лицо, колюче, а неспешно внедрялся в тело, до самых костей прогревал его, и оно блаженствовало, словно невесомо плыло и растворялось в волнах ароматного зноя. И ничего уж не желалось, ни о чем не думалось, было лишь несказанное наслаждение, нежное томление плоти.

Постояв минут пять неподвижно, Яша взмахнул распущенными березовым веником и стал радостно-остервенело хлестать себя, открытым ртом хватая обжигающий воздух.

— Вот жареха! Ух-ух! — лицо сияло от блаженства.

— Ах-ах! — жестко истязал себя крепыш.

Яша одним из последних удалился из парильни и, поднырнув под струи теплого душа, вышел в предбанник отдохнуть. На диванах, опоясавших простынями, сидели раскрасневшиеся парильщики, пили чай, пиво. Яша откинулся на спинку дивана и почувствовал вдруг, что не может расслабиться, всецело отдаваться отдыху. Что-то мешало этому, какая-то забота сидела в нем, не отпускала его. И он стал вспоминать, отыскивать ее. Взгляд его невольно заскользил по лицам раздевающихся и одевающихся людей и само собой почему-то задержался, остановился на бородатом. В парильне Яша не заметил его и теперь в упор смотрел на чутко порозовевшее матово-белое, холеное его тело. «Да, этот никогда и ничем не перетрепжал себя и, конечно же, не пропустил ни одного обеда», — с непонятной для самого себя неприязнью подумал о бородатом Яша и тут же признался себе, что безо всякой причины придиается к человеку. И все же какой-то повод для этой неприязни был. «Ах, да ведь он собаколюб», — уличающе вспомнил Яша недавний разговор в предбаннике, но тут же подумал, что неприязнь рождена не пристрастием бородатого к собакам, а чечто другим. Наверное, его ледяным взглядом, холодным каким-то изяществом, всепоглощающим вниманием к самому себе...

«Вон как упирался, розовый весь, млеет от удовольствия, даже вроде малость задремал от умиротворения и уюта... А вот мы тебя сейчас встрихнем чуточку, обеспокоим малость, потому как нельзя же так...»

— Товарищи! — встав с дивана, крикнул на весь предбанник Яша. — Это чья собака там у входа привязана?

По предбаннику прокатился невнятный гул голосов и стих: хозяина рыженькой среди находящихся в предбаннике не оказалось.

— Далась вам та собачонка, — вырванный из сладкой полуудремы, заворчал бородатый. — Ее давно уж взяли, небось, а вы кричите тут...

— Может, и правда... взяли, — мысленно согласился Яша с бородатым, однако пошел вдоль диванов, цепко вглядываясь в лица. В раздевалке, в душевых кабинах, в парильне, в туалете — везде были люди, ходили, перемещались, собирали их в одно место и остановить вопросом «Чья собака?» было бы невозможно. Тогда он стал опрашивать наиболее подозрительных, похожих чем-то на собаколовов мужчин, но те, даже не дослушав его вопроса, поспешно отнекивались, и Яша скоро понял, что люди не хотят отвлекаться от баниного

блаженства, не желают озадачивать себя неуместными, чудаковатыми какими-то вопросами. Яша вернулся к своему дивану, но, прежде чем сесть, подошел к окну и высунулся в большую нижнюю форточку. Он глянул вниз и увидел собаку. Обвиваемая серебристыми струйками, рыженькая лежала на сumerечном снегу и казалась недвижимой, неживой. Но вот из бани вышел человек, собачка подняла голову и слабо тявкнула. «Ага, он еще, значит, здесь, ее хозяин, где-то в бане, среди нас...» — с закипевшей досадой подумал Яша, смахивая с распаренного плеча холодные снежинки. Он вспомнил, что банщик держит для особо важных посетителей отдельный кабинет. В дальнем углу предбанника он нашел этот кабинет и решительно открыл его дверь.

За низким столиком, откинувшись на спинки кожаных кресел, сидело двое мужчин, завернутых по пояс в простыни. Перед ними на столике в окружении вяленых вобл и ломтиков сыра красовалось несколько бутылок пива. «Начальство, люди сидятного труда». — Опять с какой-то беспричинной неприязнью Яша взглянул на тучных, распаренных пивососов и громко спросил:

— Это не ваша собака там привязана?

— Где, какая собака? — пожав женски округлыми плечами, весело-недоуменно сказал один из них. — Ты это, парень, не того... В бане собаку искать... Давай-ка вот тяпни стакашик за здоровье наше-ваще.

Яша попятился и закрыл дверь. Он понял, что искать среди голых мужчин хозяина собаки, то есть человека, которого он никогда не видел, не знал даже имени его и возраста, — дело наверняка бесполезное. «А, к черту все!» — в досадной беспомощности ругнулся Яша, нехотя стягивая с души прилипшую эту, совсем ненужную ему, вдруг так занозисто вцепившуюся в него заботу о какой-то совершенной чужой, неведомой ему собачонке. Помогая стягнуть эту заботу, в его ушах зазвенел, как бы донесся издалека гневно-жалостливый голос Лизы: «Да отчего тебе темяшилось связаться с этой собакой? Ты же париться пошел, лечиться, а сам голый выссыпавшийся на морозный ветер. Э-э...»

Яша взял веник и подошел к накапливающейся для второго захода веселой ораве парильщиков. В их кругу слышался покровительски-командирский голос крепыша:

— ...и тебе надо бы пузко подобрать и тебе. Нет, братцы, я не в обиду скажу: не тот мужик нынче пошел. Видом крупный, справный, но больно уж сдобрый, пышный. Раньше, в юные мои лета, зайдешь в парильню — мужички подбористые, дваждыльные, будто из красного дерева выструганы. Ничего лишнего... Теперь жизнь посплаше. Раньше в дом отдыха люди ехали, чтобы жирок нахлебать. Хорошо отдохнул, значит, в весе прибавил. Теперь едут, чтобы похудеть. О, здорово отдохнул, слышь — четыре кило сбросил! Вот почему парильня для живота русского, любящего поесть и выпить, — первая выручалочка...

Мужчины улыбались и заглядывали в рот крепышу с выражением какой-то двойной благодарности: хороший, сиюминутно нужный, удобный он для них человек — и отменный пар может готовить, и анекдотом повеселить, и ласково покритиковать... Яша тоже улыбался, поскольку очень уж к месту было перед заходом в парильню вот так беззаботно погоготать в кругу здоровых мужчин, сущенных будто шумным застолем, жгуче-сладкой процедурой в парильне, расслабиться, подобрать. Но улыбка его была пустой, для вида, для компании, сердце не веселилось и не принимало веселого, прянного этого разговора о желудочных и прочих утехах. Яша казалось, что если бы в бане сейчас вдруг похолодало или постыли, перестали бы шипеть гольши каменки, то люди бы, очнувшись от этих телесных удовольствий, сразу бы услыхали и восприняли его громкие объявления о собаке. Но в бане было тепло, светло, водообильно, как и должно быть в бане. Люди мылись, парились, и среди них напрасно и некстати были искать озабоченные лица. Да и о ком заботиться-то? О собачке? Но ее могли попросту и не заметить в такую непогоду там, у входа. А если кто и видел, то вряд ли удивился: вид хозяинки привязанной собачки то ли к крьлечному перилу парикмахерской, то ли у входных ворот детсада так же привычен глазу горожанина, как пасущаяся возле хлебного киоска стайка смелых от голода сизарей или дремлющая на обочине в ожидании хозяина легковая автомашинка. Но рыженькая ведь не просто сидела на привязи, а жаловалась, просила о помощи. Но люди шли мимо, никто не придал собачонке такого вот особого значения, как он, Яша. Наверное, каждый надеялся на другого или на хозяина, который должен же наконец был появиться и забрать собачку. Примерно так же думал и Яша, но все же остановился возле нее. Может, оттого, что в отличие от других прохожих он нынче сам намерзся сверх мочи, передрог на высотной мачте? Или оттого, что... Впрочем, Яша ни себе и никому другому не смог бы внятно объяснить, почему он, глядя в ждущие, панически-отчаянные глаза трясущейся собачонки, вдруг сам начал трястись от озоба и всем нутром и кожей, всеми своими чувствами ощущил, как ей гибельно холодно и плохо... Посочувствовал, да не помог.

— Пора, братцы! Входите, — резво пригласил крепыш, и все повалили в парильню.

В этот второй заход Яша недолго задержался в ней. Все то, что всегда очаровывало его здесь, сейчас вдруг вызывало странное равнодушие: и тесовые, пропечерневшие от времени, жары и копоти, с выпотленными кое-где янтарными струйками смолы стены, и раскаленные до страшной сиренево-фиолетовой красноты овальные гольши каменки, и живительный аромат зноя, точно прожаренного воздуха, и шуршащие-шумные удары веника, и вожделенные стены и края парильщиков... От всего этого сейчас веяло на него самодовольной праздностью, каким-то всеохватным равнодушием, и чем неистовее наслаждались парильщики, тем удрученнее становился Яша. Он слегка поклестал себя веником, не отдаваясь привычному в такие минуты азарту, и вдруг почувствовал, как по спине пробежал озноб. Он слышал и знал по опыту, что такой странный, противный озноб случается, когда перепаришься или, загорая, перекалишься на солнце. Или когда нездоровится. «Заболел я все же, наверное... — выходит из парильни, подумал Яша. — Да и настроение... Тот верно ж сказал, что склонным да нервным в парильню лучше не ходи, проку не будет. Хотя какие склоки? Нагнал на себя бляже... с этой собачонкой. Людей виню. А в чем?»

Следом за ним вышли вскоре и остальные парильщики, красно исхлестанные, ликующие. Глядя на них, Яша вдруг поймал в себе гнусное желание чем-то испортить им это ликование. Но тут же оттолкнул злую, чужеродную, случайную эту мысль и, наскоро вытеревшись полотенцем, стал одеваться.

— Что рано? — полюбопытствовал крепыш, отхлебывая из термоса чай.

— Озяб я, — сказал Яша.

— Озяб? — не понял крепыш. — Чудак-человек. Да ты ближе ко мне держись, и мы такое... Я тебе такой парок заделаю, кожа на ушах полопается!

— Да уж... в другой раз.

Яша спустился на первый этаж и, прежде чем забрать в гардеробе одежду, посидел, обсыхая, на скамеечке. За окнами в снежных сумерках уже желтели на столбах электрофонари. Молодая гардеробщица, одиноко расхаживала вдоль наполовину опустевших вешалок. Одетая в поноженную цигейковую шубу, она выглядела поопрятнее, не тако уж толстой, как прежде в халате. Она уныло поглядывала сквозь заиндевелые стекла окон на завышенный дворик бани и зябко поеживалась. Яша почему-то было приятно смотреть на нее такую, нахолившуюся: в зябком ее одиночестве и тоскливом восприятии уличной стужи, ненастья проглядывала тайная неустроенность ее души. И в таком своем состоянии она показалась ему доступнее, говорчивее на отзывчивость, на чуткость к чужой беде. Яша не ошибся в этом предчувствии: признаки его, девушка сразу же заговорила о том, о чем почти ни на минуту не переставал размышлять он сам.

— Баню через час закроют. А собачку нашу никто не пригласил с собой, — вздохнув, сказала толстушка и еще больше понравилась Яше этим мягким горестным вздохом, с каким произнесла слово «нашу» и девичьи-печальные фразы вечеринок и танцплощадок — «никто не пригласил».

— Да, — отчего-то виновато подтвердил Яша и смолк.

— Что да?.. Вот уйдем, потушат свет, и будет она всю ночь скучить под забором в темноте. Яша не знал, что сказать толстушке, чья забота о собаке вдруг выросла, почти сравнялась с его заботой. Он попросил одежду и, суетливо повязывая шарф, сбивчиво забормотал что-то обещающее:

— Я погляжу сейчас, хорошо?

— Что хорошо? — прервала его толстушка и, помолчав, добавила с глубоким вздохом: — Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.

И опять отзвук какой-то личной печали послышался в этих ее словах, сказанных применительно к бесхозной собачке.

Яша застегнул пуговицы пальто, надвинул на лоб шапку и топтался перед выходной дверью. Он медлил выходить, не зная, как, с каким видом ему пройти мимо собачки, которая, он это чувствовал, ждет его, не забыла. Взвинувшись за дверную скобу, он выжидательным взглядом посмотрел в грустное лицо девушки, желая услышать от нее еще что-то, какую-нибудь подсказку, но та ничего не сказала, а только хмыкнула вдруг, улыбчиво вильнув глазами: что-то уставился, давай топай... Толкнув дверь, Яша вышел из бани.

Выога заметно поутихла, зато воздух стал морознее, гуще. Яша поднял каракулевый воротник пальто, повернулся к ветру спиной и, шагая глазами по белому квадрату дворника, сошел вниз по бетонным ступенькам крыльца. Рыженькая нигде не было. — Значит, нашелся хозяин. Поглядеть бы на него, — облегченно-насмешливо подумал он и приостановился, прощально оглядывая то место, где совсем недавно, полчаса назад страдала рыженькая. И вдруг увидел ее.

Пригороженная снегом, собачка была едва различима при тусклом свете единственной, озябшей желтелеющей на столбе лампочки. Она лежала на снегу, свернувшись колечком, уткнув голову в живот, и, содрогаясь всем телом, грела себя собственным дыханием. Она, небось, уже не надеялась на милость прохожих, не скулила, не тявкала, даже не поднимала голову на стук банных дверей, сберегая для жизни последние силы. Яша присел возле нее на корточках, кашлянул, но рыженькая не отозвалась. Тогда он, сняв перчатку, провел ладонью по ее худенькой, вздрогивающей спине, заодно счищая с нее сырой снег. Рыженькая приподняла узкую, точенную головку, недоверчиво блеснули ее черные глаза. Яша посмелее погладил ее, и она прыгнувшую взвизгнула, робко лизнула руку, слабо вильнула хвостом. Она узнавала Яшу, а когда учюяла, узнала, вмиг вскочила, отряхнулась от снега и, дрожа и трепеща от радости, от холода, от плачущего какого-то восторга, засновала между его ног, взвизгивая, тявкая и скуля. Она будто спешила рассказать о чудовищной своей беде, просила понять ее, выручить, спасти...

Яша отвязал от крьлечной скобы поводок, расстегнул свое тяжелое, на вате, пальто, и, подцепив рыженькую под живот, сунул ее за пазуху. Оказавшись в тепле, рыженькая раза два снизу достала языком Яшин подбородок, всхлипнула, как ребенок, и затихла. Яша покрепче запахнул пальто, оставил на свободе собачью морду, взял сумку и через заснеженный дворик зашагал к выходным воротам. Рыженькая теплым языком лизнула его в щеку. — Ты кончай эти нежности, — отрадно подумал Яша. — Вот переночуешь у нас, а там видно будет, куда тебя... Может, Васильку сгодишься, задружите...»

За воротами он, хоронясь от ветра, свернулся в проулок и вдоль темного тесового забора поспешил к ближней остановке троллейбуса.

— Эй, погоди-ка! — послышалась откуда-то тяжелая, хрюпливая бас, но Яша не остановился.

— Граждан! Собачку-то зачем спери? — опять забасил некто сзади, и Яша теперь сообразил, что это ему кричат. Он оглянулся и в двух шагах увидел здоровенного, на голову выше ростом мужчину, истинно верзилу. В распахнутом черном полушубке, в черных валенках и мохнатой шапке тот был похож на высокившего из кустов медведя.

— Замерзала она, — ответил Яша, вглядываясь в незнакомца: свет окон близкайшего дома едва доставал сюда.

— Для тебя — замерзала, а для меня — хозяина своего дождалась, — с одышкой, ругательным тоном забасил верзила.

— А зачем вы бросили ее на мороз? — тоже повысил голос Яша, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но не мог, вместо лица перед ним угрожающе маячило лишь темное пятно.

— Не бросил, а привязал. Разница! После парной дружок тут зазвал, вон дом напротив бани светится... Думал, по паре рюмашек вмажем, на полчасика, думал. А хозяин пельмешки затащил. Ну вот и... дотемна, — помягче заговорил верзила, но тут же, словно спохватившись, опять закричал скандально: — Да что я отчитываюсь-то, цацкаюсь? Давай собаку!.. Руфа, а ну сюда, ко мне!

Верзила обеими руками потянулся к Яше, рыженькая за пазухой зашевелилась, взвизгнула тоскливо.

— Чем вы докажете, что собака ваша? — отступив на шаг, спросил Яша.

— Я тебе докажу сейчас... по соплям! — Верзила навис над Яшой, замахнулся, но не ударил. Шагах в сорока от забора, за шеренгой деревьев проплывали фигуры прохожих.

— За левым ухом бороздка у нее... Очарка ненароком кромсанула. Ранка была, — пробурчал верзила, но посчитал эти объяснения ненужными и для себя унизительными, опять затряс кулаками: — Дай собаку! Иль... гони четвертак. Купи, а не воруй!

— Таких денег с собой у меня нет, — ощупывая головку рыженькой, сказал Яша. Он не верил верзиле. Но вот пальцы наткнулись на крохотный рубчик за левым ухом собаки, и в груди Яши что-то упало, обворвалось...

— Нет? Ну, вот как заимеешься, приходи, — с угрозой посоветовал верзила и крикнул строго: — Руфа, ко мне!

Собачка, однако, не шевельнулась. Верзила тихо выматерился, шагнул к Яше и, обдав его водочным духом, грубо сунул руку ему за пазуху, вырвал собачку. Рыженькая взвизгнула от боли и полетела кубарем под куст. Яша отступил в сторону, не зная, как быть.

— Ко мне! Руфа, сюда! — орал на собачку верзила и, нагнувшись, искал в снегу ременный поводок.

Руфа жалостливо поскребывала и не шла к хозяину.

— Ко мне! — хлопнув себя по колену, нетерпяще прохрипел верзила, и собачка, отчаянно тявкнув, с какой-то рабской пугливой покорностью, нехотя, как-то ползком двинулась к нему. Но стоило верзиле поднять руку, чтобы взять ее за ошейник, как она с визгом метнулась в сторону и подбежала к Яше. Он присел и погладил ее трясущуюся спину.

— А, тварь! Проститутничать, хозяина менять?! — крикнул верзила и с разбегу хотел схватить ее, но промахнулся, однако же догнал ее ударом ноги. От этого жесткого пинка собачка с истощенным визгом взлетела в воздух и шаркнулась о забор.

— Не смеять бить собаку! — закричал Яша.

— Моя она. Хочу — не бью, хочу — убью, — огрызнулся верзила, отыскивая в снегу конец змеящегося поводка.

Яша стоял и удивлялся, отчего после таких побоев собачка не убегает, а, тоскливо поскребывая у забора, дожидается, когда хозяин возьмет ее за поводок. Яша зовущие почмокал губами, но рыженькая замерла на месте, не доверяясь уже никому. Спасение свое она вдруг кинулась искать подальше от людей. В тот момент, когда верзила ухватил поводок, собачка юркнула в щель забора. Однако верзила рванул ее к себе, и она вместе с трухлявыми обломками доски подлетела к нему под ноги. Он перехватил покороче поводок и вдернулся на нее собаку. Рыженькая, с перетянутым горлом, молча задрыгала передними и задними лапками.

— Ты что ж, гад?.. — Яша кинулся к верзиле, но тот локтем отбросил его.

— Удавлю-ю! — не то на Яшу, не то на собаку зарычал он. Яша прыгнул ему на спину, обхватил сзади. Верзила опустил на снег собачку и, присев, страшным рывком швырнул Яшу через голову в сугроб.

— Иши защитничек нашелся, гер-рой, — прошипел он, надевая сплетевшую с кудлатой головы шапку.

Руфа подбежала к барабающему в снегу Яше, но в тот же миг хозяин схватил ее за ошейник. Яша уцепился верзиле за ногу и обеими руками рванул к себе. Верзила тяжело и тупо брякнулся на твердый, выгой уплотненный снежный наст, застонал и смачно выругался. «Связать бы его собачьим поводком да в милицию», — выбиралась из сугроба, подумал Яша, и в голове у него пронеслись кадры из кинофильмов, где герои именно таким образом и заканчивают схватки с преступниками. Но душа Яши была иного склада. Прихрамывая, он подошел к сидящему верзиле и сказал:

— Если вам не нужна собака, то нечего ее мучить. Дайте адрес, и я принесу вам завтра деньги...

Он не договорил: хищно изогнувшись, верзила ударил ему ногой в живот. Яша онемел, скорчился, по-рыбы глотая воздух открытым ртом. Верзила не спеша поднялся, шагнул к нему, согнувшись, беспомощному, и спокойно ударил кулаком в лицо.

— Вот тебе адресок, — едко сказал он, подцепил собаку, сунул ее под мышку и, не оглядываясь, зашагал вдоль забора. Опрокинутый тяжелым ударом, Яша упал навзничь и, скосив глаза, беспомощно смотрел вслед удаляющемуся верзиле.

Сознание быстро вернулось к нему, острой болью прожгла мысль: «Уйдет!» Сплевывая густую кровь, Яша встал и, шатаясь, бросился вдогонку туманившейся вдаль фигуре. Обида, гнев, сплевающая какая-то ненависть жгли ему грудь. Фигура верзилы росла, приближалась, но вдруг сплилась с темным, неосвещенным торцом пятиэтажки, исчезла из виду. Яша добежал до угла дома и остановился, тяжело дыша и прислушиваясь. Тут мигнула светом и мягко скрипнула дверь крайнего подъезда соседней пятиэтажки, что стояла шагах в сорока напротив, и Яша кинулся туда. Несколько прыжками пересек завышенный двор, отворил двери подъезда и по лестничному маршу побежал вверх. Он не успел догнать верзилу, но отчетливо увидел, как на третьем этаже тот закрыл за собой дверь под номером 28. С разбега Яша хотел было забарабанить кулаками в эту ненавистную, захлопнувшуюся почти перед его носом дверь, но как-то сдержал себя, рассудив: верзила теперь никуда не денется, и надо лишь подумать, как наказать его. В подъезде было тихо, и эта тишина не вязалась с той шумно клокочущей яростью, которую Яша слышал в себе: голова гудела, сердце рвалось из груди, кулаки скимались до боли... Надо было действовать, а он стоял и чувствовал, как успокаивается дыхание и вместе с ним неутоленная жажда возмездия.

Яша попяталился от двери и побежал вниз. Хотелось ему если не руками, то хотя бы взглядом достать верзилу. Выскочив из подъезда, он встал перед домом и быстро отыскал окна двадцать восьмой квартиры. Оранжевый свет выхватывал из темноты решетку балкона и качающиеся верхушки голых деревьев. Вот в кухню вошел он, верзила. Сквозь запорошенное стекло окна виднелись расплывчато красное лицо и кудлатый чуб. Верзила туда-сюда проплыл перед окном и опустился вниз, оставил Яшу для обозрения покатую спину и вихрастый затылок.

«Ага, ужинать сел... Кушать захотел, гад. Сейчас ты у меня поужинаешь, наешься», — облизнул кровавые, вступившие губы Яша. Верзила посиковал в теплой кухне, ужинал, а он, Яша, напаренный в бане, стоял перед окнами его квартиры и гнулся от порывов выноги, наверняка простуживаясь. У верзилы же теплый свет в окне, тот самый свет, что нынче утром, обмраживаясь и страдая, наладил, послал городу он, Яша, со своим помощником Петей Климовым.

«Рогатку бы сейчас...» — вдруг осенила его дерзкая, но такая сладкая своей мальчишеской лихостью мысль, что он даже сцупал карманы, затем присел и стал искать в снегу какое-либо орудие. Под рукой ничего, кроме снега, не оказалось, и Яша пошел вдоль дома к чернеющему забору. Он шагал и вертел головой, стараясь немедля найти что-либо: камень, палку... Где-то в груди засаднило что-то неловкое, стыдливое, позвало остановиться, махнуть на все... Но гнева в Яше клокотало столько, сколько его могло скопиться лишь в большом сердце негневливого от природы человека.

Ничего подходящего в руки ему так и не попалось, и эта досадная задержка разжигала особо алчное нетерпение склерой расплаты с верзилой. Возле торчащей из снега черным вопросительным знаком водоколонки он наткнулся на кучу колотого льда, схватил два увесистых куска. Возвращаясь к пятиэтажке, он утоленно уже воображал, как звезданет сейчас по стеклам, как через пробину ворвется в квартиру ветер, как испуганно кинется верзила затыкать тряпьем окно. «Пусть попробует морозца, узнает, как мне тут сейчасшибко жарко...» — стучал зубами, думал Яша. Он отыскал балкон и оранжево светящееся окно и стал примериваться для броска: не промахнуться, не угодить бы в соседнее, невиновное окно. И опять ворхнулось в нем что-то щемяще-трезвое, миртовое, кто-то словно подул прохладой на едко жгучую ссадину его недрачливой души. Но правая рука была уже занесена для броска...

Тут что-то непонятно вдруг переменилось в облике третьего этажа. Вдоль балкона, прикрывая среднее окно, покачивались на ветру две пары желтых ползунков. От них исходил, курился пар. Они, как догадался Яша, были только что вывешены — в те минуты, пока он подсыпал под подходящий бульзыник.

«Надо же... ползунки... — растерялся Яша и нехотя опустил карающую руку. — Малыш, значит, проживает тут... Либо внучок этого...»

Он еще раз строго посмотрел вверх, на мокрые, еще не скваченные морозом, болтающиеся на веревке ползунки и вяло разжал ладони. Ледяные кругляши скользнули в снег. Яша поднял сумку с банным скарбом и неприязненно прошелся туда-сюда по двору, так легко, безболезненно и внезапно вдруг обезоруженный. Однако ему не хотелось уходить с тяжелым осадком неотомщенной обиды, но и коченеть на морозе теперь тоже было ни к чему. С тягостным ощущением досады, неловкости конфузя он представил, какими слезными упреками встретит его, до крови избитого, Лизу, как кинется с расспросами и, разузнав все, затрясет над ним своими маленькими, красивыми, воинственно-беспомощными кулачками, как выдавит со стоном и горестным восторгом: «Э-эх, ты... гер-рой!» — как удаляется потом от него, «бесчувственного издевателя», куда-нибудь... в спальню и, закрывшись, беззвучно проплачет там целую вечность. И Яша, как всегда, станет жалко ее и себя... Обидно и нехорошо ему слышать от Лизы это слово, исковерканное дрожащим «р» в середине. От дребезжания этого оно перестает быть добрым, большим, похвальным... И уж вдвойне обидно ему стало, когда этим же передернутым словом укорно стеганул его верзила.

Но на реплику верзилы можно и наплевать, размышлял Яша, все явственнее прозревая, находя для себя, для несурзых, наверное, опрометчивых своих поступков робкое оправдание, — именно в стычке с верзилой, в скандальной этой оказии с его собачкой.

Пусть побежден, побит до крови, не отомщен, а в груди с каждой минутой отчего-то все легче, просторнее, будто хорошая песня там позванивает, затевается... «Отчего это?» — как бы всплывая в себе, дивился Яша. Подобного удовлетворения, без примеси, чистого и глубокого, он не испытывал даже там, на грязовской мачте-опоре, когда с Петей Климовым, кончив дело, спустился на землю и сразу попал в объятия начальства, товарищей из бригады, в цепкие руки корреспондента... А тут, у немого, старого забора, в темноте ничего подобного, никаких почестей. Все наоборот: тупиковый закоулок, ни единого свидетеля, чугунные кулаки верзилы...

«А ничего... Главное, не увилину же... И здоровы-живы ведь мы», — тихо, совсем уже без досады думал Яша, вспоминая рыженькую и объединяясь, роднясь с нею чем-то важнейшим, какой-то одинаковой, вместе пережитой болью и невинным позором.

Он подцепил пригорюшнюю снега, протер им лицо, кумекая, что такое бы сказать, сболтнуть бы Лизе на счет своих в кровь разбитых губ.

60 лет СССР
Всесоюзная экспедиция:
Эстафета дружбы и подвига»

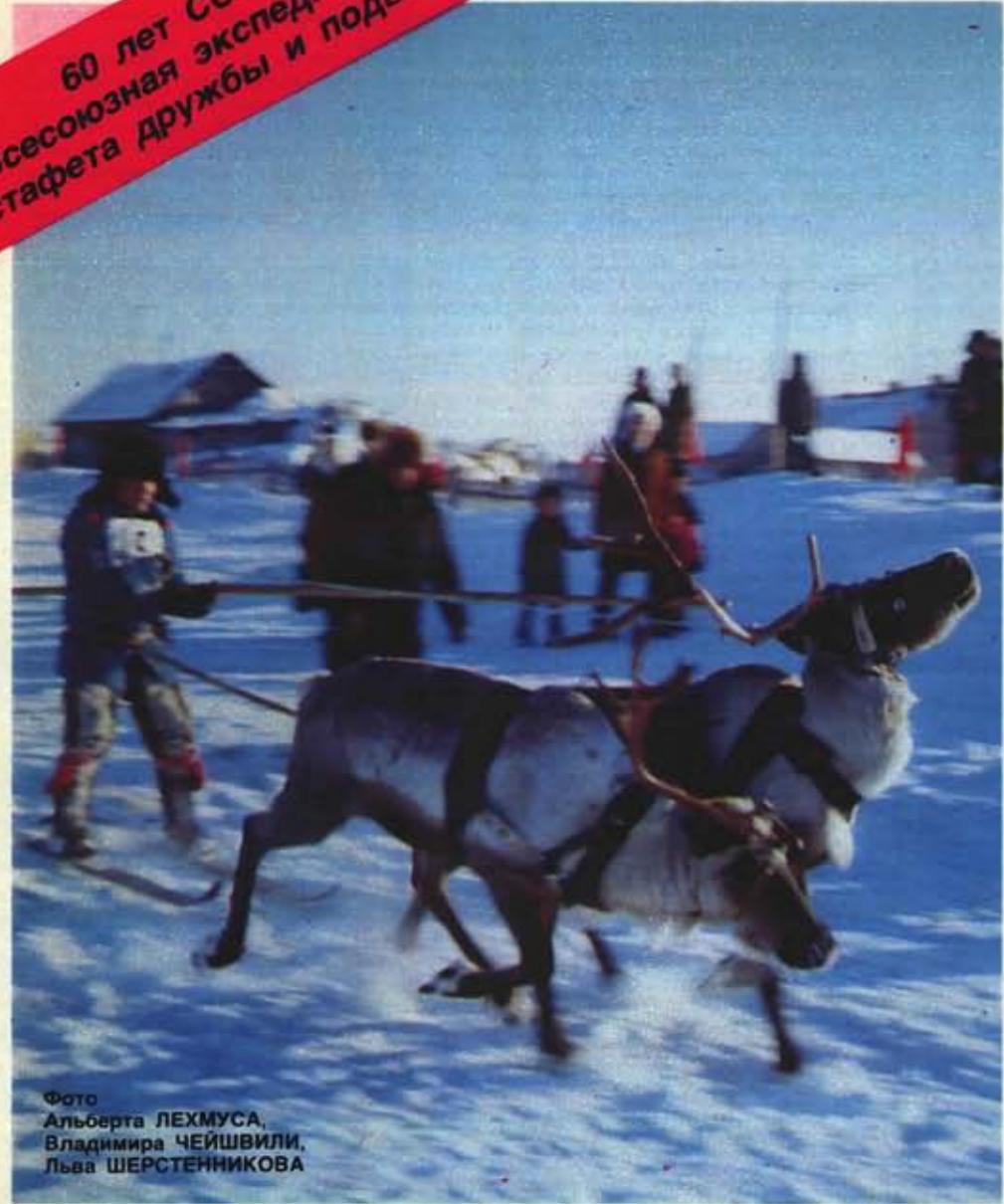

Фото
Альбера ЛЕХМУСА,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

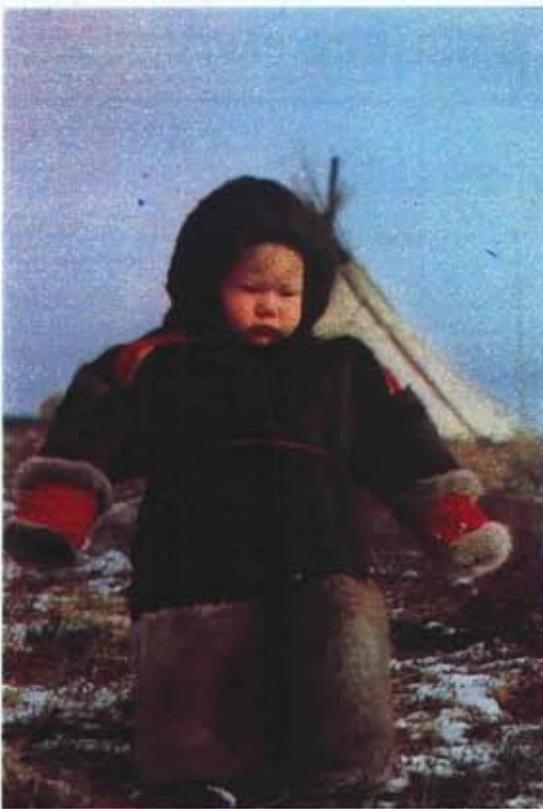

"КАРАНДАШ И КНИГ"

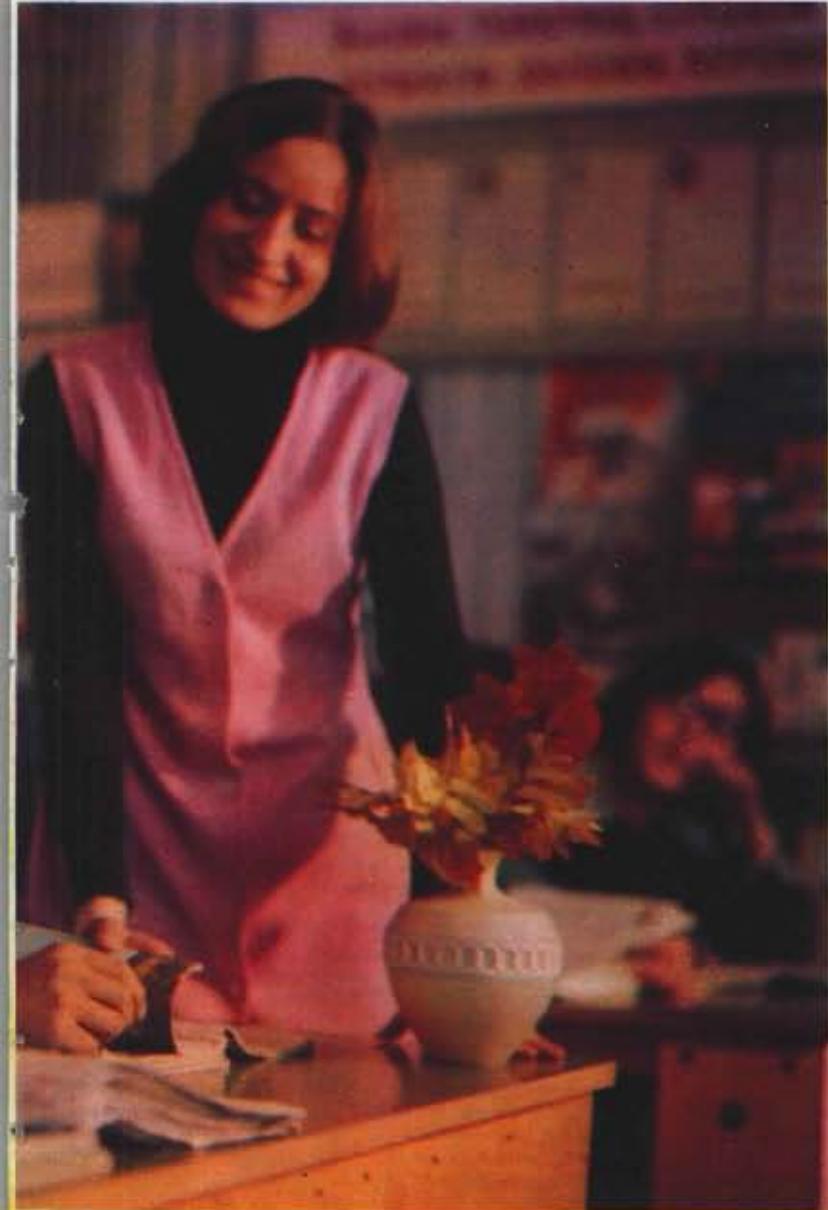
Владимир САНГИ,
секретарь правления Союза писателей РСФСР

В домашнем кабинете Владимира Михайловича просто и уютно. По стенам — книги, за спиной писателя две географические карты — Сахалина и Подмосковья, рядом портрет Сергея Есенина. Мягкий свет, одинаково располагающий и к беседе и к работе, выхватывает лежащие на краю стола яркие книжки, несколько необычные под рукой у взрослого человека. На обложках надпись — «Букварь». Глядя на них, я и задал первый вопрос:

— Владимир Михайлович, три с лишним года назад на страницах «Смены» вы рассказали о почетном поручении, которое получила ваша племянница, выпускница факультета народов Севера Ленинградского педагогического института Люба Гашилова. Ей предложили принять участие в подготовке программы для учебников нивхского языка. Из того же журналь-

ОКТЯБРЬСКИЙ НАБАТ СЕМНАДЦАТОГО ГОДА, ДОКАТИВШИСЬ ДО ЭТИХ МЕСТ, ИЗМЕНИЛ ВСЕ. ЗА КОРОТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СРОК НАРОДНОСТИ СЕВЕРА С ПОМОЩЬЮ РУССКОГО И ДРУГИХ БРАТСКИХ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО

УДАЛ НАМ ЛЕНИН!

СОЮЗА ЛИКВИДИРОВАЛИ ВЕКОВУЮ ОТСТАЛОСТЬ. СОВЕРШИЛИ ПЕРЕХОД ОТ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОГО СТРОЯ К РАЗВИТОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ. МЕЧТЫ СТАЛИ ЯВЛЮ.

ногого выступления наши читатели поняли, что и вы не собирались остаться в стороне от этого дела. Судя по тому, что я вижу, работа уже закончена?

— Да, нынешний учебный год нивхские первоклашки начали с букварем, написанным на их родном языке.

Владимир Михайлович любовно открывает красочный переплет. Сразу же бросается в глаза, что напечатанный на форзаце алфавит значительно «длиннее» русского.

— Дело в том,— поясняет мой собеседник,— что в нивхском языке больше сорока звуков, а в русском алфавите тридцать три знака. Поэтому раньше для обозначения того или иного звука, которого нет в русском языке, приходилось пользоваться двумя, а то и тремя буквами. Конечно, это было очень неудобно и трудно для усвоения. Я помню, как сам маялся, изучая родную грамоту по старому громоздкому алфавиту. Может быть, тогда и запало мне в душу желание усовершенствовать нашу азбуку, создать новый нивхский алфавит. Но прошли многие годы прежде, чем я очел себя готовым к этой работе. На первый взгляд кажется, что придумать новые знаки для обозначения «лишних» звуков — дело несложное. Однако это совсем не так. Ведь даже ученые-лингвисты расходились во мнениях, сколько же всего звуков в моем родном языке. Вот видите эту букву «у» с «птичкой» наверху? Языковеды считали, что такой фонемы нет у нивхов. Пришлось приводить множество примеров, доказывать, писать специальную статью. Я назвал этот звук неслоговым «у». Жаль, что

у журнала нет звуковых страниц и я не могу показать читателям, как он произносится. Могу лишь в чем-то сравнить его с кратким «у» в белорусском языке.

На всю эту работу по составлению нового алфавита нивхов ушло почти пять лет. Но когда алфавит был утвержден, начался новый, не менее трудный этап в работе — обучить население родной грамоте. К этому делу были привлечены многие нивхские специалисты. Вот тогда-то, помнится, я и писал в «Смене» про почетное поручение моей племяннице. Кстати сказать, если в том 1978 году Люба кончала институт, то сейчас она готовится защищать диссертацию.

Отвечая же на ваш вопрос, закончена ли работа, могу сказать совершенно определенно — нет. Пока что я в соавторстве с нивхским ученым, кандидатом филологических наук Галиной Александровной Отаиной подготовил лишь программу начального обучения и букварь. Впереди работа над программами и учебными книгами для старших классов, перевод на нивхский язык классиков русской и мировой литературы — словом, забот еще много. Не скрою, горжусь, что именно в этой книге — Владимир Михайлович приподнимает «Букварь», — впервые напечатаны на нивхском языке нивхские стихи.

Владимир Михайлович быстро находит нужную страницу, но, откинувшись в кресле, читает, совсем не глядя в нее. Читает, как все поэты, чуть нараспев, подчеркивая чаканием головы стихотворный ритм. Потом переводит стихотворение на русский. Оно про дорогу, которую ведут люди между болотами, между горами, ведут из Сибири к Амуру — родной реке его предков. Кончается стихотворение строками о том, что все дети знают эту дорогу, которая называется БАМ.

— Простите, Владимир Михайлович, но коль скоро мы коснулись «бамовской темы», я хотел бы заметить, что про эту стройку действительно сейчас все малые дети знают. А вот сами строители БАМа порой не очень хорошо осведомлены об истории тех мест, в которых работают. Помню, как искренне были удивлены ребята с восточного участка, когда узнали, что всего за десять лет до их прихода сюда в паре километров от трассы будущей магистрали, рядом с живописным озером Эврон, была сделана находка, взбудоражившая сразу два мира: мир науки и мир искусства. Речь, как вы поняли, шла об археологических раскопках в районе древнего нанайского стойбища Кондон. Там экспедиция академика А. П. Окладникова обнаружила статую, которую специалисты отнесли к последней эпохе каменного века. А это значит, что люди в этих местах жили 5—6 тысяч лет тому назад. Голова кругом идет, когда пытаешься представить такую древность! Академик Окладников писал потом в своих воспоминаниях, что эта статуэтка сразу же получила имя амурской Нефертити.

Почему Нефертити? Что общего между скульптурой, раскосой и, видимо, уже навеки безвестной девушкой, чей облик запечатлен столь же неизвестным скульптором с Нижнего Амура, и знаменитой египетской царицей, изваянной всемирно известным Тутмесом?

Возьмите фотографии обеих скульптур. И непосвященному видно различие манеры работы мастеров: в одном случае — тщательная проработка каждой черточки лица, драгоценных украшений, в другом — более схематичная, даже несколько утрированная лепка, отсутствие каких бы то ни было украшений вообще. Различны и материалы, с которыми работали древние скульпторы: египетская Нефертити сделана из раскрашенного известняка, амурская — из обычной глины.

Но все это замечашь потом, при детальном рассмотрении. Первое, что бросается в глаза, — одинаково гордая осанка, такой же грациозный наклон головы и изящной шеи вперед, к зрителю, удивительная пластичность и одухотворенность... Многие века разделяют нашу жизнь и время, когда жила Нефертити. Девушка, чье скульптурное изображение найдено в нанайском Кондоне, «старше» еще на несколько тысяч лет. Но и сегодня обе скульптуры поражают увиденным художниками идеалом женской обаятельности и вечно молодой красоты.

— Согласен с вами, что молодежь, приезжающая на великие стройки Севера, подчас имеет весьма смутное представление о культуре и истории коренных народов, населяющих эту землю. В этом есть и наша доля вины — писателей народов Севера. Но еще большая вина ложится на ту жизнь, которой вынуждены были жить наши предки.

В моем народе есть предание о том, что у нивхов в древности была своя письменность. А потеряли ее потому, что человек, который хранил бумагу с родным письмом, не уберег ее — попала бумага под дождь. После он пытался ее просушить на солнце, но поднявшийся ветер подхватил и унес листы с нивхской грамотой.

Подобные легенды существуют у многих народностей Севера. Расскажу лишь еще одну из них, ненецкую.

Было время — все двенадцать лун одевалась тундра в зеленую, обшитую яркими цветами малицу (малица — верхняя одежда из оленевых шкур мехом внутрь, гусь — то же самое, но мехом наружу). Тепло было в тундре, и не снег, а белые чайки-халеи кружились над ней. А дарил людям тепло добрый великан Тусавай, владеющий голубым огнем. Хорошо жили ненцы — все двенадцать лун не замерзали речки, богатые рыбой. Жирели на сочных травах олени. Но не нравилось это злой птице Минлей, которая приносила на своих крыльях ночь. Стала бороться с добрым великанином злая птица. На восьмой день не выдержал Тусавай, спрятался под землю. А лютый Нгэрм Хоро — холодный северный ветер — погасил голубой огонь, замерз тундуру снегом. С тех пор холодно стало в тундре и на полгода прикрывает ее мрачная ночь.

Я бы назвал эти народные сказания эстафетой надежды, которую передавали люди из поколения в поколение. Они как наказ потомкам: не опускайте руки — ищите пропавшую грамоту, освобождайте доброго Тусавая. Сегодня-то мы можем сказать, что эти наказы выполнены: и письменность своя у нивхов есть, и голубой огонь — газ, добываемый в Ямало-Ненецком автономном округе, на весь мир известен.

Стальные нити трубопроводов тянутся от Уренгоя к западным границам нашей страны, в европейские государства.

Но долгие годы казалось, что Север никогда не скнет оценения. Европейская и другие цивилизации вплоть до недавнего времени обрывали свои тропы на далеких подступах к нему. Скованные льдами Арктики народы Севера словно бы замкнулись, и думалось, их ресурсов едва хватает, чтобы только-только выжить.

Поэт манси Юван Шесталов в одном из своих очерков приводит такой факт.

В конце прошлого века профессора Казанского и Петербургского университетов Якоби и Поляков пришли к выводу, что жизнь на Обском Севере угасает, и написали письмо царю Александру III. Население на Севере, писали ученые, вымирает. Суров климат. Детям манси и ханты необходимо учиться. Хотя бы в объеме первых двух классов. Тогда их, мол, не смогут обманывать купцы и чиновники. Александр III, прочитав письмо, размашисто написал на нем: «Ну и пусть!»

Таким было отношение царского правительства к судьбам народов Севера, которые жили тогда в условиях первобытной отсталости. О положении таких народов говорил в 1921 году В. И. Ленин: «...Небоятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царят патриархальщина, полуидиотство и самая настоящая дикость».

А между тем народы, вынужденные прозябать в дикости, отброшенные в историческом развитии на десятки, а то и на сотни лет назад, поражают исследователей их жизни оригинальностью и смелостью мысли, творческим потенциалом. Так, например, специалисты до сих пор удивляются, что эскимосы, не знаяшие европейской техники, самостоятельно изобрели винт. Они же придумали прототип сегодняшних противосолнечных очков — сделанные из плавника или кости крышки на глаза, в которых прорезаны узкие щели. Архитекторы и сейчас с вниманием изучают особенности постройки северных жилищ. Веками шло в среде северных народов и накопление духовных ценностей. Но, казалось, эти ценности, рожденные устным творчеством, никогда не переплывут в новое качество — в письменную литературу. Опыт Гренландии и Северной Америки — тому свидетельство. У коренного населения этих стран — эскимосов — стараниями католических миссионеров письменность появилась двести лет назад. Но ни в Гренландии, ни в Северной Америке письменность так и не стала предвестником литературы у коренных народов.

Буквально в первые дни Советской власти пастух-чукчей Теневилем, жителем верховьев реки Анадырь, были изобретены иероглифы. Оленеводу они потребовались для ведения хозяйства. Но через

десять лет первый чукотский поэт Тынетегин с помощью нового письма — чукотского алфавита — выведет на бумаге слова:

Раньше были на болоте пнями,
И подняться было не по силам.
А теперь равняемся с горами,
И за это Ленину спасибо!
Карандаш и книгу дал нам
Ленин,
Он свои заветы нам оставил,
Вот когда мы стали жить
светлее,
Словно горы, к небу
вырастая!

В этом стихотворении с удивительной полнотой показано, что было единственным необходимым, чтобы народы Севера включили свою энергию в общегосударственный творческий процесс. Не приход сам по себе к северным народам грамоты и письменности становится причиной зарождения у них литературы. Важно, кто их принес. «Карандаш и книгу дал нам Ленин...»

— Владимир Михайлович, мы часто говорим: народы Севера. Давайте напомним нашим читателям, какие именно народности имеются в виду и где они живут.

— По данным последней Всесоюзной переписи населения, на Севере проживает 26 малых народностей, насчитывающих 158 тысяч человек. Я назову их. Это ненцы, ханты, манси, зенки, коряки, чукчи, звены, долганы, ительмены, кеты, алеуты, нанайцы, нганасаны, негидальцы, нивхи, ороки, орохи, саами, селькупы, тофалары, удзегицы, ульчи, чуванцы, энцы, эскимосы и юкагиры.

Всего зона Севера охватывает площадь около 11 миллионов квадратных километров, то есть почти половину территории всей нашей страны и 64 процента территории РСФСР. Это в основном огромные пространства тайги и тундры. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним отдаленные районы включают полностью или частично 16 областей, краев и автономных республик — Амурсскую, Архангельскую, Иркутскую, Камчатскую, Магаданскую, Мурманскую, Сахалинскую, Томскую, Тюменскую, Читинскую области, Красноярский, Приморский, Хабаровский край, Бурятскую АССР, Коми АССР и Якутскую АССР.

На всей этой территории буквально бурлит новая жизнь. Сейчас Север приобрел значение экономической зоны, где сосредоточены основные запасы многих минерально-сырьевых и топливных ресурсов страны. Достаточно напомнить, что эти районы дают половину всей добычи нефти России, а газа еще больше — шестьдесят процентов. Север дает и пятую часть заготовляемой в РСФСР древесины. Ну и, конечно, такие традиционные для Севера промыслы, как оленеводство, рыболовство, охота, — тоже вклад в народное хозяйство страны.

— Индустриальное освоение Севера, естественно, многое меняет и в образе жизни коренных обитателей этих мест, в их традиционных занятиях. Прокладываются трубопроводы — и меняются привычные пути миграции оленей, строится металлургический комбинат — и звери уходят из этих мест, начинается промышленное использование воды — и уменьшается количество рыбы... Происходит и необходимое перемещение старых поселений.

В одном из рассказов юкагирского писателя Семена на Курилова герой проплывает по реке мимо не существующего уже острова, где он родился и жил. Ему задают вопрос:

«— А где же родные теперь?

— В райцентр переехали. Живут в каменном доме.

— И как? Привыкли?

— К хорошему разве трудно привыкнуть?..»

А вот в рассказе ненецкого поэта и прозаика Василия Ледкова «Чум» описана совсем другая ситуация, когда живущий с внучкой в строящемся городе дед-ненец никак не может привыкнуть к каменным стенам. Как говорит он сам: «Мне дома воздух мало, ветер не качается... Он стукнул себя по голове... Дома эта коробка болит. Городе глазам тесно, городе небо мало. Простор нет». В конце концов измученный таким жильем дед привозит себе чум и поселяется в нем. Но рассказ на этом не кончается. Городской архитектор заинтересовался жилищем деда и добился пересмотра генерального плана строительства. В эпилоге рассказа мы видим гигантскую гостиницу из стекла и бетона, своим очертанием напоминающую чум. И новая квартира деда Игната на двадцать

втором этаже тоже напоминает чум — и формой и специальной низкой мебелью. «Через круговое окно глядело в комнату со всех сторон чистое небо, а внизу, пока хватает глаз, по широкому ковру тундры, как бы извиваясь на ветру, бежала голубой лентой река».

А чью точку зрения разделяете вы, Владимир Михайлович? Какие, на ваш взгляд, проблемы сегодняшней жизни народов Севера еще ждут своего решения?

— Прежде всего хочу заметить, что каменный чум Василия Ледкова — это скорее образное, нежели конкретное решение проблемы. А проблема такая действительно существует.

За короткий исторический срок народности Севера с помощью русского и других братских народов Советского Союза ликвидировали вековую отсталость, совершили переход от патриархально-родового строя к развитому социалистическому обществу. Это привело к их возрождению, преобразованию хозяйства, подъему культуры, коренным изменениям в социальной культуре. Важной социально-экономической задачей является завершение перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. Сейчас уже переведено на оседлость свыше 18 тысяч семей. Во многих областях эта работа практически уже закончена. В Тюменской и Архангельской областях, Хабаровском и Красноярском краях, Якутской АССР перевод на оседлость завершается. Бывшие кочевники получают благоустроенные квартиры со всеми коммунальными удобствами. И Семен Курилов, конечно, прав — к хорошему привыкнуть нетрудно. Я лично не встречал людей, которые отказывались бы от водопровода или газовой плиты.

И все же, строя жилье для народов Севера, необходимо учитывать традиции, уклад жизни коренного населения. Необходимо помнить, что тот же перевод к оседлости осуществлен на протяжении жизни всего одного-двух поколений. Может быть, нет смысла копировать в камне или дереве традиционный северный чум, но сохранить какие-то его особенности следует. Во-первых, я думаю, что в национальных поселках не надо увлекаться многоэтажным строительством. Каждая семья должна иметь свое жилище с подсобными помещениями для хранения запасов пищи, охотничьего и рыболовного снаряжения, для собак, упряжки которых в тундре пока еще не может заменить ни один вездеход.

Что же касается промышленного наступления на Север, то я считаю, что это закономерный процесс. Единственное, с чем бы я не спешил, — так это с бытующим еще подчас желанием привлечь в промышленность как можно больше представителей коренного населения. Здесь есть свои «но». Прежде всего «но» традиционного характера: стоит ли разрушать вековые династии оленеводов, охотников-промысловиков... На второе «но» уже можно посмотреть и с экономической стороны. Ученые считают, что акклиматизация человека на Севере происходит обычно за 1—2 года. Причем имеется, конечно, в виду работа в промышленности. Думаю, если бы поставить эксперимент по привлечению приезжих, скажем, в оленеводство, то срок акклиматизации значительно бы увеличился. А между тем коренные жители с детства имеют навыки этой совсем непростой работы. И можно только приветствовать введение в школьные программы изучения основ оленеводства — этой немаловажной отрасли народного хозяйства.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», принятом два года назад, указывается на необходимость дальнейшего совершенствования организации труда оленеводов, а также работающих в охотничьих, рыбных и зверобойных промыслах. Это традиционные и основные виды занятий коренного населения Севера, и будет очень обидно, если наши потомки будут знать об этом только из литературы.

— Владимир Михайлович, я уже знаю, что вы считаете свою судьбу обычной и даже типичной для нашего времени. Расскажите, пожалуйста, о ней нашим читателям.

— Моя судьба — действительно не исключение. Писателей, ученых, композиторов, художников, заслуженных людей можно сегодня назвать много в каждой народности Севера. У каждого, разумеется, свой путь, своя биография, но, сложенные вместе, эти пути, эти биографии представляют единую великую

историю возрождения наших народов. Возрождения, которое стало возможным только в советское время.

Я вместе с братом и сестрой род в бедной семье. Отец наш умер, когда мне было только три года. Мать была больна. К тому же мое детство выпало на тяжелые военные годы. И все же старики вспоминали, что было еще тяжелее.

Как-то в детстве, уже познав грамоту, я прочитал матери автобиографическую книгу юкагирского писателя Тэки Одулока. Писатель рассказывал о своей горькой батрацкой юности, о том, что спал на полу в кухне без постели и совсем не знал белья. Когда я прочитал слова: «Облезлая оленяя рубаха и штаны, надетые на голое тело, были единственной моей одеждой», — мать прервала меня: «А юкагиры-батраки не так уж плохо жили — у них была оленяя одежда. А я с тремя сестрами, хотя мы и не были батраками, носили одежду из рыбьей кожи и только делали, что жались к очагу. В нашем жилище имелась рваная собачья доха, оставшаяся еще от бабушки. Ее надевала та из нас, кому следовало выйти в буран за дровами или снегом».

А я, как и все наши мальчишки и девочки, учился в школе. Мать моя, сама женщина неграмотная, хорошо понимала важность и необходимость образования. Никогда не забуду один из уроков жизни, преподанный ею мне.

Жил в нашем поселке Чайво, что на северо-восточном побережье Сахалина, русский бухгалтер Семен Семенович Ткачев. Так вот, этот Семен Семенович, в очках, с деревянными счетами под мышкой, казался нам самым загадочным человеком. Когда он заходил в кабинет и начинал перебрасывать костишки на счетах, мы забирались на завалинку и затаив дыхание взглядывались в окна, смотрели, что он там шаманит. Однажды за этим занятием застала меня мать. Она сказала: «Вот русский, он знает то, что не знает самый мудрый нивх. Он бухгалтер. Ты тоже сможешь стать бухгалтером, если будешь учиться».

И я учился. Бухгалтером, правда-таки, не стал. Окончив семилетку, я получил весьма лестное для меня предложение — пойти учеником на метеостанцию. Разумеется, я тут же согласился. Но в тот же день меня позвали в сельсовет и сказали, что из Ногликов, из нашего райцентра, пришло направление для меня. Меня посыпали учиться на факультет народов Севера при Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Мать моя тут же дала согласие. И я поехал в Ленинград, в институт.

— С семилеткой?

— Да. Но тогда при факультете народов Севера существовали специальные подготовительные курсы, на которых мы в течение трех лет получали среднее образование. Сейчас таких курсов нет. А жаль. Потому что, хотя все дети народностей Севера и получают сейчас обязательное десятилетнее образование, все же, не надо на это закрывать глаза, уровень образования в далеком селении пока еще не соответствует той подготовке, которую получают выпускники школ, скажем, в большом городе. И я думаю, что в целях более эффективной подготовки национальных кадров следует восстановить подготовительный факультет в Ленинграде.

Писать я начал, будучи еще студентом. Мне хотелось как можно достовернее рассказать правду о жизни моего народа. Первая моя книга в переводе на русский язык была издана в 1961 году. Называлась она «Нивхские легенды». Никогда не забуду письмо Константина Федина, которое он приспал мне после ее выхода: «Итак, появился нивхский писатель — певец нивхов, которому предстоит открыть другим народам душу и сердце своего...» Эти слова до сих пор меня ко многому обязывают.

— И традиционный вопрос: ваши планы?

— Продолжаю писать и стихи и прозу. Много работы, как я уже говорил, по созданию учебной литературы на нивхском языке. Готовлюсь к переводу на нивхский язык знаменитых книг Леонида Ильича Брежнева.

И еще одно радостное дело заботит меня сейчас — готовлю к изданию первый том десятитомника «Библиотеки народов Севера». Он должен выйти в будущем году.

Беседу вели
Валерий ЕВСЕЕВ.

Владимир БАЛАЧАН

Мы в школу за семь верст ходили.
Чтоб мы успели на урок,
До солнца мамы нас будили
И провожали за порог.
Ни буйных трав и ни деревьев —
Дорога берегом вела
От Старо-Яркова — деревни
До Ново-Яркова — села.
Над степью жаворонки пели.
Кричали чайки на Чанах.
Телеги ранние скрипели.
Взлетали весла на челнах.
В портфелях мы несли тетрадки,
Порою было в них — хоть плачь! —
И с языком не все в порядке
И с объяснением задач.
Но, обходя сторонкой глыбы,
Мы приносили на урок
Ракушки, запахи полыни
И с хрюпотцо говорок.
Разгоряченные с дороги —
Над кипой книг и словарей
Дышали силой мы,
Здоровьем,
Любовью к Родине своей.

Голос Родины

(Из детства)

Голос Родины — ручей.
Хорошо мне стало
От простых его речей,
Теплых и картавых.

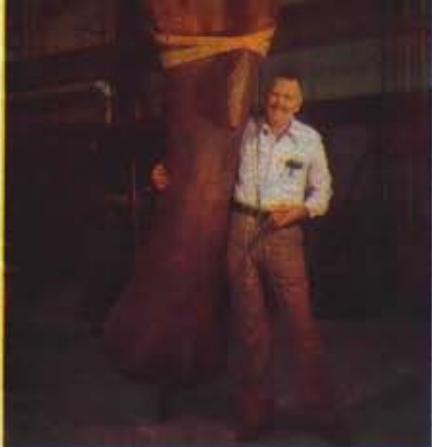
Голос Родины — скворец.
И светло в округе.
Домик. Шест. Его дворец
Излучает звуки.

Голос Родины.
До слез.
До приятной боли:
Шелест флага, шум берез,
Звон колосьев в поле.

Вечер. Светятся огни
Из оконной рамы...
— Спи, сыночек мой, усни! —
Это голос мамы.

Вторая весна

Первая моя весна.
Первый выезд в поле...
Оторваться ото сна
Не хватало воли.
В росной серой полумгле
Я, еще до солнца,
Шел за плугом по земле
Тяжело и сонно.
И тянулась борозда
Вслед за мною
Гривой,
Как тропинка в никуда —
Медленно и криво.
И, по-честному сказать,
Лишь к середине лета
Научился я вставать
Утром
До рассвета.
Но была в моей судьбе
Та весна, вторая...
И шагал я по стерне,
До зари вставая,
И тянулась той весной
Борозда по гриве,
За мою за спиной —
Ровно и красиво.
И солнечный пот — не в счет,
И усталость даже...
С той весны веду отчет
Трудового стажа.
И летит через года
С той поры доселе
Та пылая борозда —
Как дорога к цели.

Американскому исследователю Джеймсу Ензену повезло: во время раскопок на одном из плато в Скалистых горах он обнаружил окаменевшие кости самого крупного животного, когда-либо обитавшего на планете Земля. Судя по одной из костей, с которой горделиво позирует Ензен (а ее длина 2,75 метра), гигант, нареченный ультразавром, весил не менее 80 тонн. Для сравнения — это примерно столько, сколько весят два пассажирских самолета «боинг-737»...

Существует множество гипотез о

причинах исчезновения динозавров — их отличает блеск фантазии и, по понятным причинам, весьма скучный набор фактов и доказательств. Что-то изменилось в решающих для жизни динозавров обстоятельствах, но что именно? Все ответы, которые предложены, встречены со скепсисом, подлинной науке всегда свойственным. Да и сложно быть безупречно убедительным, ведь со времени исчезновения динозавров прошло ни много ни мало 65 миллионов лет.

Динозавров мы разглядываем сегодня

лишь на страницах книжек, посвященных далекому прошлому Земли. Но горестная их судьба — полное вымирание — угрожает ныне множеству видов животных, к которым мы привыкли как к неотъемлемой части окружающей человека среды. Причины? Их немало, и они не всегда однозначны. И все же разобраться с ними легче, чем с тем, что случилось миллионы лет тому назад.

Вот данные Всемирного общества охраны природы...
Леопарды полностью вымерли в ря-

УЛИЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ В КАРАЧИ (ПАКИСТАН). ВЕРЕВКА И ПАЛКА В РУКАХ ХОЗЯИНА ЗАСТАВЛЯЮТ МАКАКУ ДЕМОНСТРИРОВАТЬ ИСКУСНЫЕ ТРЮКИ. ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО ЗВЕРЬКА НЕ СУЩЕСТВУЕТ «ОХРАНЫ ТРУДА»...

МИР КАПИТАЛА. УБИЙСТВЕННЫЙ БИЗНЕС

де районов, 5 из 20 видов под угрозой вымирания в результате браконьерства и нелегального промысла шкур. Горные гориллы почти вымерли, общее число, вероятно, меньше 250; причины — погоня за черепами горилл как за «сувенирами», разрушение среды обитания. Слоны азиатские — осталось около 35 тысяч с тенденцией к убыванию; причины — погоня за слоновой костью, разрушение среды обитания... И так далее и так далее. Список велик и безрадостен.

70 стран обязались придерживаться

Вашингтонской конвенции 1973 года о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой вымирания. Но есть ли возможность реально обеспечить соблюдение норм, установленных на основе заключений авторитетных экспертов, в условиях «свободного рынка»? То, что стало нелегальным, попросту стало дороже, — так расшифровывается нынешняя ситуация.

Запрещено! — Но звучат автоматичные очереди в национальных парках Африки.

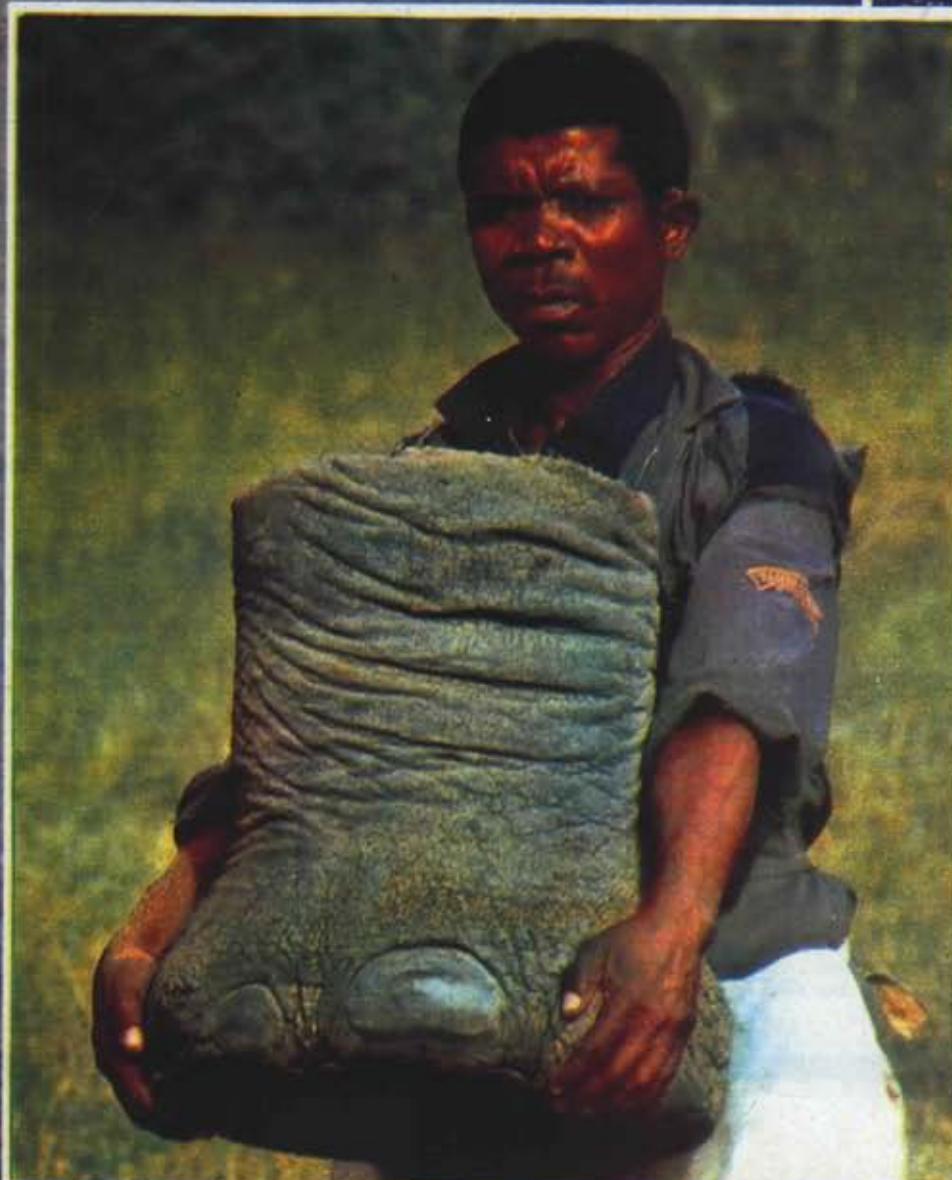
Запрещено! — Но по фальшивым документам тысячи и тысячи редких животных отлавливаются самыми чудовищными способами для частных зоопарков и «зооагентств» Западной Европы и Америки.

Предлагаем внимание читателей материалы, опубликованные в американском журнале «Нэшил джиографик» и в западногерманском журнале «ГЕО». Речь в них идет о жестоком и безудержном уничтожении неповторимой фауны Земли, о гибели редчайших животных. Пружины «убийствен-

ного бизнеса» (употребляя выражение «ГЕО») — алчность торговцев и фальшивые критерии «престижности» у обывателей с толстой монетой.

Горькие свидетельства приводятся в этих публикациях. И вот о чем они заставляют думать: зверство над животными неизбежно оказывается где-то рядом со зверством над людьми, и воспитание жестокости с неизбежностью поражает все сферы жизни общества. Тому немало примеров.

Итак, убийственный бизнес. То, чего не должно быть на Земле...

КРОКОДИЛЫ ВСЕГДА ИСПОЛНЯЛИ В ПРИРОДЕ РОЛЬ «ЧИСТИЛЬЩИКОВ» — ПОКА ИХ ПОЧТИ ПОЛНОСТЬЮ НЕ ИСТРЕБИЛИ: ДОРОГИЕ МАГАЗИНЫ ПРОДАВАЛИ МОДНЫЕ РЕМНИ, СУМКИ, ТУФЛИ ИЗ КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ.

«СУВЕНИР» ДЛЯ СНОБОВ АМЕРИКИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: СЛОНОВАЯ НОГА В КАЧЕСТВЕ КОРЗИНЫ ДЛЯ БУМАГИ. ЕСЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ СЛОНОВ НЕ ОСТАНОВИТЬ, ПРЕДУПРЕЖДАЮТ УЧЕНЫЕ, ТО ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ В ПАМЯТЬ О НИХ ОСТАНУТСЯ ЛИШЬ ФИГУРКИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

РОГА НОСОРОГА — ХОДОВОЙ ТОВАР НА РЫНКЕ БРАКОНЬЕРОВ. ОХОТУ НА НИХ ВЕДУТ ЦЕЛЫМИ БАНДАМИ. НЕВЕЖЕСТВЕННЫЕ ЗНАХАРИ ПРИПИСЫВАЮТ ПОРОШКУ ИЗ РОГА ЧУДОТВОРНЫЕ СВОЙСТВА — И СТАНОВИТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ НЕУКЛЮЖИХ ГИГАНТОВ.

«ГУБЯ ИХ, МЫ ГУБИМ СЕБЯ...»

— Всем спрятаться за деревья! — еле слышно прошелестел у меня за спиной приказ Фила Снайдера, охранника национального парка в Кении.

Пятерка патрульных вела скрытое наблюдение за поляной. Меньше чем в ста ярдах боком к нам стоял черный носорог, сердито топая трехпалой ногой и быстро поводя головой из стороны в сторону. Он почучал присутствие посторонних, но слабое зрение и неблагоприятное направление ветра мешали ему определить, где находится наше месторасположение.

Я всегда думал, что рога у этих животных тупые. Данного носорога — что, как оказалось, типично для черных носорогов вообще — природа наградила оружием наподобие ятагана. Таким рогом можно проткнуть человека насеквоздь, просто насадить его на рог, как на вертел. Но именно этот уникальный природный дар стал причиной неизбежной трагедии. В Северном Иемене любому богачу не жаль отдать 6000 долларов за «джамбию» — традиционный кинжал — с рукояткой из такого рога. К тому же на Востоке многие верят в чудотворные свойства порошка из рога.

Спрос на рога привел к почти полному истреблению отдельных видов носорогов. Так, черные носороги, распространенные некогда по всей Экваториальной Африке, исчезают с катастрофической быстротой. В 1969 году в одной только Кении их было 15 тысяч, а спустя десять лет уже только 1500, причем и это число продолжало снижаться. Общая численность носорогов на Суматре, Яве и в Индии не достигает и двух тысяч.

В Кении сегодня Фил Снайдер и его помощники выселяют браконьеров, охотящихся за носорогами. В тот день нам браконьеры не попались. Один из помощников Снайдера сказал:

— Если бы не патруль, здесь через какие-нибудь три недели не осталось бы ни одного носорога.

Несколько месяцев позднее мне предложили рог животного этого вида в Макао, маленькой португальской колонии на южном побережье Китая. Широко ухмыляясь, молодой аптекарский работник выложил на прилавок серую стружку по цене 450 долларов за унцию¹. Быть может, на Востоке представление о свойствах этого порошка как стимулятора жизненной активности не имеет ни малейшего обоснования. С научной точки

зрения, можно с равным успехом жевать собственные волосы или грызть ногти.

За минувшее десятилетие правительства ряда стран приняли законы, ограничивающие или запрещающие торговлю животными, виды которых находятся под угрозой вымирания. Дельцы, промышляющие такой торговлей, стали в ответ изобретать самые невероятные и темные пути для обхода поставленных препятствий.

Суть в том, что доходы от этого промысла чрезвычайно велики. Любители экзотических птиц, скажем, готовы уплатить 10 тысяч долларов за красносинего попугая ара.

На Пятой авеню в Нью-Йорке я привыкли к мокасинам из кожи ящерицы.

— Двести тридцать пять, — насмешливо бросил приказчик, давая своим тоном понять, что настоящие покупатели таких вопросов не заходят.

В универмаге Хэррода в Лондоне я видел витрину с бумажниками из крокодиловой кожи по цене 250 фунтов (около 600 долларов) и больше за штуку. В Париже у Диора заведующий отделом мехов предложил мне полюбоваться на пальто, сшитое из пушистых шкурок с брохой 17 русских и стоящее 100 тысяч долларов.

— Мы продаем только два пальто в год из-за введенных ограничений, — пояснил он. — Но могли бы продать гораздо больше.

По данным Службы охраны птиц и животных, в 1979 году в США импортированы около 422 тысяч живых птиц и более 1,1 миллиона рептилий и амфибий. За этот же период поступило 11,8 миллиона шкур и кож и 129,6 миллиона отдельных предметов, полученных от убийства диких животных.

Потребительский интерес в ведущих державах ускоряет процесс истребления животных в менее развитых странах. А нелегальные торговцы всячески способствуют этому, стремясь удовлетворить спрос и, конечно же, набить собственный кошелек.

Так как животные, ввозимые контрабандой, не проходят положенного карантинного, они нередко оказываются разносчиками заразных болезней. Так, завезенная экзотическими птицами болезнь поразила в 1971 году в Калифорнии домашнюю птицу и стоила государству 56 миллионов долларов. Официальные представители министерства сельского хозяйства говорят, что эпизоотия большого масштаба может обойтись в четверть миллиарда долларов.

Но главный и непоправимый вред нелегального промысла диких животных в том, что в результате численность таких животных катастрофически уменьшается. Из 13 200 видов млекопитающих и птиц, насчитывавшихся в XVII веке, более 130 видов вымерли полно-

стью и еще 240 находятся под серьезной угрозой вымирания, как и многие виды рептилий, амфибий, рыб и беспозвоночных. Причинами большинства потерь являются охота и разрушение среды обитания. Уильям Конуз, директор Нью-Йоркского зоологического парка, сказал мне:

— Пока у животных сохраняется достаточная среда обитания, полное истребление им не угрожает. Но в мире ежеминутно уничтожаются 50 акров леса, причем не без участия безудержных охотников. Самое скверное в торговле животными то, что она доставляет людям вовсе не нужные им вещи. Никто ведь не испытывает настоящей потребности в леопардовом манто...

Он с головы до пят выглядел преуспевающим сингапурским бизнесменом: массивные перстни, дорогие золотые часы, костюм от отличного портного.

— Я хорошо зарабатывал на торговле животными, — сказал он. — Но я выхожу из дела. Это становится слишком сложно, слишком много всяких ограничений.

Но он в точности знал, как осуществляется нелегальная торговля, особенно экзотическими птицами, которых в обход закона доставляют из Австралии. Сидя в сингапурском отеле, он прочертит по карте весь путь.

— Нанятая рыбачья шхуна плывет к Бали, а оттуда — к восточным берегам Австралии, минуя Большой Барьерный Риф, — сказал он. — Затем двухмоторный быстроходный катер мчится вдоль берега, отлавливая тысячи две птиц. По возвращении в Индонезию покупаются нужные бумаги, чтобы с ними потихоньку переправить птиц в Сингапур и сбыть по преимуществу европейским перекупщикам. За вычетом расходов одна такая операция дает чистыми до миллиона долларов.

— Неужели так много?

— Коллекционеры в Европе и в Соединенных Штатах платят за пару редких попугаев от 8 до 12 тысяч долларов. Конечно, всегда рискуешь вообще ничего не заработать, если контрабандисты наткнутся на береговую охрану и должны будут выбросить за борт клетки с пойманными птицами.

Пожалуй, откровенное и жестче всего нелегальный промысел животных отражает торговля слоновой костью. В этой торговле затронуты все аспекты проблемы: контрабанда, подкуп, высокая прибыль, распространенность по всему миру и, наконец, сами гигантские животные, спрятать которых для нелегального вывоза практически невозможно.

Слоновая кость с глубокой древности пользуется популярностью во всем мире. Еще в первой половине нашего века она шла по 10 долларов за килограмм. В середине 70-х годов цена подскочила до

100 долларов, а ныне снова снизилась до 74 долларов за килограмм. Это значит, что слон средних размеров носит на своей верхней челюсти 1300 долларов. И в результате во всей Африке слоны мрут как муши.

В самое последнее время обнаружилась совсем уж отвратительная тенденция: сковать бивни слонов просто с целью капиталовложения в предвидении того недалекого уже момента, когда слоны будут истреблены полностью и цены на слоновую костьbasнословно возрастут.

Большинство стран Африки ввели ограничения экспортного товара, но получить документы, выглядящие почти как подлинные, не так уж трудно. А после того, как товар был продан и перепродан на нескольких международных рынках, установить его действительное происхождение практически уже невозможно. По выставленной в гонконгской лавке фигурке из слоновой кости никто не определит, был ли слон убит легально, подстрелен ли из засады отравленной стрелой или умер естественной смертью.

Джозеф Кайоко находится на переднем крае войны с контрабандой. Этот 35-летний кенийец руководит охраной восточной части национального парка Цаво. В его распоряжении 53 объездчика — явно малочисленный отряд, если учесть, что охраняемая территория равна по размерам штату Коннектикут.

— Мы недавно обнаружили десять слонов, лежавших рядом и, по всему видать, только что сраженных автомата браконьеров, — рассказывал мне Кайоко об открытии, сделанном патрулем во время одного из обходов.

Однако список жертв не всегда ограничивается животными. Два объездчика и 20 браконьеров (большинство из них пропали с территории Сомали) убиты в происходивших здесь вооруженных стычках.

— Это как настоящая война, — говорит Джо, которого как-то обстреляли, когда он летел над парком на патрульном вертолете.

И такое происходит не только в Кении. В 1979 году в Таиланде были убиты двое и тяжело ранены пятеро охранников.

— У нас 24 заповедника, — рассказывали мне, — и всего 215 сторожей. Мы надеемся получить еще, но все зависит от государственного бюджета.

Бродя по Бангкоку, я услышал птичье многообразие за высокой оградой. На мой стук выскочили и бросились к воротам пять крупных псов. Служители вежливыми поклонами встретили меня. Я увидел самых разнообразных представителей исчезающей фауны таиландских лесов: землероек, питонов, цивет, не говоря уж о великом множестве птиц.

Я спросил владелицу этого ковчега, можно ли приобрести леопардов и гиббонов для отправки в Соединенные Штаты (оба вида животных занесены по Вашингтонской конвенции 1973 года о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой вымирания, в «список №1», и торговля ими запрещена). Она внимательно поглядела на меня и отвела глаза.

— Это было бы трудно. Законом это запрещено.

— Но это возможно?

— Это было бы трудно...

В большинстве случаев противозаконные сделки совершаются при помощи тех, кто призван охранять животных.

В Панаме высокопоставленный чиновник управления охраны природных

¹ Унция — 28,35 г.

**МИР
КАПИТАЛА:
УБИЙСТВЕННЫЙ
БИЗНЕС**

богатства признался, что через страну провозят запрещенный товар, но помешать этому управление бессильно.

— Некоторые из таких дельцов имеют слишком высоких покровителей, — сказал он.

На Каймановых островах в Карибском море владелица лавки сувениров уговаривала меня купить ювелирное изделие из панциря морской черепахи, хотя импорт этих животных и полученных от них продуктов в США запрещен.

— Такую маленькую вещицу легко пронести незаметно, — сказала лавочница так просто и беспечно, что не приходилось сомневаться: у нее в этом деле большой опыт, и она знает, что бояться нечего.

Бельгийские любители птиц каждое воскресенье толпятся на Гран-плас в Брюсселе, глазея на экзотических жителей тропиков.

— Бельгийцы — страстные коллекционеры птиц, — сказал изысканного вида седовласый джентльмен, прибавив, что у него самого около 50 птиц. — Большинство не представляет собой ничего особенного, но при желании можно раздобыть и очень редких, почти уже исчезнувших во всем мире.

— Как это возможно?

— Я знаю, — он усмехнулся и подмигнул, — но сказать вам не могу.

Да, законы об охране живой природы хороши лишь настолько, насколько хороши люди, следящие за их соблюдением...

Большинство биологов считает, что при разумном использовании природных ресурсов человек мог бы и дальше сохранить нормальные условия существования фауны планеты: места хватило бы и для людей и для животных. Но это возможно, только если обуздить тех, кто хищническими методами стремится удовлетворить непомерный спрос на истощающиеся богатства природы.

Поскольку народонаселение мира растет, противники охраны живой природы вопрошают:

— Кто имеет больше прав на существование, люди или животные?

Нали Д. Джайл, ведающий охраной природы Индии, сказал мне в Дели, что такая постановка вопроса в корне неверна.

Земля выработала экологическую систему, в которой каждому биологическому виду отведена своя роль, и только сохранение всех видов позволит этой системе нормально функционировать и дальше. Губя какую-то часть ее, мы неизбежно губим частичку самих себя.

В его стране, например, туристы обязательно желают обзавестись сумками из кожи змей и ящериц. Зачем, собственно, нужно сохранять рептилий, этих родичей динозавров? А затем, говорит мистер Джайл, что они поедают грызунов, наносящих огромный вред индийским посевам. 20 процентов съестных запасов страны уничтожают крысы и мыши, в борьбе с которыми модные сумочки людям не помогут...

Неужели настал день страшного суда, и приходится выбирать: кто — люди или животные — имеют больше прав на существование, кого из них принести в жертву?

Многоократно столкнувшись с этой постановкой вопроса — «люди или животные», я решил рассмотреть его с позиций холодной логики. Я представил себе некий воображаемый космический суд, объективно оценивающий доводы обеих сторон.

Итак, на одной стороне животные. У них право первородства. На земле они появились задолго до людей. Более того, они сами являются весьма существенной частью экологической системы

мы, установившейся миллионы лет назад на земле.

На другой стороне человек. Совсем слабое с виду создание, он, однако, не просто сумел выжить среди бесчисленных опасностей, но благодаря изумительным свойствам своего мозга покорил сильнейших в мире зверей и даже саму природу, его породившую; чело-

век — творец и созидатель, способный на великие подвиги и на чудеса, сделавший жизнь намного прекраснее и могущий сделать ее еще лучше. Но в то же время именно человек превратил убийство в забаву, в развлечение, именно он грубо нарушает экологическое равновесие, необходимое для сохранения жизни на земле.

Доказательства приведены. Так кто же по справедливости должен быть признан более достойным: животные или люди? Как представитель второго вида, я с тревогой ожидал бы беспристрастного вердикта...

«ЭШИЛ ДЖИОГРЭФИК»
США

УЗАКОНЕНИЯ ЖЕСТОКОСТЬ

Рандольф БРАУМАН

На маленькую горную лаосскую деревушку спустилась ночь. Вдалеке, за долиной реки Меконг, глухо пророкотали первые удары мортаров: военные действия начинались всегда после наступления темноты.

На костре под большим деревом шипели, лопаясь от жары, маленькие полосатые речные моллюски. Саложной щеткой, которую она то и дело окунала в чашу с желтой водой, девушка-лаоска чистила раков.

Протягивая мне горшочек с китайским супом, девушка бросила туда несколько кусочков рака.

В тот момент, когда я зачерпнул ложкой суп, в мою правую руку вдруг что-то крепко вцепилось. От страха я едва не выронил горшочек, но затем глянул, желая узнать, что это помешало моему ужину. Это оказалась маленькая обезьянка, макака.

Она имела в длину около 25 сантиметров, а на шее у нее была тяжеленная цепь, каждое звено которой было толщиной сантиметра в два, не меньше. Другой конец цепи был прикреплен гвоздями к дереву.

Я заговорил с обезьянкой на том международном языке, на котором обращаются к детям и к животным. Зверек все крепче цеплялся за мою руку. Попытки вернуть его на место, к дереву, и усадить на какую-нибудь ветку были безуспешны: меня он больше не отпускал. Должно быть, он почувствовал, что имеет наконец шанс избавиться от цепи.

Вышло так, как и должно было выйти: я купил у отца девушки обезьянку, уплатив за нее 400 кипов, что равнялось в то время примерно пяти маркам. Цепь я снял, и на другое утро уже свободная обезьянка вернулась вместе со мной в Луангпрабанг, старинную резиденцию лаосских королей.

Джимми, как с того дня стал зваться зверек, прожил у меня еще четыре недели. Все это время он недвусмысленно давал понять, что желает иметь дело только со мной: он громко кричал, если я оставлял его одного или ненадолго передавал своему коллеге. Мне стало ясно, что я должен взять Джимми с собой в Европу. Я заказал для него просторную клетку, обеспечил бананами и снабдил официальными бумагами для перелета в Лондон, где я тогда жил.

Джимми так и не попал в Лондон. Я

теребил по телефону и телексу множество аэролиний, устраивал скандалы ответственным за отправку грузов и в конце концов получил ответ из Таиланда. Мне коротко по-английски сообщали: «Обезьяна выломала дверцу клетки и исчезла» — что, разумеется, было чепухой, потому что Джимми никак не мог сам выбраться из этой клетки.

Несколько месяцев спустя я снова оказался в Бангкоке, а так как печальная судьба моего маленького друга не выходила у меня из головы, я решил поближе присмотреться к грузовому отделению аэропорта. Я договорился с Читти Тангсбадом, президентом «Сиам-сесайети». Уже ряд лет он выступает в защиту животного мира Таиланда.

Читти, с которым я был давно знаком, уже не раз говорил мне, что аэропорт Бангкока служит центральным перевалочным пунктом этого промысла и что здесь ежедневно разыгрываются трагедии с несчастными животными. Мы встретились в аэропорту, он показал мне зверей, апатично выглядывавших из-за решеток, и я никогда не забуду этого зрелища. Именно тогда в Бангкоке я понял, как бесконечно жестоко поступает человек, когда вырывает другое живое существо из родного леса, чтобы переправить по воздуху через континенты.

Мы покормили и попоили зверей; спасти их мы не могли. Все было ужасающе легально. На всех контейнерах имелись положенным образом оформленные лицензии на ввоз и вывоз. И не было ни одной европейской авиакомпании, которая не принимала бы участия в этих транспортных акциях.

Официально авиакомпании все предусматривали. В отсеках для животных полагается создавать нормальное давление и температуру. Однако в двух случаях из трех это требование не соблюдалось. Животные погибают от нехватки кислорода, от резких перепадов температуры.

«Сабена» доставила в Лондон 90 обезьян, из которых 66 были мертвые. Погибли от удушья. Из 1400 белок, отправленных в Лос-Анджелес, 1338 погибли в дороге. Замерзли.

«Люфтганза» транспортировала из Иоганнесбурга в Брюссель двух гепардов. Доставлены звери были уже мертвые. Как выяснилось, погибли они от жажды. «Люфтганза» пыталась оправдываться тем, что в сопроводительных бумагах не было указаний насчет необходимости поить зверей. Но ведь таких указаний вовсе и не требовалось: в

правилах перевозки животных на большие расстояния значится, что в дороге их необходимо снабжать едой и питьем.

Из 12000 экзотических птиц, перевезенных в 1979 году через аэропорт Риек в Мюнхен, 3000 оказались мертвые.

В Амстердаме совершил посадку самолет из Индонезии, направленный в Стокгольм. Таможенный инспектор потребовал вскрыть ящики. Внутри оказалось 11 яванских макак; 7 из них — мертвые. Тогда вскрыли и остальные ящики. Из 625 обезьянок в живых оставалось уже только 145. У погибших вид был страшный: глаза вылезли из орбит, языки высунуты и обкусаны — смерть наступила от удушья.

Исклучения?

Нет, просто случаи, ставшие известными. И они показывают, каким нестерпимым пыткам подвергаются животные при транспортировке.

...Гиббоны — человекообразные обезьяны с острыми, как нож, зубами. Кое-как поладить можно только с самыми молодыми гиббонами. И охотники почти всегда убивают родителей, чтобы захватить детенышей, если последние случайно уцелеют в этой перестрелке. Эксперты считают, что на каждого гиббона, живым добрашегося до Европы, приходится десять погибших.

Китайские торговцы покупают у охотников-тайланцев похищенных детенышей гиббонов и в примитивных ящиках везут их на автомашинах в Бангкок. Дорога в 600 километров отнимает немало дней.

В ящик, рассчитанный на одного-двух гиббонов, заталкивают десятерых. Весь путь животные вынуждены продлевать скрючившись и при каждом толчке машины ударяются головой о верх ящика. Воздуха, понятно, не хватает. Животные задыхаются, не выдерживая таких условий.

Когда вонь становится нестерпимой, водитель останавливает машину и выбрасывает трупы. Гиббонов, живыми доставленных до Бангкока, передают получателю, который подкармливает их, дает им немного прийти в себя, после чего отправляет дальше.

Зашитники животных, пытающиеся расследовать такие случаи, указывали на грубейшие нарушения правил перевозки. Но как вообще на животных, торговля которыми запрещена, могут быть выписаны официальные фрахтовые документы?

Ни в одной другой стране мира нет, вероятно, такой уймы «охотничьих» и «птичьих» парков, как в ФРГ. Для обес-

МИР КАПИТАЛА: УБИЙСТВЕННЫЙ БИЗНЕС

печения предприятий этой развлекательной индустрии тропическим «инвентарем» мы импортируем сотни тысяч подлежащих охране животных. Так как смертность среди них катастрофически высока, пополнение требуется постоянно.

Еще больше вреда, чем эта «парковая эпидемия», приносит другая характерная особенность западногерманского общества: стремление к престижности. Дабы парк мог считаться шикарным, ему необходимо что-нибудь этакое, чего нигде больше не увидишь: не «немецкая домашняя кошка», но гепард, не волнистый попугай, но редкостная экзотическая птица из Новой Кaledонии, не морская свинка, но кавказский дикобраз.

Так как в ФРГ понятие «зоопарк» юридически не закреплено, то я могу снять в аренду участочек, огородить его и вывесить табличку: «Зоопарк». Если туалеты и стоянка для автомашин окажутся в порядке, местные органы власти обязаны будут выдать мне лицензию. Так я превращусь в «директора зоопарка» и сразу же получу возможность ввозить редчайших, находящихся под угрозой вымирания животных.

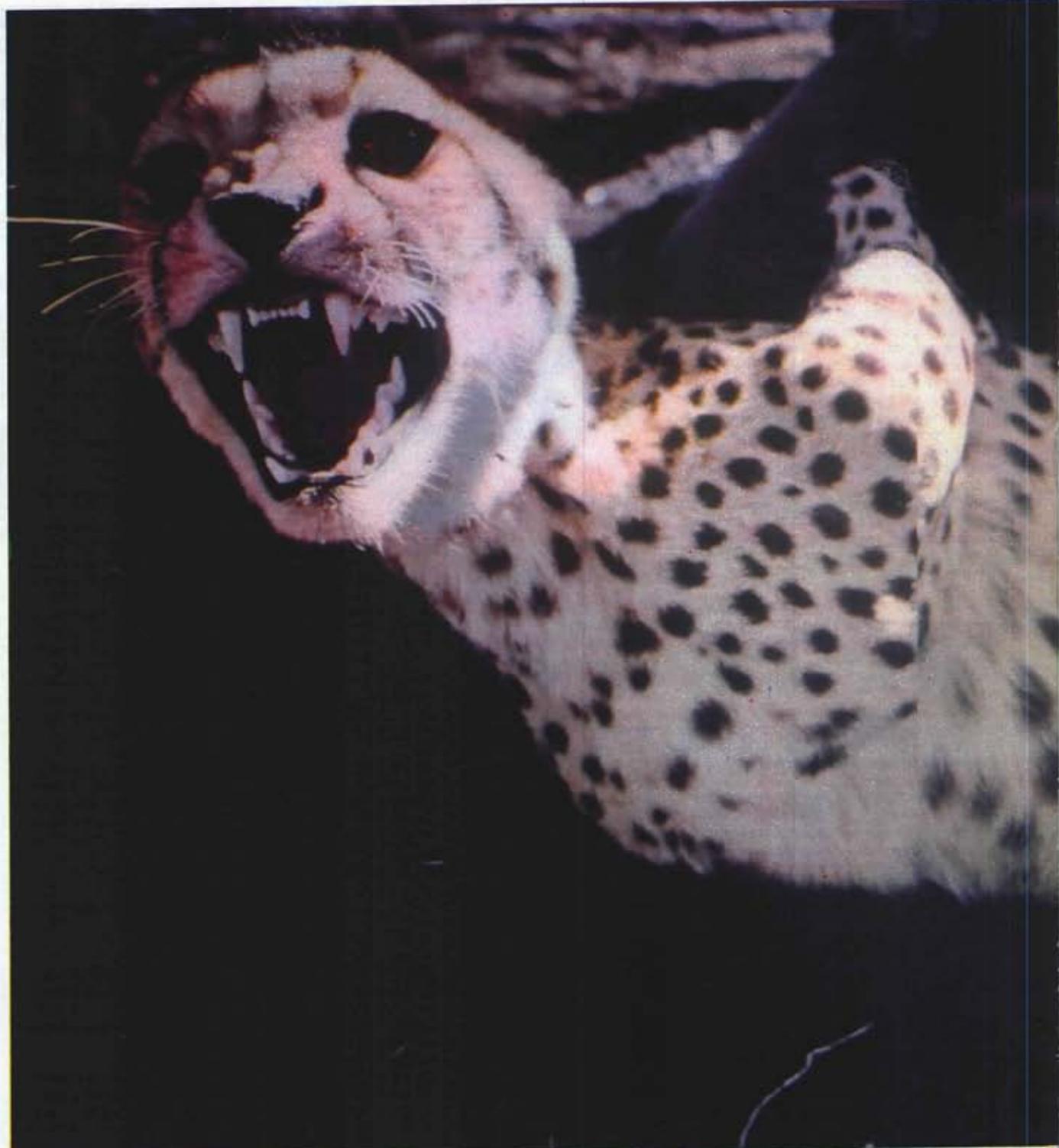
В истреблении фауны Федеративная Республика Германии играет совершенно исключительную роль. Вот статистика импорта только за один год: 340 000 крокодиловых кож, 160 000 шкур пятнистых кошачьих, 34 тонны черепашьего мяса, 6500 тонн китового жира (для чего потребовалось уничтожить 1000 кашалотов), 66 тонн слоновой кости (это лишило жизни 6000 слонов).

Но это еще не все.

200 000 обезьян заперты в наших квартирах и частных зоопарках.

**СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ КРАСАВЕЦ
ГЕПАРД СПОСОБЕН ДОСТИГАТЬ
СКОРОСТИ 115 КМ/ЧАС.
НО ЭТО НЕ СПАСЛО ЕГО...**

**В МЕХОВОМ МАГАЗИНЕ МЮНХЕНА
БОГАТЫЙ ВЫБОР МАНТО
ИЗ ЛЕОПАРДОВЫХ ШКУР—
ХОТЯ ИМПОРТ ЭТИХ ШКУР
ЗАПРЕЩЕН.**

30 000 хищных птиц—орлов, соколов—сидят на привязи в наших задних дворах.

При таком колоссальном спросе не может быть недостатка в крупных поставщиках, не останавливающихся ни перед чем.

... Вальтера Зензена из Верхней Франконии в 1973 году осудили в Дармштадте за истязание животных. Лондонское Королевское общество защиты животных выступило с обвинением против него. Цюрихское общество защиты животных заявило о его незаконных действиях. Отдел по борьбе с контрабандой в Аахене тоже выдвинул свои обвинения. Но... Представители Всемирного общества охраны природы недавно выразили сожаление, что «герр Зензен в Баварии уже в третий раз получил разрешение иметь дело с животными»...

В густой сети параграфов и предписаний постоянно запутываются только обвинители, но крайне редко обвиняемые.

Весной 1978 года премьер-министры Сент-Винсента и Доминики обратились с подробными письмами к министру иностранных дел ФРГ Геншеру. Речь шла о том, что с обоих островов были похище-

УДАСТСЯ ЛИ БЛАГОДАРЯ КРУГЛОСУТОЧНОЙ ОХРАНЕ, УСТАНОВЛЕННОЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКАХ КЕНИИ, СПАСТИ НОСОРОГОВ ОТ БРАКОНЬЕРСКИХ ПУЛЬ?

ЧТОБЫ ДОБЫТЬ ТРИ РЕДКИХ ВИДА АМАЗОНСКИХ ПОПУГАЕВ ДЛЯ ПТИЧЬЕГО ПАРКА В ФРГ, БРАКОНЬЕРЫ ИСТРЕБИЛИ МНОЖЕСТВО ПТИЦ. ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ПЕРНАТЫХ ГИБНУТ ВО ВРЕМЯ ТРАНСПОРТИРОВКИ — КУПИТЬ ДОКУМЕНТЫ НЕРДКО ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ ОБЕСПЕЧИТЬ ПРАВИЛА НАДЕЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ.

ЛИШЬ ОДНА ИЗ ДЕСЯТИ ОБЕЗЬЯН ОСТАЕТСЯ В ЖИВЫХ ПОСЛЕ ПЕРЕЛЕТА ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ...

ны по меньшей мере 16 редчайших попугаев для птичьего парка в Валь-сроде.

При этой охоте были сожжены целые леса. Птиц огнем заставляли покинуть деревья, после чего ловили сетями и подстреливали дробью, истребив таким образом целые виды, которые только в этих лесах и водились.

Доминика (с 1978 года независимое государство) и Сент-Винсент (независимый с 1980 года) предъявили Вольфгангу Брэму, директору птичьего парка в Валь-сроде, требование возместить нанесенный ущерб.

21 июля 1978 года советник посольства д-р фон Хассель сообщил премьер-министру Доминики, что министерство иностранных дел «поручило компетентным немецким инстанциям провести расследование данного случая».

А 19 сентября 1978 года эти «компетентные инстанции» пришли к заключению, что в действиях Брэма «не содержится признаков нарушения Вашингтонской конвенции»...

онов марок. Если прибавить к этому доход от шкур, мехов и прочего, то, по мнению экспертов, цифра приблизится к миллиарду. Ну, а об обороте нелегальных сделок можно только гадать — имея при этом в виду, что все запретное стоит многое дороже...

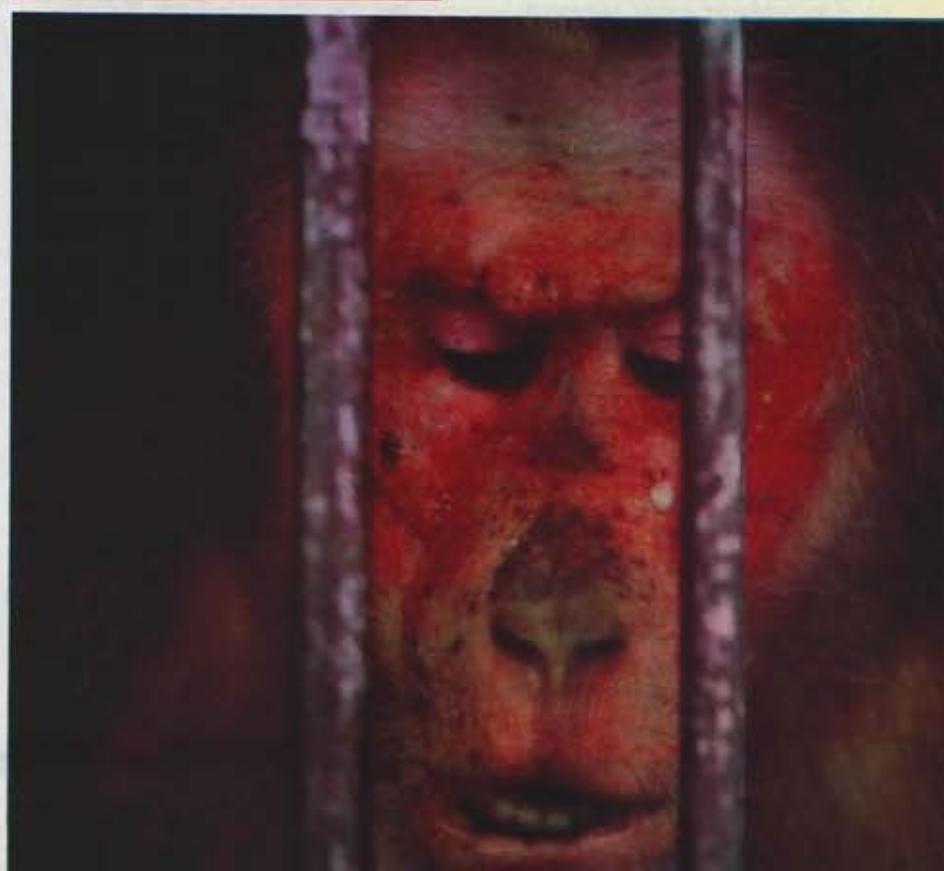
Впрочем, масштабы масштабами, а когда сталкиваешься даже с единичным случаем, не можешь не думать о том, о чем думаю я всякий раз при посещении аэропорта в Бангкоке: большинство из бедняг, залихнувших в клетки, погибнут, не долетев до цели.

Я знаю: случись так, что снова какая-нибудь маленькая обезьянка станет за меня цепляться, я отнесу ее назад, в девственный лес.

И одним из самых прекрасных переживаний в моей жизни будет тот момент, когда обезьянка у меня на глазах станет карабкаться по веткам все выше и выше, туда, где ее ждет свобода.

«GEO», ФРГ

Перевела с английского и немецкого Татьяна ГИНЗБУРГ

Как я боялся, что при всех заплачу,
Как будто состраданья попрошу,
Удачлив тот, кто начал с неудачи,
Как будто не раскрылся парашют.

Как будто на какие-то мгновенья
Свободное паденье продлено,
И сразу вера, боль и нетерпенье
Сливаются в понятие одно.

Рождаются в нем нужные и лишние,
Но никому в тот миг не все равно,
И понял я, что непременно выживу,
Что это мне с рождения дано.

А я боялся, что при всех заплачу,
И так вот, не раскрывшись, упаду...
Как счастлив тот,
Кто начал с неудачи,—
За тем, кто выжил, с верою идут!

Путь на пруды

Где-то в районе прудов Патриарших
Я становлюсь молчаливой и старше.
И отдаю тебя долгой дороге,
Всем, кто увидит
Легкие ноги,
Взлетные руки, теплые плечи,
Всем, кто в зрачках тебя
Увековечил.
Вряд ли скрыть тебя
можно от города,
Мне у прудов беспокойно и холодно.
С завистью глядя на двух лебедей,
Жду предназначенный день.

Где-то в районе прудов и деревьев
Ты появилась — служанка доверья,
Взлетные руки у тихой воды,
Все прожитое — путь на пруды.

Серое небо
Да вербы резные,
Вновь снеги
Отзвели на ветвях,
Снова весна
Приплыла к нам в Россию
На облаках,
Как больших кораблях.

Серое небо
Да вербы резные,
Доброе время
Да люди большие.

Это, верно, на века:
Среднерусская дорога,
У деревянного «конька»
Прикорнули облака.

Это точно на века:
Так беречь
в ладонях сильных

Будут реку берега,
Как судьба хранит Россию.

Эти теплые снега,
Эти скромные цветы,
Это точно на века,
Только б крепкая рука...
Что крепка
наверняка!

Летний сад

Утихнут вдруг автомобили,
И прошлый век в свой сад войдет,
И каждый про себя поймет,
Что мы уже когда-то были.

Пути времен на миг сомкнутся
Здесь, в парке старом у реки,
А дети только засмеются,
Но будут плакать старики.

Старая дача

Зима облокотилась на плетень
Последним снегом,
Серым и недолгим.
Откроют ставни.
Приберут у дома,
На старой даче —
Самый главный день...

И дома наклонившаяся тень
Идет от солнца тихим шагом вдовым.

Какого рода или племени
Я дух живучий берегу,
Река взяла свое у времени,
А время выпило реку.

Сухое русло меж пригорками,
Как впадая щека земли,
По той щеке слезой негромкою
Две струйки чистые текли.

Вот — говорят — конец реки,
Да разве смертны родники?!

И облачная в небе кобылица
Встревожит гриву солнечных лучей,
И в этот час последний сон приснится,
Залетный сон, не мой, не твой, ничей.

И счастье в алых пригоршнях рассвета
Придет в том сне с рождающимся днем,
Наверно, утро любим мы за это,
А может быть, для этого живем.

...И в зацветших прудах
Жизнь казалась нечаянным словом.
Светло-желтым и в трещинах
Словно старик мезонин...
Я сюда приходил
По совсем непонятному зову,
По совсем одинокому зову
Замшелых осин.

Я сюда приходил.
Чтоб еще посидеть на ступенях,
Чтоб на темные окна,
Как сон, налетал листопад,
Словно жизнь — это детство,
И я на отцовских коленях,
И прозрачны пруды,
И ухожен в цветении сад.

О трамвайном билете

В трамвай войду и заплачу пятак,
Три — за проезд, а две копейки — так!
За те воспоминанья, по которым
Маршрутом нашим побежит трамвай.

А в сквере будет девушка сидеть.
И в кассу я еще отсыплю медь
За то, что этой девушки глаза
Вчерашиние, любимые, твои.

А на конечной остановке я ли
Лишусь уже последнего рубля,
Штраф оплачу, ведь я не взял билет,
В прошедшее для нас билетов нет.

Спасибо той, которая была,
Которая не позабылась скоро,
Чьим именем назвал я
целый город.
Где ты заветной улицей жила.
Спасибо той, которая была,
За то спасибо,
что уже не будет,
И что воспоминания не будут,
И что меня любимой отдала.

Дмитрий УЛЬЯНЦЕВ

Когда знакомый в дом наш приходил,
я по привычке в угол забивался,
игрушкой самодельной забавлялся.
Гость неслучайный, он угрюмым был.

но, разомлев, конфетой угощал,
давал играть медалью настоящей.
А со стены смотрел на будни наши
отец и ничего мне не прощал.

«Давно тебе пора с войны прийти.
Ведь знаешь ты, как я тебя заждался.—
И плакал я.—
Ты видишь... защити...»

Но лишь во сне домой ты возвращался.

Станция Сербка *

Хор соловычий гремит под горой,
там, где орешник у самой криницы.
Сербку, что светит цыганской сергой,
луна примеряет — в криницу глядится.

Звезды на небе готовы уснуть.
Песни нам путь к соловьям указали.
Только бы ветер шальной не вспугнул.
Шорохи в запахе трав угасали.

Клен приютит нас в полночной тени.
Хор бушевал — и нельзя разрыдаться.
Здесь позабылись печальные дни.
Здесь нам хотелось навеки остаться.

Станция в Одесской области.

Александр МЕДВЕДЕВ

Над воспоминанием вечер зажег
кристаллы осенних созвездий.
В чулане у клуба стрекочет движок.
Кино начинается с песни!

И куча мала затихает, сопя.
О миг долгожданного счастья!
И мы, отрешась, принимаем в себя
недетские боли и страсти.

А небо на пленке затерта темно,
пульсирует новой тревогой.
Но снова врагам победить не дано,
и в срок успевает подмога.

Вот он и она у калитки. Сирень.
А дальше опять интересно:
стреляют зенитки, и с воем сирен
мешается девичья песня.

Как поезд с победно-ликующим «Мчу!»,
в грядущие дни ветровые
неистовые по световому лучу
события летят мировые.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

22 ИЮНЯ

Молчит репродуктор, толпа прибывает.
Беседуют листья среди тишины.
А где-то уже сапоги отбивают
Двенадцатый час и начало войны.

А я, неродившийся, в лиственном хоре
С тревожной надеждой смотрю наяву,
Как девочка плачет, которую вскоре
Впервые я мамой своей назову.

Лариса МИЛЛЕР

А мне туда и не пробиться,
Откуда родом дождь и птица.
И полевые сорняки
Такие знают тайники,
Какие для меня закрыты.
Дороги дождиком изрыты,
А дождик в словоре с листвой.
И разговор невнятный свой

Они ведут. И дождь уклончив:
Стихает, речи не закончив,
И вновь летит наискосок,
Волнуя реку и лесок
Речами быстрыми. Как в душу,
Я в реку глянула: «Послушай,
Прошу, поведай, покажи...»
А там лишь небо да стрижки.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Предзимье

Как отраден холмистый простор,
Где за только что поднятой зябью
Омывает утренний взор
Черно-белой березовой рябью!
Полегла огневая листва,
И прозрачны плакучие сени.
Но ведь эта краса не мертва
Даже поздней порой осенней!
Потому-то я сердцем тяниен,
Ощущеньем предзимья изранен.
Все к тебе, многоликая Русь,
Чей покой так лучист и желанен,
Чья извечная добрая мощь
Раскрывается именно в этом
Сочетании пахот и рощ,
Озаренных немеркнущим светом!..

Соль и сор земли

На вопрос, в чем, собственно говоря, заключается главная идея новой книги Михаила Озерова «От Гринича до экватора» («Советский писатель», 1981 г.), отвечает сам автор в одном из разделов повествования, основанного на многочисленных поездках журналиста-международника по странам и континентам. Эта книга, пишет он, о тех людях, которые борются за мир и счастье, и тех врагах, которые мешают людям доброй воли «радоваться, любить, уверенно смотреть в завтрашний день».

С гневом и страстью партийного публициста рассказывает Михаил Озеров о митинге «национального фронта» — крупнейшей расистской организации Великобритании — на безобидной лужайке для игры в гольф. Сегодня, а не в кинокадрах сорока летней давности, по улицам Лондона маршируют барабанщики, а за ними молодчики в черных рубашках. Увы, они не одиночка. И в ФРГ коричневые не прятутся в подворотнях: в стране издается свыше ста неонацистских газет и журналов, в иных книжках и книжных магазинах можно купить пластинки Гитлера или Гебельса, реликвии рейха...

Широко тянутся нити нацистского «фронт». Их можно обнаружить в США, где при администрации президента Рейгана активизировались «черные сотни» ультраправых; и в Бельгии, где орудуют молодчики из «фламандского военного ордена»; и в Южной Африке, где укрылись недобитые гитлеровцы; в Испании, где, пользуясь покровительством властей, по улицам городов маршируют террористы с фашистской маркировкой на одежде...

Страницы, рассказывающие о бесчинствах маоистов во Вьетнаме и Камбодже, нельзя читать без внутреннего содрогания и боли. Автор возвращает нас к событиям почти трехлетней давности, когда Пекин начал войну против СРВ, которую Фидель Кастро охарактеризовал как «самое отвратительное предательство революционного движения во всей истории его развития».

В острой публицистической манере Михаил Озеров предупреждает нас, читателей: да, в Камбодже установлена народная власть, наказаны многие варвары типа Иенг Биона, маньяка-садиста, но все еще улыбается с зарубежных экранов телевизоров глава фашистов Иенг Сари, все еще раздает он направо-налево интервью, хотя этот палач и приговорен законной властью к смертной казни.

Мариэтта Шагинян писала: «...нет маски более загадочной, чем это, казалось бы, открытое лицо Англии. И нет более интересной задачи для журналиста-международника, нежели разгадать эту загадку Англии...» М. Озеров, без сомнения, сделал

определенный шаг к публицистическому познанию «Англии без туманов». С чувством уважения пишет он о рядовых жителях Альбиона; перед нами предстают яркие образы писателя Чарльза Сноу, удостоенного титула лорда за заслуги перед страной, и замечательного футболиста Лаутона, не забытого любителями спорта в Советском Союзе; а рядом — судьбы обездоленных англичан, особенно стариков — одиноких, заброшенных.

Вместе с автором мы совершим увлекательное путешествие по «райскому острову» Шри-Ланка, Индии, по Мальдивам — республике, расположенной на двух тысячах островов, многие из которых меньше обычного футбольного поля. И везде нас ждут интересные встречи, любопытные рассказы об истории, этнографии, быте и нравах народов.

Яков БОРОВОЙ

ПОЭЗИЯ

Поэтическое завещание

В заглавии книги новосибирского поэта Александра Кухно удачно использована строка из его же стихотворения: «Слова, зовущие к добру...» («Западно-Сибирское книжное изд-во», 1981 г.). Такое название самому автору, наверное, показалось бы не совсем скромным. Но книга издана стараниями его друзей, посмертно. И это обстоятельство давало им «горькое право» вложить в название книги одновременно и оценку ее.

Мемориальная книга вобрала в себя почти все, что успел написать автор за свою недолгую жизнь. Автобиографический рассказ, незаконченное документальное повествование о последнем парижском коммунаре Андриене Лежене, переписка, связанная с этой последней его работой. Но главное в книге, конечно же, его стихи. Именно в поэзии полнее и ярче всего упел себя выразить Кухно.

Стихи А. Кухно прости, добры, поэтичны. В них — полновесная мысль и правда чувств, они согреты теплом души, щедрой, способной откликаться на все тревоги времени.

Играть — позорно! —
в чет и нечет,
ухмылку пряча,—
когда весь мир очеловечить
стоит задача!..

Так сознавал он «место поэта в рабочем строю» и свое собственное место. И эта устремленность к большой цели сочеталась у него с верой в силу и действенность художественного слова, со строгой требовательностью к себе.

Лирик по самому складу своего дарования, Кухно не чурался прямой публицистичности, если того требовал предмет разговора, как в цикле стихов «Вещь», в стихах о Парижской коммуне. Но воспитательный заряд его поэзии не сводится к моральным сентенциям и готовым ответам. Сила стихов Кухно, их доброе воздействие на читателя определяются прежде всего их эмо-

циональной атмосферой, высокой и напряженной тональностью, авторской взволнованностью. К читателю обращается человек искренний и открытый, то мягкий и застенчивый, то резкий и гневный, но никогда не равнодушный. Он не поучает с некоей высоты, не возвышает себя над читателем, а как бы вместе с ним, на глазах у него доискивается до истин.

У Кухно обостренная память. Мальчишкой переживший войну, он не мог без трепета прикасаться обнаженными нервами к прошлому. Для него свята память о тех, кто спас нашу Родину, свята память о грозовом времени, которое преподнесло подростку первые уроки добра и справедливости, ускоряло его нравственное возмужание.

Быть может, потому так рано мы знали, что такое — жить, что значит — горько. дерзко, рьяно и ненавидеть и любить.

Немало проникновенных стихов написал он о любви. О любви к женщине, к детям, ко всему живому на земле. И тут он остался верен себе, своей четкой гражданской позиции.

Научился молчать, научился скрывать свои чувства. Говорят, что в молчании — самая громкая речь. Говорят, что любовь — это очень большое искусство. А в искусстве любить — есть искусство — любимых беречь...

Эта хорошо изданная итоговая книга не монумент хорошему поэту и человеку, вернее, не только дань уважения к его памяти. Книге суждена долгая активная жизнь, ибо в главном своем содержании она и современна и устремлена в будущее. В ней — поэтическое завещание всем идущим вперед.

Алексей МАЛЬЦЕВ

ПРОЗА

Как жить по совести?

Сибиряк Роман Солнцев — художник разностороннего дарования. Он известен как поэт. Во многих театрах страны идут его пьесы. В новую прозаическую книгу вошли две повести — «День защиты хорошего человека» (так названа и книга; Красноярское книжное издательство, 1981 г.) и «Лодка пойдет на дрова».

Герои первой повести — ученики. Действие ее происходит в новом сибирском НИИ. С самых первых дней института трудится в нем молодой и талантливый Григорий Бузукин, человек в высшей степени положительный — «до раздражения честный и славный малый», «до тошноты порядочных парень», как думает о нем волею судьбы оказавшийся его начальником Марданов. Но Бузукину мешает жить именно Марданов. К отношениям между не очень хорошим начальником и талантливым подчиненным и сводится глав-

ный сюжетный конфликт повести. Все дело в том, что Бузукин — «белая ворона», «буза у него в голове, в известном смысле он не от мира сего, не может и не хочет понять элементарных прописных истин: с начальством надо ладить, иначе никакого житья. Ладить — не льстиТЬ открыто, а просто быть внимательнее. Вот ведь Марданов внимателен к своему подчиненному и оборудование достает, и жену в техникум устроил, квартиру ему четырехкомнатную выбил... А Бузукин — «неблагодарный!» Все-то ему кажется — и не без оснований, — что таким вот образом Марданов его «покупает», приручает, как «купил» и приручил уже многих — всеми этими подарками и чрезмерным вниманием хочет сделать Бузукина в полном смысле слова своим человеком. А потом уже использовать в своих корыстных целях. Порой Бузукин смиряется, терпит, а порой бунтует.

Когда на защиту Бузукина «прокатаются», всем ясно, чьих рук это дело. «Так кто же победил — я или Марданов?» — думает наш герой. Разумеется, он победил, Бузукин, потому что остался самим собой. Эту нравственную силу не поддаваясь сомнительным соблазнам унаследовал он, видимо, от отца, таинского философа-самоучки, всю жизнь непрестанно думавшего о самом главном — о доброе и зле и о том, «чтоб совесть не дремала».

Герой повести «Лодка пойдет на дрова» старый рыбак, ветеран двух войн Ислам-бабай чешто сродни Бузукину. Он тоже живет по своему кодексу и пониманию чести. «Всю жизнь был прост и честен. И долго прожил не потому, что берег себя... Нет отпечатков моих пальцев на космических ракетах, зато если меня искать — вся земля скажет обо мне!» И не может старый Ислам жить так, как предлагает ему зять Мурзин, не по нему это — принимать и ублажать «начальников» из города, жуликов и напичканных демагогическими откровениями. Стыдно! В старом рыбаке живет чувство собственного достоинства, замечательное чувство равенства со всеми, кто честно работает на этой земле.

На старости лет задается Ислам-бабай непростыми «вечными» вопросами: «Зачем живет человек? Для себя или для других? Как всем хорошим людям породниться?»

Как жить по совести, чтобы не было стыдно ни перед собой, ни перед людьми? — думаем и мы, читатели.

Иван ЛАВРЕНТЬЕВ

КРИТИКА

Как говорить, зачем?

О социалистическом реализме и проблемах его развития написано и пишется множество статей, книг, исследований. Замечательной особенностью книги Евгения Зубаревой «Несущие тягу землю» («Детская литература») является то, что проблема соцреализма рассматривается

и в ней применительно к советской детской и юношеской литературе.

Пожалуй, первый и главный, стержневой вопрос книги — это вопрос об эстетическом идеале и воспитательной роли литературы. Книга должна учить жизни, воспитывать. Но как? С юными читателями можно и, видимо, нужно говорить обо всем. Суть лишь в том, как говорить и зачем. И тут на первый план выдвигается вопрос об идеальной и нравственно-эстетической позиции писателя. Ею диктуется и выбор тем для книг и подход к изображению тех или иных явлений действительной жизни.

Тема труда — основная, ведущая тема всей советской литературы. Как она раскрывается в книгах, адресованных юным читателям? «Для лучших произведений 70-х годов характерен проблемный подход к изображению труда», — констатирует Е. Зубарева. Этим, по мнению автора, обусловливаются возросшая публицистичность, документальность многих книг («Слово о Прасковье Малининой» Ю. Грибова, «Три жизни Николая Струкова» Л. Квина, «Человек и земля» В. Полторацкого и др.). Большое место в детской литературе всегда занимали произведения исторического плана — о Ленине и его соратниках, о революции, Великой Отечественной войне, о прошлом нашей Родины. В разделе, посвященном историческим книгам, рассматриваются произведения М. Прилежаевой и С. Алексеева, З. Воскресенской и М. Карима, «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской и «Повесть о сыне» Е. Кошевой и др. Особенная для детской литературы тема — тема природы. В ней «заключается масса возможностей для воспитания нравственности и добрых эмоций, для практической деятельности и для размышлений». Детская литература о природе, животном мире имеет замечательные традиции. Вспомним чудесные, проникнутые поэзией книги М. Пришвина, К. Паустовского, В. Бианки. И сегодня в лучших книжках (С. Сахарнова, Н. Сладкова, С. Баруздина, Г. Снегирева) природа «осердечена», мир ее суров, но не жесток.

Много различных аспектов, так или иначе связанных с детской литературой, затрагиваются в книге Е. Зубаревой, но о двух моментах, которым автор уделяет особое внимание, хочется сказать особо. Первое: очень точна, на мой взгляд, наименование тенденции, связанные с какими-то более общими закономерностями развития литературы — «В последние годы все более прочные позиции в детской и юношеской литературе завоевывает психология». А ведь издана существует мнение, что психологизм противопоказан книгам, предназначенным для детей... Разумеется, психологизм вовсе не противопоказан. Именно с этой точки зрения рассматривает Е. Зубарева творчество таких прозаиков, как А. Алексин, Н. Дубов, А. Рыбаков, Р. Погодин и др., в книгах которых на первом месте стоит исследование «диалектики души» юных героев.

К безусловным достоинствам книги Е. Зубаревой относится то, что написана она увлекательно, простым языком, доступным неискушенному в литературоведении читателю. Что же касается пожеланий, то хотелось бы о многих авторах и книгах прочитать побольше. И еще: в книге преобладают мажорные нотки, часто в ущерб критическому отношению автора к современным детским книгам и современным детским писателям. А ведь много еще легковесных, серых книг, ничего не дающих ни юному уму, ни юному сердцу.

Валерий ФАДЕЕВ

УЗОРЫ ПОЛХОВА-МАЙДАНА

«Кому тарарушки? Тарарушки» — зазывала румяная женщина в тулупе. Перед ней на прилавке лежали разрисованные красками деревянные копилки, коробки, матрешки и пистолеты. Несколько раз щелкнув курком и выстрелив пробкой из-под бутылки — она была привязана к рукоятке с цветочным орнаментом, я начал умолять купить мне игрушку.

Во дворе мои друзья завистливо смотрели на деревянное оружие, каждый хотел подержать его, пострелять. Я рассказал друзьям, что мне купили пистолет на рынке, и вскоре все мальчишки нашего двора были «вооружены».

Так впервые я познакомился с умелцами из Полхова-Майдана. Конечно, в ту пору я не подозревал, что есть на свете такая деревня, где режут из дерева все возможные вещи и расписывают их.

Бывшая Нижегородская губерния с давних пор славилась художественными ремеслами. В Полхове-Майдане тоже жили рукодельные люди — они делали поначалу некрашеную деревянную посуду. Возами отправляли ее на ярмарки.

Мастеровые всегда были смекалистыми людьми. Чтобы посуда пользовалась большим спросом, позже начали ее выжженным орнаментом украшать. Для этого стали заводить в Полхове-Майдане выжигательные аппараты, они работали с помощью бензина.

В 20-х годах по выжженным бороздам попробовали краску класть. Получилось неплохо. Но вскоре от этого метода отказались, стали украшать изделия только с помощью тонкой кисти — расписывать их.

Замерла зима дороги, запорошила леса, принарядила деревни. Все они очень красивы в эту пору. Но, пожалуй, на юге Горьковской области красоты лучше Полхова-Майдана не отыскать. Добротные дома разбежались во все стороны, поднялись на косогоры, спрятались в оврагах, выстроились на ровных местах. Дома как дома. Но похожих среди них нет. У каждого своя архитектура, своя раскраска. Окна смотрят на деревенскую улицу из обрамления резных наличников. Диву даешься, откуда столько фантазии у мастеров берется. А она у них неисчерпаема — заборы в деревне и те не похожи друг на друга.

Сейчас в этих местах создано художественное объединение «Полхов-майданская роспись». Его головное предприятие находится в райцентре — в Вознесенском.

Долг и не прост путь полхов-майданской «тарарушки». Сначала художники ее придумывают — рисуют карандашами, потом вырезают из дерева и расписывают. Ну а после того, как она «удалась» и одобрена художественным советом, начинаются тиражные выпуски.

Сухое дерево попадает на токарные станки, сырое для этого не годится — оно высыхает и трескается. Завивается, бежит из-под резца душистая стружка. Гладкие, струящиеся заготовки — вазы, подставки, ковши — ложатся на верстак у токарного станка. А он шумит и точит неутомимо целый день. Когда-то все это делали вручную, с помощью немудреных инстру-

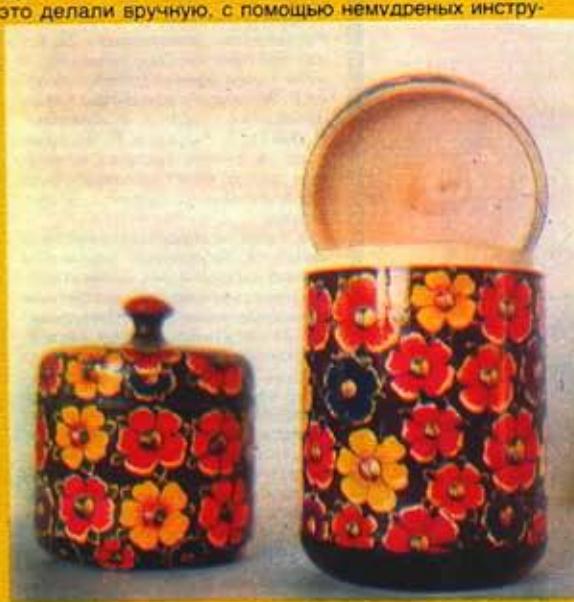

ВСЕ ИЗДЕЛИЯ
ПОЛХОВ-МАЙДАНСКИХ МАСТЕРОВ
ИМЕЮТ ПРИКЛАДНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.
РАДУЮТ ГЛАЗ, ВЕСЕЛЯТ ДУШУ
УЗОРЫ НА ДЕРЕВЕ.

ментов — пил, стамесок, ножей, полировочных шкурок.

Потом заготовки попадают к грунтовщикам. Они их делают белоснежными. По всей внешней стороне грунт кладут. Ни один миллиметр дерева нельзя пропустить, краски без него будут плохо ложиться, не «загорятся» тогда они.

Сухие, загрунтованные заготовки приходят к мастерам-раскрасчикам. Они-то и должны оживлять их полхов-майданской росписью. Ее не спутаешь ни с одной из известных школ этого традиционного в России вида искусства. Свой стиль у нее — графиче-

ПОЛХОВ-МАЙДАНСКУЮ РОСПИСЬ НЕ СПУТАШЬ НИ С ОДНОЙ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ШКОЛ ЭТОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА.

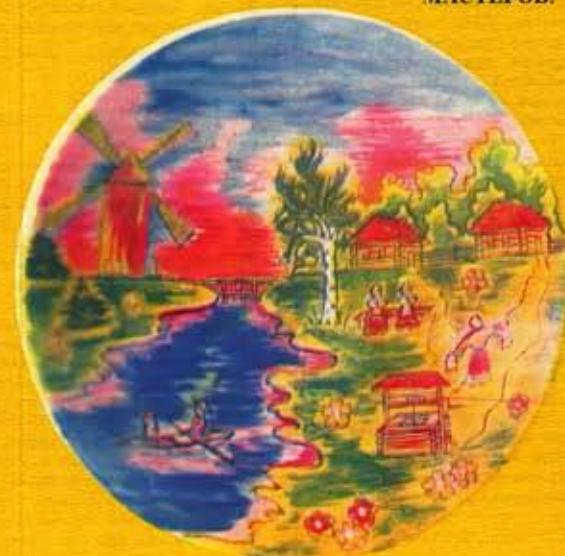
ский, свои краски — их берется немного, и обязательно для каждого изделия орнамент, куда непременно вплетаются яркие цветы и сочные листья.

Затвердела как следует краска, и все коробочки, матрешки, пистолеты, грибы, ковши, вазы отправились в лакировочную баню. Оттуда они выходят яркими, расфранченными, пахнущими деревом, лаком, красками.

Все изделия полхов-майданских мастеров имеют прикладное назначение. Для иголок, ниток, штопки — грибы, солонки на любой праздничный стол можно ставить, своим нарядом они его только украсят, вазы — для карандашей, разделочные доски — сами за себя говорят.

Горят на полхов-майданских «тарарушках» яркие узоры, идет слава об их создателях по земле.

ТОНКИМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ВКУСОМ
ОТЛИЧАЮТСЯ РАБОТЫ
МАСТЕРОВ.

ШЕСТЬ ПОБЕДНЫХ ПАРТИЙ

Блестящее достижение молодого нашего гроссмейстера Анатолия Карпова в матче на первенство мира, который состоялся в итальянском городе Мерано, надолго сохранится в памяти миллионов почитателей шахматного искусства.

Вниманию читателей «Смены» предлагаются запоминающиеся фрагменты шести победных поединков минувшего соревнования:

К этому положению пришла после 24-го хода белых первая партия матча в Мерано.

Неожиданный пешечный прорыв в центре, осуществленный Карповым, игравшим черными, быстро скрутился, казалось бы, сверхпрочную, отмобилизованную неприятельскую армию.

24. ... d5—d4!! 25. Kc3—e2.

Не вызывает у белых положительных эмоций вариант 25. ed Cf6 26. Kc2 Cf3 27. gf cd, ибо белые оставались без фигуры.

25. ... d4—a3 26. f2—e3 c5—c4! 27. Ke2—d4 Fb6—c7 28. Kf3—h4 Fc7—e5 29. Kpg1—h1 Kpg7—g8 30. Kd4—f3 Fb5—g3 31. Ld2—d8—C7:d8 32. Fa4—b4 Cb7—e4!

Черные нагнетают давление на позицию партнера с подкапающей энергией и точностью.

33. Cb1—e4 Kf6—e4 34. Ld1—d4 Ke2—f2 35. Kph1—g1 Kpg7—g8 36. Fb4—b7 Lc8—b8 37. Fb7—d7 Cd8—c7 38. Kpg1—h1 Lb8—b2 39. Ld4—d3 c4—d3 40. Fd7—d3 Fg3—d6 41. Fd3—e4 Fd6—d1—42. Kf3—g1 Fd1—d6 43. Kh4—f3 Lb2—b5!, и белые сдались. Счет открыт 1:0!

Здесь перед вами позиция, сложившаяся после 34-го хода черных во второй партии матча. У Карпова на сей раз белые фигуры.

Несложной, но изящной комбинацией белые завоевывают пешку, а затем неспешным, но целесообразным маневрированием развивают инициативу.

35. La5:a7! Fd7—d5 36. La7—a5 Fd5—d7 37. La5—a7 Fd7—d5 38. La7—a5 Fd5—d7 39. Fe1—e4 Ce8—f7 40. Fe4—f5 Lc8—e8 41. Kpg1—h2 Fd7—b7 42. a2—a3 Le8—d8 43. h3—h4 h6—h5 44. Kd3—f2!

Искусное лавирование конем позволяет белым скорее достичь желанной цели.

44. ... Fb7—d7 45. La5—a6 Fd7—e6 46. Ff5—a5 Cf7—g6 47. Kf2—d3 Kpg8—h7 48. Fa5—b6 Ld8—c8 49. a3—a4!

Неудержимый марш этого «пехотинца» решает судьбу схватки.

49. ... Cf6—f5 50. a4—a5 c6—c5

51. b4:c5 Cf5:d3 52. c2:d3 Ke6:c5

53. La6—a7 Fb8—g6 54. La7—c7!

Lc8:c7 55. Cg3—c7 Kc5:d3 56.

Fb6:d4 Kd3—e5 57. Cc7:e5, и черные сдались. Счет стал 2:0!

Перед вами ситуация, возникшая после 35-го хода черных в четвертой партии матча, где Карпов играл белыми.

Материальное равенство, сил на поле «боя» у противников осталось сравнительно мало, и поэтому успех Карпова в данной встрече

че свидетельствует о его подлинно виртуозной технике.

36. Ff3—e3! Ke7—g6.

Оказывается, что ладейное окончание в случае 36... fg 37. Fe7+ Ff7 38. L:e7—Kpb6 39. Lc7 dc 40. L:c6—Kpf5 41. bc Ld8 42. d5 b5 43. cb L:d5 44. b6 Lb5 45. a4 Lb1+ 46. Kpg2 начисто проиграно черными.

37. c4—c5! Fd6—d8 38. Kg4—e5 b6:c5 39. Ke5:c6 Fd8—f6 40. Ff3—e6! c5:d4?

Решающий промах, дающий в руки чемпиона мира грозную атаку на короля, лишенного пешечного прикрытия. Упорное сопротивление можно было разменом ферзей 40... Ff6 41. L:e6 c4 42. bc dc и т. д., хотя шансы черных на спасение были бы мизерными.

41. Ff6:d5 d4—d3 42. Fd5—d7+Ff6—f7 43. Kc6—e7! Kpg7—h7.

Занятный матовый вариант с жертвой коня остался «за бортом»— 43... d2 44. K:f5+ Kpf6 45. Fd4+! Kpf5 46. g4×.

44. Kpg1—g2 Lh8—e8 45. Le1—h1—Kg6—h4+ 46. g3:h4

Ff7—e7 47. Ff7:f5+ Kph7—g7 48. h4:g5 Ff7—e7— 49. f2—f3

Le8—e2+ 50. Kpg7—f1 Kpg7—g8 51. Ff5:d3 Lc2—e6 52. Fd3—d8+ Kpg8—g7 53. Fd8—d4+, и черные сложили «оружие». Счет стал 3:0.

На четвертой диаграмме отображена позиция, случившаяся после 29-го хода белых в девятой партии матча.

И тут паритет в материале временно обеспечивает равенство возможностей. На деле же у черных несомненный перевес в расположении тяжелых фигур. От размена ферзей Карпов, естественно, отказывается, так как это облегчало задачу белых.

29. ... Fc6—d7! 30. f2—f4

b7—b6! 31. Lb3—b4 b6—b5 32. a2—a4 b5:a4 33. Fc3—a3 a7—a5 34. Lb4:a4 Fd7—b5! 35. Ld1—d2 e6—e5!

Пешечный прорыв в центре способствует вскрытию линий и вторжению черной ладьи в неприятельский тыл.

36. f4—e5 Ld5:e5 37. Fa3—a1 Fb5—e8! 38. d4:e5 Ld8:d2 39. La4:a5 Ff8—c6 40. La5—a8+ Kpg8—h7 41. Fa1—b1—g7—g6 42. Fb1—f1 Fc6—c5+ 43. Kpg1—h1 Fc5—d5+ 1, и белые сдались перед лицом неожиданного выбора— получить мат или потерять ферзя. Счет стал 4:1!

Великолепной комбинационной идеей блеснул Карпов, играя белыми в четырнадцатой партии матча. Вы видите положение фигур, создавшееся после 16-го хода черных.

Жертвой коня, которую соперник побоялся принять, белые начинают опасливую атаку.

17. Ke4—f6+! Ce7:f6 18. e5:f6 Ff8—c8 19. f6:g7 Lf8—d8 20. h2—h4!

Стремительный марш крайней фланговой пешки сыграет важную роль в развитии инициативы чемпиона мира.

20. ... c7—c5 21. La1—c1 Fc8—c7 22. h4—h5 Fc7—e5 23. h5—h6! Ff5:b2 24. Ld1—d7! Ld8:d7 25. Ff3:a8+ Ld7—d8 26. Fa8:a6 Fb2—e2 27. Lc1—f1 Ld8—d1 28. Fa6—c8+ Ld1—d8 29. Fc8—c6 b5—b4 30. Fc6—a4 Fd2—d3 31. Lf1—c1 Fd3—d5 32. Fa4—b3 Fd5—e4 33. Fb3—c2! Fc4:c2 34. Lc1:c2.

Борьба перешла в русло выгодного для белых эндшпилля. Технические, глубоко продуманные действия Карпова быстро приводят его к выигрышу слона.

34. ... f7—f5 35. f2—f4! Kpg8—f7 36. g2—g4! Ld8—d5 37. g4:f5 Ld5:f5 38. Lc2—d2 Lf5—f6 39. Ld2—d7+ Kpf7—g8 40. f4—f5! Lf6:f5 41. Ld7—e7! Ke6:g7 42. Lc7:g7+, и через несколько ходов черные сдались. Счет стал 5:2!

Заключительным аккордом произвела восемнадцатая партия, принесла Карпову убедительную победу в матче с общим счетом 6:2!

На шестой диаграмме—позиция, к которой гроссмейстеры пришли после 18-го хода черных. Карпов (у него были белые фигуры) вторгся ладьей в лагерь противника и энергичным продвижением пешек на обоих флангах захватил силы партнера.

19. Ld1—d7! Ce7—f8 20. f4—f5! Ke6—d8 21. a4—a5! Kd8—c6 22. Ff5—e6 f7—f6 23. f5—f6!

Глубокий замысел: жертвуя пешку, белые добиваются долговременной инициативы, что и в эндшпиле чрезвычайно ценно.

23. ... Kc6—e5 24. Ld7:c7 Lb8—c8 25. La1—c1 Lc8:c7 26. Lc1:c7 Ld8—d2 27. h2—h3 h7—h6 28. Lc7—a7 Ke5—c4 29. Ce3—b6 Ld8—b6 30. Cb6—c5 Cf8:c5+ 31. Ke4:c5 g7:f6 32. b2—b4 Lb8—d8 33. La7:a6.

Белые начинают плоды своей дальновидной стратегии. Сперва они отыгрывают пешку, затем у них появляется лишняя пешка, а вследствие неизбежной утраты второй черные прекратили борьбу.

33. ... Kpg8—f7 34. Ld8—e7+ Kpf7—g6 35. La7—d7! Ld8—e8 36. a5—ab Lb8—a8 37. Ld7—b7 Kpg6—f5 38. Lb7:b5 Kpf5—e5 39. Kb5—b7 Kpe5—d5 40. Lb7—f7 f6—f5 41. Lf7—f6!, и черные пошли на капитуляцию.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

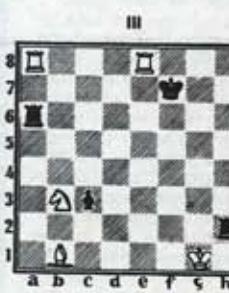
Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл)

Ход черных. Каким путем они добиваются победы? (1 балл)

Черные начинают и делают ничью (2 балла).

IV

1. e4 Kf6 2. Kc3 e5 3. f4 d5. Как именуется в теории шахматных дебютов это начало? (1 балл)

Ответ на каждое из четырех заданий указывается на отдельной открытке. Решение сопровождается основными вариантами в сокращенной нотации, словесные примечания опускаются. Напоминаем, что при обнаружении побочных решений, нерешаемости и т. п. участнику засчитывается оценка, обусловленная для правильного ответа.

На лицевой стороне открытки слева вверху ставится пометка «24-я шахматная олимпиада «Смены», тур третий», а на обороте (над ответом) вверху справа указывается регистрационный номер участника этого заочного читательского соревнования.

Письма на третий тур отсылаются в адрес редакции не позднее 30 апреля сего года.

ЧТО У ВАС?

ВСТРЕЧА
С ЧИТАТЕЛЯМИ

Бригада — бригадам

Наш город — морские ворота Донбасса, город металлургов, строителей, город-здравница. В городе стоячный отряд комсомольцев. Немало среди них читателей «Смены». Поэтому с большим интересом проходили встречи с творческой бригадой журнала. Они состоялись на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — стане «3000», в производственном объединении «Ждановтяжмаш», на металлургическом заводе имени Ильича, в школе. На встречах звучали стихи, песни, шел деловой разговор о техническом творчестве молодежи, о проблемах воспитания юношей и девушек, о музыке и поэзии. Состоялось девять встреч. В них приняло участие более полутора тысяч молодых горожан.

Устный выпуск журнала стал также очной читательской летучкой.

Молодые ждановцы благодарят писателей Ираиду Потехину, Сергея Дика, Виктора Смирнова-Фролова, композитора Бориса Ривчуна и лауреата премии Ленинского комсомола в области науки и техники Александра Дмитриева, принявших активное участие в этих встречах.

Виктор РЕВЯКИН

НА ДВА СЛОВА!

Под этой рубрикой мы будем печатать строки из ваших писем, содержащие информацию, представляющую, на наш взгляд, интерес для многих. И просим: не стесняйтесь столь малого объема, и в двух словах можно сообщить многое. Вот, например...

...больше половины жизни посвятил военнослужащий Владимир Понеконов конхиозамник — собирание раковин. В его собрании редчайшие экземпляры из семейства трохусов, мурексов, назулии. Он понимает, сколько новых сведений может дать ученым маленькая ракушка моллюска, жившего миллионы лет назад.

Роман НЕБЕЛЮК.
Хабаровский край

Театр в походе

Наш коллектив называется молодежный эстрадный театр «Диагог». Существует, а точнее, активно действует с 1 апреля 1976 года. Таким образом, нашему существованию при Мурманском дворце культуры и техники имени Кирова скоро шесть лет.

За это время создано семь спектаклей, дано более трехсот выступлений, мы принимали участие в десяти радио- и телевизионных передачах. Двенадцать раз выезжали на Всесоюзные ударные комсомольские стройки Заполярья, по путевке ЦК ВЛКСМ — на гастроли в Калининградскую область...

Почти все участники нашего театра имеют отношение к морю. Николай Охотин — курсант, Нелли Белкина — жена моряка, Екатерина Кузнецова — мать рыбака, Евгений Серков и Юрий Меркулов — портовые рабочие, Павел Ломакин — электрик атомного ледокола «Сибирь».

Коллективу помогают (советом и делом) Лар Герелик, Евгений Винокур, Михаил Мишин, Герман Орлов, Сергей Юрский, Ратмир Тумановский, Леонид Ленч, Ленинградский театр миниатюр под руководством Аркадия Исааковича

Игорь КАЛИНИН,
художественный
руководитель театра

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

Махом — лет!

Это произошло наконец в маленьком дворике, недалеко от Московского авиационного института, на Волоколамском шоссе.

«Ну что ж, — сказал руководитель группы машущего полета, доцент МАИ Валентин Афанасьевич Киселев, — начнем, пожалуй!»

До этого момента о машущем полете известны были лишь прекрасные легенды и непроверенные слухи о многих попытках смельчаков конструкторов заставить аппарат тяжелее воздуха летать, как птица, махая крыльями. Несколько лет назад недалеко от города Егорьевска Московской области я присутствовал на испытаниях одной такой модели. Самодельный конструктор прежде сам попытался подняться в воздух с высокого забора, но попытка эта окончилась так же, как и много веков назад полет крестьянина Крякунтого. Тогда егорьевский конструктор применил в своей модели механический двигатель, но и в этом варианте, к сожалению, она не оторвалась от земли.

Ни одна из известных энциклопедий не знает такого слова: «махолет». А он полетел. В электродвигатель дали ток. «Прибор» побежал, побежал, махая крыльями, а затем так и взлетел — махая... С землей его связывал лишь провод электропривода.

Группа машущего полета, создатели этой первой удачной модели, студенты-дипломники МАИ Святослав Лунин, Сергей Кобылин, Александр Владимиров и инженеры-конструкторы Михаил Харитонов и Анатолий Вилесов абсолютно уверены в том, что их аппарат полетит и в свободном полете, без электроиниции, который на испытаниях заодно выполнил и роль корда. Сейчас было важно сохранить и саму конструкцию — тонкие рейки, лавсановая пленка на крыльях, кривошипно-шатунный механизм, очень похожий на систему паровозного колеса — от непредвиденных поломок.

Недавний предмет технической экзотики влетел в историю создания летательных аппаратов со скоростью 35 километров в час, частотой маха 1,5 в секунду, сделав пять кругов.

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

ЛЕДЯНОЙ ДОК

Каждый пятый житель Дудинки работает в порту. Больше двух тысяч раз ежегодно штурманы грузовых судов прокладывают курс в эту точку. Порт в устье Енисея — один из пяти крупнейших морских причалов страны. Зная крутое нрав великой реки, капитаны океанских грузовиков редко подходят к причалам сами. Их ведут за собой буксиры порта. Без «тюлькиного флота» в порту не обойтись.

А флоту нужен ремонт, в том числе и капитальный. Тот, который делается только в хороших доках.

Выход напрашивался один — каждый раз вести на ремонт буксиры за три тысячи километров в порт Мурманск. Однако портовики Дудинки нашли второй выход. Вместо дока здесь работает Дед Мороз.

Отныне мы будем знакомить читателей с некоторыми событиями, происходившими в стране полвека назад и нашедшими свое отражение на страницах нашего журнала.

Итак, год 1932-й, последний год 1-й пятилетки, «Смена» № 3, 4.

БРОНЯ КРЕПКА...

Третья-четвертая книжка журнала открылась лозунгом: «МЕХАНИЗАЦИЯ И МОТОРИЗАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ — ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СТРАНЫ СОВЕТОВ. КОМСОМОЛЕЦ — К МОТОРУ!».

1932 год. Завершено построение фундамента социализма в СССР. И то, что создано народом, должно быть надежно защищено.

...По-прежнему в стране оставалась легендарная «Аврора» — учебный корабль Ленинского комсомола. Четыре страницы журнала отданы истории и тогдашнему «сегодняшнему» дню краснознаменного крейсера. Вот несколько подписей к снимкам фотопортретах с борта корабля: «УЧЕБА СТРЕЛЬБЕ ИЗ ОРУДИЙ: У ПРИЦЕЛА АЭРОПУШКИ. УТРЕННЯЯ ПОЛИЗАРДАКА: ПРОРАБАТЫВАЮТ ПЕРЕДОВИЦУ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ». КОМСОМОЛЕЦ РЕДЬКИН ЗАКАЧИВАЕТ КУРС НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПО РАДИО. АВРОРЫ У ШЕФОВ. АВРОРЫ ЗА ИЗУЧЕНИЕМ МАНОМЕТРА...».

Первая половина журнальной книжки — о броне государства. А за броней — жизни.

«КОМСОМОЛЬСКИЕ СИЛЫ — НА ТРАНСПОРТ» — звучит призыв. «БОРЬБА С ОБЕЗЛИЧКОЙ И УРАВНИЛОВКОЙ» — ВОТ ЗА ЧТО ДЕРЕТСЯ КОМСОМОЛ НА ТРАНСПОРТЕ, ВЫВОДЯ ЕГО ИЗ «УЗКОГО МЕСТА» НАШЕГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА». В депо Октябрьской железной дороги осваивали мощные паровозы, прибывшие из-за океана. Однако, подчеркивал журнал, «привезти из-за границы хотя бы и самые мощные машины — это не значит еще полностью «овладеть техникой» этих машин. Научиться строить... машины на советских заводах — вот ближайшая задача». И учились, и строили.

«8—10 месяцев — вот нормальные сроки постройки... паровозов на заводах Америки», — сообщает «Смена». «100 дней — вот в какой срок был построен мощный красавец «ФД» на Луганском заводе».

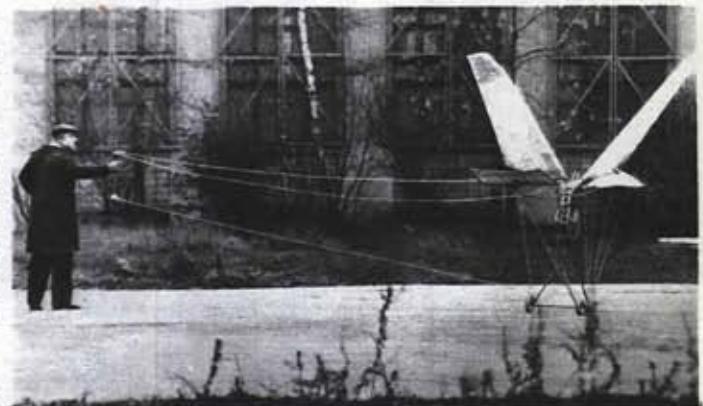
...«Открылись первые звуковые кинотеатры. Кино получило голос». Советские томфильмы двинулись на экран».

...Комсомол ставит вопрос ребром: как дружно и культурно жить в коммунальных квартирах, ибо «если квартира — ад, так ведь это же камень в колесо социалистической перестройки».

...«Ударник воздуха» летчик Водопьянов — тогда еще не Герой Советского Союза — летает над Сахалином. С риском для жизни везет за 350 километров партию сапог, крайне необходимых геологам к началу полевого сезона.

...Продолжается и «хват карского севера» — готовится знаменитый сквозной рейс парохода «Челюскин»...

Броня крепка — полдела. Был бы крепок дух. А дух был крепок.

Поздней осенью, на пороге ледостава, караваны судов вспомогательного флота, которым требуется ремонт, выстраиваются в устье реки Дудинки, впадающей в Енисей тут же, возле морских причалов. Руководителям порта уже известно, что, на чем и как будет ремонтироваться. Осталось дождаться мороза.

Причем, чтобы было не меньше двадцати градусов. Тогда и начи-

нается выморозка судов. Специальные бригады рисуют на льду будущую «постройку наоборот». Затем кирками начинают выбивать ступенеки, спускаясь все ниже и ниже вдоль борта судна...

Когда до воды остается сантиметров двадцать, бригады уходят из-под судна. Работать остается мороз. Когда же мороз нарастит слой свежего льда, тогда опять принимаются за дело бригады вымороznиков. Семь расположенных амфитеатром (для крепости конструкции) ступенек потребовалось соорудить однажды, чтобы выпасть помятую обшивку буksира «Металлург». А чтобы добраться до поврежденного донного кингстона буksира «40 лет Таймыру», вымороznикам потребовалось однажды углубиться не только на полтора метра под дно судна, но и вырубить там, под дном, полутораметровой высоты каморку — для удобства работы сварщиков.

Василий ВОЛКОВ.
Фото автора

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Я слышал, что наши альпинисты собираются в этом году совершить восхождение на Джомолунгму. Пожалуйста, расскажите о том, каким образом фильмов об этом? И вообще у нас тут много спорят, что считать истинным путешествием в наш век автотранспорта, самолетов и т. д. Хотелось бы спросить об этом товарища Сенкевича.

Олег БАРЫШЕВ,
Пермская область

ВОСХОДЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ АЛЬПИНИСТОВ НА ВЫСОЧАЙШУЮ ВЕРШИНУ МИРА — ДЖОМОЛУНГМУ...

...самое главное путешествие из тех, что состоятся в этом году в нашей стране, — считает ведущий телеклуба кинопутешествий Юрий Александрович СЕНКЕВИЧ.

— Но прежде назовите, пожалуйста, самое крупное, на ваш взгляд, путешествие, которое состоялось в году уже ушедшем.

— Полет через Тихий океан на воздушном шаре.

На воздушных шарах летали — и над сушей и над морем, но такое путешествие задумано и осуществлено впервые. Что еще раз доказывает: нет пределов для человека, желающего — поколение за поколением — самоутвердиться у себя дома, на родной планете. Той же цели, кстати, служит и планируемое восхождение советских спортсменов в Гималаиах. Ведь выбрав один из самых трудных маршрутов, по которым когда-либо поднимались на Джомолунгму.

ЗАМЕТКА ФЕНОЛОГА

А СУГРОБЫ ВСЕ ВЫШЕ...

...Еще держит силу зима. То морозов наслепт, то метелей. Вестимо: февраль недаром лютым прозывают. Последняя опора зимы, ее девятый вал. Пуховитого снегу сейчас на среднерусских полях столько, что без лыж тонешь по самый пояс. Снежные зимы щедрые — к большому разливу вешних вод, к урожаю.

Февральское солнце. Порой его бывает так много, что окрестности как бы залиты ярчайшим светом. Не зря эту пору величают еще и преддверием весны света. Февраль обладает шестьюдесятью часами прямого солнечного сияния — вдвое больше того, что достается его предшественнику — январю. Но зимнее солнце морозно — блещет, а не грее. Прият тепла совсем ничтожен. Правда, птицы рады и такой ничтожной теплице. Рассадятся повыше на деревьях, подставив лучам бока и спины. Галки, голуби, воробы, а в лесах тетерева и глухари — все они любят побывать на первом солнечном сугреве.

Осторожен и сметлив ворон: среди пешеходов он легко замечает охотников. И, конечно, не подпустит к себе на возможный случайный выстрел. В небе же легко поддается дрессировке и способен заучивать целые фразы.

На воле у нас встречается два ворона — лесной и полевой. Лесной ворон побольше, и хвост у него покруглее; полевой чуть крупнее грача, хвост обрублен прямо. «Крук-крук» — доносятся из поднебесья крики этих птиц. Стало быть, начались весенние игры. Ворон попусту не каркнет.

...А сугробы все выше.

Александр СТРИЖЕВ

Справка «Смены». Первый в истории полет через Тихий океан совершился на взлете из «Дабл игл 5» экипажем в составе трех американцев и одного японца. За три с половиной дня они преодолели более девяти тысяч километров от Японии до калифорнийского побережья Америки.

Отважные воздухоплаватели планировали пересечь и американский континент и Атлантику, имея конечным пунктом маршрута Центральную Европу, однако ураганные ветры, ливни и снегопады, а также утечка гелия из аэростата не позволили в полной мере исполнить задуманное.

— Пожалуйста, расскажите о вашем личном — самом главном путешествии, которое вы намереваетесь совершить в этом году.

— Конечно, это будет поездка в Непал, к базовому лагерю советских альпинистов. Еду я и как представитель своего Института медико-биологических проблем Минздрава СССР, в котором проводится большая работа по части медицинского обслуживания экспедиции, и как ведущий телевизионного «Клуба кинопутешествий».

Справка «Смены». Весной этого года сборная команда СССР по альпинизму впервые будет штурмовать высочайшую вершину планеты. Высота ее — 8 тысяч 848 метров. В переводе с тибетского Джомолунгма — это «гора, такая высокая, что через нее ни одна птица не может перелететь». Начальник экспедиции — мастер спорта, заведующий сектором Физического института АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор Евгений Тамм. На штурм пойдут три группы — 15 человек. Триста пятьдесят носильщиков-шерпов понесут груз экспедиции — восемь — десять тонн — до высоты 5340 метров, и здесь будет разбит базовый лагерь. На пути к вершине предполагается разбить еще четыре промежуточных лагеря.

Снаряжение экспедиции тщательно испытывалось в горах Памира, спецподготовку проходили и сами участники. Палатки, в которых они будут жить в Гималаях, впервые продувались в аэродинамической трубе в ЦАГИ, а самих участников поднимали в барокамере до высоты Джомолунгмы.

— Юрий Александрович, на-

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Вы приступаете к работе...

Уважаемая редакция «Смены»!

Комиссия по распределению молодых специалистов направляет меня и моего товарища на предприятие, расположенные в разных уголках нашей страны: в Хабаровском крае и в Черниговской области. Нам сказали, что размер пособия, выплачиваемого в связи с переездом, существенно различается. Так ли это? Если можно, расскажите подробнее о компенсациях при переезде на работу в другую местность.

Е. КОПЫТИН,
Москва

НА ВОПРОС ЧИТАТЕЛЯ ОТВЕЧАЕТ СТАРШИЙ ЮРИСКОНСУЛЬТ ЮРИДИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГОСКОМТРУДА СССР АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ.

...НА ДВА СЛОВА

...Первый и пока единственный в стране памятник древнейшему в истории русской культуры поэту и музыканту Бонину был открыт в древнем русском городе Трубчевске. В прекрасном парке под старыми липами сидят на бетонном постаменте бронзовые «словен старого времени», возложив свои «вещи нерты» на «живые струны» гусей. Отлит памятник ленинградским литейщиками. Его автор — брянский скульптор А. Кобылин.

Виктор ЕПИФАНЦЕВ,
Брянск

зовите, пожалуйста, наиболее интересное телепутешествие, которое клуб предложит в этом году постоянным участникам своих «экспедиций».

— Сейчас идет разработка «горной» темы. Мы покажем несколько фильмов о покорении ряда вершин в Гималаях. И надеемся завершить эту серию фильмом о взятии Джомолунгмы.

Параллельно идет разработка специальной программы и, так сказать, «на уровне моря» — о парусе, его прошлом, настоящем и, конечно, будущем. В основе передачи — поход на барке «Седов».

Борис ПЕТРОВ

Фото Владимира МАШАТИНА

НА ДВА СЛОВА

У нас открылся новый современный драмтеатр. Его зрительный зал рассчитан на семьсот пятьдесят мест. Это красивое здание расположено на площади Ленина.

Станислав КОЦ,
Семипалатинск

ИЗ ВАШЕГО АРХИВА

История старой фотографии

Этот снимок хранится у меня уже более тридцати лет, и кто его мне подарил — не помню.

Но как-то раз я показал этот снимок свердловскому прозаику Юрию Казановичу и записал его комментарий:

— Это было в 1948 году. Все-волод Иванов совершил в то время поездку по уральским и сибирским местам, связанным с его юностью. Однажды его вместе с автором уральских сказов П. П. Бажовым пригласили к себе работники Свердловской кинохроники. В гости пришли Ольга Маркова, Борис Рябинин, Леонид Шкаро и другие молодые тогда уральские писатели. Беседу двух мастеров пера с уральцами снимали для небольшого очерка в кинокурнале. А кто-то из ассистентов «лейкой» сфотографировал всю группу. Так и появилась на свет эта фотография.

Растет и расширяется Свердловск. Нет уже и здания кинохроники, на этом месте выросла гостиница «Юбилейная». И самой кинохроники нет. А существует Свердловская киностудия, где создаются художественные, научно-популярные и документальные фильмы.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

На снимке: Всеволод Иванов и Павел Бажов

построили для детей игрушечную крепость.

Получился, на мой взгляд, тонкий, приятный синтез времен, который радует глаз и греет душу. Правда, студенты пришли сюда не сами. Их привлекли испробовать свои творческие силы директор Дворца пионеров Ольга Михайлова Раделицкая при полной поддержке районной депутатской группы. Дело в том, что тут в одном из подвалов разместился клуб юных моряков «Парус». А морякам, как можно догадаться, трудно жить без моря даже в стационарных дворах сухопутного Львова.

Александра НАБАТОВА

АЧТО У ВАС?

ТРИ ВЕРСИИ

ПОВЕСТЬ

18 мая 1978 г., четверг, 12 часов 25 минут

В прокуратуру я возвращался на автобусе. Он был старенький, изношенный, то и дело его подбрасывало, и тогда меня притискивало к плотному мужчине, который неодобрительно морщился, но молчал. Ничего не поделаешь, придется и мне и ему потерпеть. Когда едешь в таком автобусе, лучше всего думать о чем-нибудь: не столь заметен в этом случае «комфорт». Мне было о чём подумать. Что же удалось узнать за то время, что идет расследование? Есть ли какое-нибудь движение вперед? Меня все больше интересует фигура самого Никиты Гладышева. И Николая Терехова. Особенно после встречи с Ромашиной и Михаилом Тороповым. По словам Елизаветы Павловны, Никита был личноностью в классе, притягивающей к себе остальных ребят. Лидер класса. Так сказать, интеллектуальный лидер. И был другой ученик, тоже претендующий на лидерство, Николай Терехов.

Николай Терехов. По определению директора Румянцева, «шпионский». Мнение Ромашиной: «сорвиголова». «С хвостом» парнишка. Три привода в милицию имеет. Состоит на учете в ИДН... —принесли информацию лейтенант Самсонов. «Он здоровый очень», — сказал о нем Торопов. — Железки всякие поднимает, перед девчонками фасонит. И еще психованый какой-то».

Так-так... Поставим этих двух подростков рядом, сопоставим. Никита — отличник, художник, общественник. Нужно ему было утверждать себя в глазах соучеников? Пожалуй, нет. Все, что он умел, чему научился, чем обладал, утверждал его.

Николай слабо успевает в учебе, никакими художественными талантами не блещет, в смысле «интеллекта» тоже ничего выдающегося. Но к лидерству он стремится, следовательно, не лишен честолюбия. Для него спорт, усиленные занятия «с железками» — путь к самоутверждению, а через него — к утверждению в классе. По принципу: пусть не уважают, но пусть боятся!

Два таких антипода в одном классе — Никита Гладышев и Николай Терехов — рано или поздно не могут между собой не столкнуться. К личной неприязни и озлобленности — брошен отцом! — может еще добавиться откровенная ненависть матери к отцу Никиты, потому что она убеждена: муж не ушел бы из семьи, если бы вмешался, помог Федор Борисович Гладышев.

Юношеская ожесточенность остра, непримирима.

Да, могло между Николаем и Никитой произойти столкновение. Оно и произошло, когда Никита вступил за Мишу Торопова...

А для чего я все это раскладываю по полочкам? Понятно, для чего: чтобы выстроить версию, по которой Николай Терехов был непосредственно замешан в смерти Никиты Гладышева.

А где факты? Нет их у меня. Во всяком случае, пока инспектор уголовного розыска лейтенант Самсонов не сообщит, что он выяснил по поводу Егора Горохова и Павла Злобченко, с кем приятельствовал Николай Терехов и с кем вместе был задержан во время драки на стадионе «Буревестник». Игорь Демьянович обязан непременно узнать, что делали Горохов и Злобченко 14 мая вечером, где и как они провели вечер. А я постараюсь выяснить, что делал в этот вечер Николай Терехов. До тех пор, пока я не узнаю всего этого, моя версия построена на песке.

Идем дальше. Семья Никиты Гладышева. О матери ничего не знаю, кроме того, что она сама сказала об отношениях с сыном: «Он никогда ничего от меня не скрывал...» Матери всегда может казаться, что ее ребенок с ней откровенен, а на поверку часто оказывается, что это далеко не так. — Никита вообще не любил о своих делах рассказывать, — заметил Миша Торопов. А ведь с друзьями бывают более разговорчивыми и откровенными.

В моем распоряжении еще два факта, свидетельствующие о том, что Никита не столь уж и откровенным был с матерью. При нем нахаживали чьи-то очки и крупную сумму денег. Екатерина Ивановна ничего не смогла сказать по их поводу, объяснить их происхождение. Следовательно, не знала?

В воскресенье, 14 мая, в гостях у подруги, Екатерина Ивановна дважды звонила домой, разговаривала с Никитой, а он ей ни словом не обмолвился, что собирается куда-то уходить. То есть в его планы не входило посвящать мать, что он собирается на разрушенный причал? Допустим, не сказал, потому что не хотел ее волновать. Но меня сейчас этот эпизод занимает лишь с той точки зрения, что не права была Екатерина Ивановна, уверяя, будто сын никогда ничего не скрывал от нее!

Что за человек она — Екатерина Ивановна Гладышева?

Терехова анонимно позвонила и сказала ей, что у Федора Борисовича роман с секретаршей Ниной Доценко. И как отреагировала Екатерина Ивановна? Она ответила: «Меня подобные сплетни не интересуют! И не захотела больше продолжать разговор. На этот факт можно посмотреть двояко. С одной стороны, она любит своего мужа, верит в его чистоту и порядочность и поэтому пресекает малейшие попытки опровергнуть его. Хотел бы я знать, рассказала ли она Федору Борисовичу об этом телефонном разговоре?

Но, с другой стороны, если права Терехова и Федор Борисович в самом деле изменял жене, о чем та догадывалась или даже знала, то поведение Екатерины Ивановны может быть расценено иначе. Она, зачеркнув для себя в душе этого человека, могла просто сохранять видимость нормальных отношений в семье. И тогда вовсе не было «прекрасной семьи» Гладышевых, как считает директор Румянцев. Да и Федор Борисович вряд ли в этом случае «милейший человек». Наконец, Никита действительно мог быть свидетелем семейных ссор, виновником которых становился его отец.

Зато Михаил Торопов уверен, что Никита «жил дружно» со своим отцом, с нетерпением ждал, когда тот вернется из Москвы.

Много противоречий, много... Однако прежде всего надо попытаться выяснить, верно ли, что у Федора Борисовича была другая семья, проживающая ныне в Кудринске, жена и dochь?

Что еще? Отношения Никиты Гладышева и Ромашиной. Почему у него резко изменилось отношение к Елизавете Павловне, почему он внезапно чуть ли не мстить стал ей? За что, в чем причина? Имеет ли она хоть какое-то отношение к случившемуся с ним? Не из-за четверки же, в самом-то деле, изменились их отношения, как полагает Миша Торопов!

Заколдованный круг! А в конце концов все может оказаться прозаически простым, как чаще всего и бывает. Но в этой простоте развязки заключена вся сложность. Истина ищется в одном месте, а она порой прячется совсем в другом.

Следствие — это всегда беспощадный поединок, бескомпромиссный. С самим собой. С другими. С истиной, наконец, которая, как капризная женщина, хочет, чтобы ее завоевывали постепенно, чтобы она могла вдоволь насладиться своим поражением.

И все же... И все же я могу быть доволен: кое-что серьезное мне удалось узнать. От Михаила Торопова. Он сказал, что у Никиты Гладышева две недели назад испортилось настроение.

Это уже не абстракция, а конкретность, ибо появляется возможность сужить границы времени.

Ну вот, и подошли, может быть, к главному вопросу на данном этапе расследования: что же экстраординарного произошло две недели назад с Никитой Гладышевым, заставившее его погрустнеть, опечалиться?

На работе мне нужно было сделать кое-какие дела, связанные с ранее закончившимся расследованием. После этого я мог встречаться с Николаем Тереховым.

Через полчаса я позвонил директору Румянцеву, и он сказал, что 9 класс «Б» сейчас находится на стадионе «Труд», который арендует школа № 47.

18 мая 1978 г., четверг, 14 часов 30 минут

9 «Б» играл в футбол с 9 «А» — в рамках чемпионата школы. На трибунах сидело много ребятишек, шумно реагировавших на игру. Я подсел к веснушчатому мальчишке, который, кажется, особенно бурно «болел».

— Ты за кого переживаешь? — спросил я его, увидев, как мальчишку буквально сжался, стоял мячу перелететь на левую половину футбольного поля.

— За девятый «А»! — буркнул он. — За кого же еще! Там мой брат учится. Проигрывают они. Опять Терех гол забил. Он в каждой игре забивает.

— Какой Терех? — спросил я. — Где он?

— Да вон! — махнул рукой мальчишку. — На правом краю бегает дылда.

Трудно было поверить, что этому мощному парню всего 16 лет. Играли Николай Терехов отменно. Как-то совсем не по-мальчишески. Не суетился, выжидая, ловко «финтил». Я люблю футбол и полагаю, что разбираюсь в нем. Впрочем, трудно найти болельщика, который сказал бы, что не разбирается в футболе!

— Сколько времени до конца матча осталось? — снова спросил я мальчишку.

— Пять минут, — плаксиво ответил тот, поглядывая на часы, которые, видимо, передал ему брат-футболист на хранение.

В этот момент Николай Терехов подхватил мяч, сделал с ним обманное движение, проскочил двух защитников «синих»

и, энергично работая руками, понесся в центр, прямо на ворота противника. В воротах заметался долговязый мальчишка в кепке, сдвинутой на самые глаза. Через несколько секунд все было кончено: Николай Терехов с ходу пробил, и мяч врезался в сетку ворот, вызвав радостный клич на трибунах. Все, как на большом футболе.

Николай ленивой трусцой бежал к центру поля.

Вскоре прозвучал свисток судьи, игра закончилась. Футболисты пошли в душевую, и я тоже двинулся к раздевалкам.

Терехов вышел минут через двадцать, уже одетый в школьную форму, аккуратно причесанный. В руке он держал спортивную сумку. Он шел, окруженный толпой ребят, и громко смеялся. Что ж, это был звездный час Николая Терехова, он чувствовал себя героем и не считал нужным скрывать перед остальными, что он и есть герой!

— Николай, — окликнул я его, — можно на минутку?

Все остановились и удивленно глядели на меня.

— Вы меня? — небрежно спросил Терехов.

— Да, — кивнул я. — Разговор есть.

— А-а... Ладно, пацаны, не ждите меня.

Я направился к опустевшей трибуне. Николай шел рядом, вразвалочку, помахивая сумкой.

— Здорово ты гол забил! — сказал я, когда мы сели.

— Какой? — явно рисуясь, уточнил он. — Первый или второй?

— Первого я не видел. А что, тоже красивый был?

— Да так себе. — Он хмыкнул. — Пшенка. Я вообще-то сегодня хет-трик хотел сделать, но не вышло.

Николай говорил, слегка растягивая слова.

— А вы тоже пришли меня уговаривать? — оценивающе глянул он на меня.

— Уговаривать? — не понял я.

— Ага! — кивнул он. — Чтобы я за какую-нибудь команду играл. Ко мне уже приходили два тренера. Только неохота. Я штангу люблю, гиры, а в футбол не очень. Ну, за класс еще ладно... Вы тоже тренер?

— Нет, — усмехнулся я. — Не тренер. Я следователь прокуратуры. Николай.

— Следователь?! — В его глазах промелькнул испуг. — Зачем же я вам понадобился?

— Скажи, Коля, в прошлое воскресенье четырнадцатого, ты Никиту Гладышева видел?

— Нет! — слишком поспешно ответил он, чтобы я поверили ему безоговорочно.

— А когда ты узнал о его смерти?

— Когда? Во вторник! — глухо бросил он.

Он лгал, ибо Клавдия Потаповна узнала о случившемся в понедельник и сказала мне, что сыну об этом известно стало до нее. Правда, она тоже не очень уверенно ответила на мой вопрос.

— Значит, во вторник, — задумчиво произнес я, внимательно глядя на парня. — Неувязочка получается, Коля. Твоя мать узнала-то в понедельник.

— Ну и что? — буркнул Николай. — Она могла узнать в понедельник, а я — во вторник!

— Согласен, — кивнул я. — И так может быть. Но видишь ли, она сказала мне, что ты раньше ее знал.

— Откуда ей знать! — с неожиданной злобой выкрикнул он.

— Действительно, — заметил я. — Откуда ей знать? Может, ты уже в воскресенье знал, верно?

— Нет! — Он вскочил на ноги. — Не знал я!

— Да ты садись, — добродушно сказал я и потянул его за руки. — Ну, чего ты волнуешься?

— А чего мне волноваться! — огрызнулся он. — Нечего мне волноваться.

— И я так думаю, Коля. Все-таки когда же ты узнал о смерти Никиты Гладышева? Ты ведь жил в одном доме с Никитой, даже в одном подъезде.

— Что с того? — пожал он плечами. — Я пришел в понедельник поздно вечером и лег спать.

— А где была в это время твоя мать?

— Не знаю, — покраснел Николай. — Может, на кухне. Или к соседке ушла.

— Другими словами, ты ее не видел, когда пришел домой?

— Не видел, — тихо ответил он.

— А почему ты пришел в понедельник поздно вечером?

— С Валькой Грошевым математикой занимался. У него дома.

— А в воскресенье когда ты вернулся домой?

— Тоже поздно. В кино был. Проверять будете?

— Непременно. Коля. Ты зря на меня обижайся. Я тебе зла не желаю. Если пришел к тебе, значит, надеюсь на твою помощь. Понимаешь?

— Не понимаю! — неуступчиво ответил Николай. — Меня ваши дела не интересуют.

— Напрасно. Коля, — миролюбиво сказал я. — Потому что твои дела меня, откровенно скажу, заинтересовали. Объяс-

ни, почему вы однажды подрались с Никитой Гладышевым? Двадцать первого апреля?

— По глупости. Никита за Мишку Торопова заступился.
— Верно. Молодец, что не сорвал.
— А чего мне врать! — уже увереннее сказал парень.
— Я слышал, что ты одно время «промышлял» запчастями к «Жигулям», так?
— Я с этим порвал.
— Потому что тех «барыг» осудили? — Я в упор смотрел на него.

Николай не ответил, отвернулся.

— А с Егором Гороховым и Павлом Злобченко ты тоже порвал. Коля?

Он резко повернул ко мне голову, сказал с нескрываемым изумлением:

— Вы и о них знаете?
— У меня профессия такая — много знать. Но ты не ответил на мой вопрос.
— Не хожу я с ними больше. Себе спокойнее.
— Пожалуй, ты прав, — согласился я. — Ну, а теперь все же ответь, почему ты не хочешь сказать мне правду: когда узнал о смерти Никиты Гладышева?

Его неожиданное упорство было для меня странным и непонятным. Если он причастен к происшествию с Никитой Гладышевым, то его больше должно беспокоить воскресенье, 14 мая, а не понедельник, 15 мая. Между тем о воскресенье он говорил равнодушно. Почему же настаивает на вторнике?

Я не торопил. Прошло несколько минут.

— Ладно, — звонко произнес Николай. — В понедельник я не ночевал дома.

— Где же ты ночевал?

— У тетки своей! — выкрикнул Николай и вдруг заплакал, чего я от него никак уж не ожидал.

Он уткнул лицо в руки и ревел, как ребенок. Но, по существу, он и был еще ребенком, высоким, плечистым, сильным ребенком.

— Я пришел домой... — Он поднял на меня мокре от слез лицо, давился словами. — А дверь закрыта... Я звоню, а она не открывает... Я слышу: музыка играет... и голоса... пьяные... Она, значит, и он... поют... Пьяные уже...

— Она — это твоя мать? — негромко спросил я.

— Ну да! — Николай шмыгнул носом. — Со своим... хахалем!

— И часто случается, что тебе приходится ночевать в другом месте? — Острая жаль к нему охватила меня.

— Бывает, — пробормотал мальчишка. — Но, кроме тетки, никто не знает. Противно очень. Они, когда напьются, сначала целуются, а потом дерутся... Раньше, при отце, у меня свой ключ был... А теперь мать отняла. Ему отдала!

Сколько обиды, даже ненависти прозвучало в голосе Николая, когда он сказал: «Ему отдала!» Что же мне сказать этому мальчику, который иной раз не может попасть в свою квартиру, потому что родная мать отдала его ключ чужому мужчине? Однако для него, Николая Терехова, он чужой, этот мужчина, а для матери, брошенной мужем, вовсе и не чужой. И из-за него она предает сына? З-эх, легче всего со стороны осуждать ли кого, успокаивать ли. А жизнь — сложная штука, давно и всем известно. Некогда моя бабка говорила: «У каждой божьей твари своя правда имеется. Потому волк овцу режет, а охотник волка стреляет!» Но как же тогда истину найти, если у каждого, у всех своя правда?

— Мать твоя давно начала пить? — мягко спросил я.

— Давно, — коротко ответил он. Потом горькая усмешка исказила его губы. — Думаете, не понимаю, почему вы меня все расспрашиваете о Гладышеве? Подозреваете меня... Ну, будто я... чего-нибудь такое... с Никитой... Да? Только неправильно вы подозреваете. Видел я Никиту в воскресенье, видел!

— Когда? В котором часу?

— Вечером. В половине восьмого.

— Где ты его видел, Коля? Пойми, дружище, это очень важно!

— По набережной они гуляли.

— Кто они?

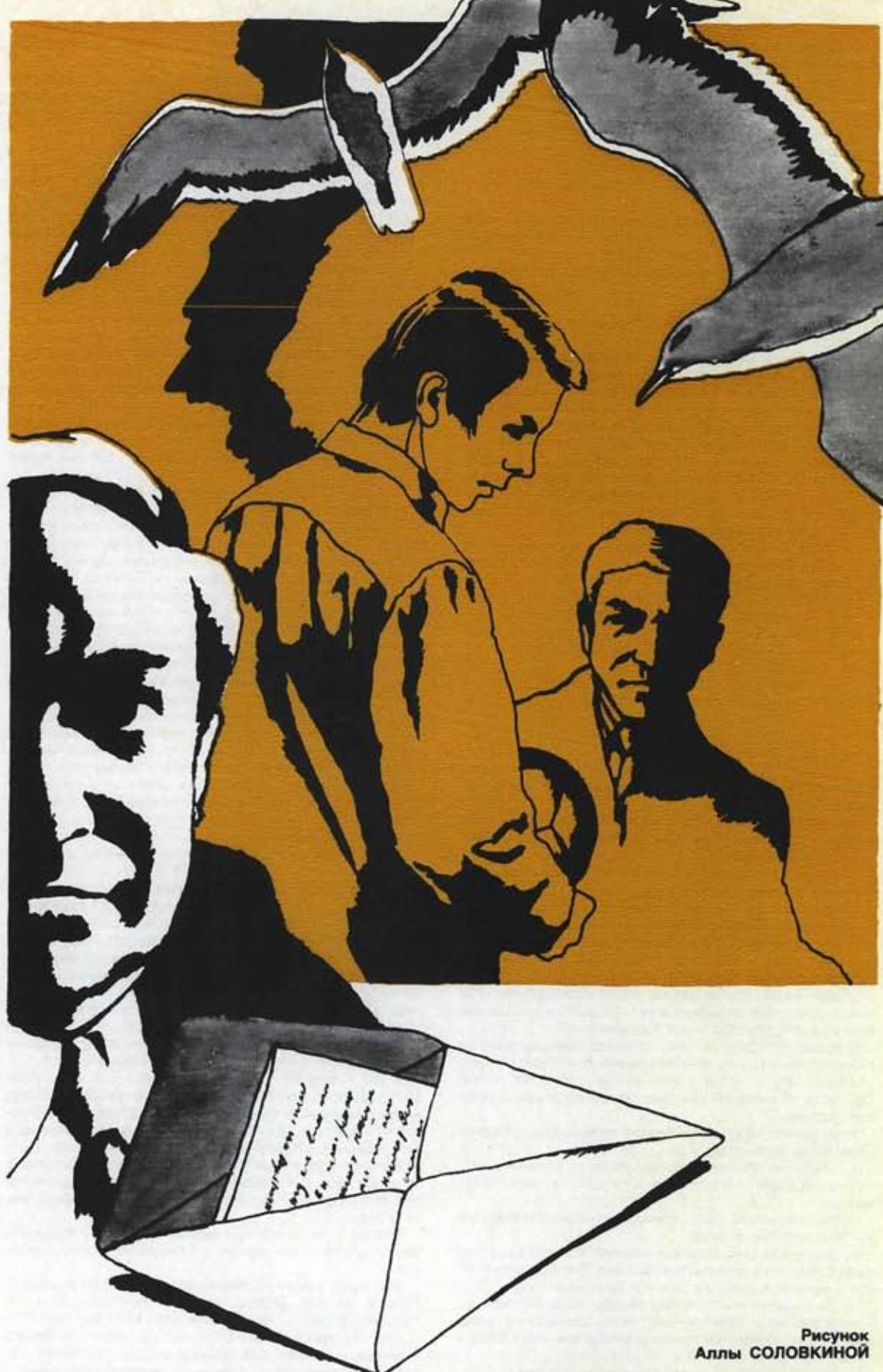
— Никита и Андрей Александрович... Морозов. Наш учитель физики. Ребята часто с ним встречаются после уроков или в выходные дни. Говорят, что интересно с ним. Но у него ни разу не был...

— Погоди, погоди, — перебил я. — Ты говоришь, что они гуляли по набережной. А они тебя видели?

— Не знаю. Они в мою сторону не смотрели. Да я и сам спешил. К Вальке Грошеву. Мы с ним договорились, что в кино пойдем, в «Вымпел». Там у него мать работает администратором. Она нам разрешила прийти на сеанс двадцать тридцать. Мы две серии «Они сражались за Родину» смотрели. И Вероника Георгиевна вместе с нами сидела. И домой мы потом вместе пошли. Я к себе в половине двенадцатого пришел. Ветер сильный был. А мать к бабке в деревню поехала, я один дома... Если не верите, можете у Вероники Георгиевны спросить, она вам скажет, был я в кино вместе с Валькой или нет, шли мы вместе домой или нет...

— Успокойся, Николай, — строго прервал я его. — Не маленький. И не надо обижаться. Я хочу узнать, что произошло с твоим школьным товарищем.

— Я понимаю, — сникшим голосом произнес он. — Извините.

18 мая 1978 г., четверг, 16 часов 45 минут

То, что сообщил Николай Терехов, было в высшей степени важно, ибо не исключало, что учитель Морозов оказался последним человеком, кто видел и разговаривал с Никитой Гладышевым.

О чем они говорили?

Вошел Самсонов.

— Ну что с Гороховым и Злобченко? — нетерпеливо спросил я, жестом приглашая его сесть.

— Алиби у них, — ответил Самсонов. — Горохову двенадцатого мая сделали операцию. Аппендицит. До сих пор лежит в больнице. Злобченко четырнадцатого мая работал на фабрике. Там вышла из строя отопительная система. Собрали всех ремонтников и упросили их поработать в воскресенье. Работали в две смены. С фабрики все, в том числе Злобченко, уехали после двадцати трех часов на служебном автобусе.

— Хорошо. Алиби так алиби, — кивнул я. — Надо побывать в кинотеатре «Вымпел» и поговорить с администратором Вероникой Георгиевной. Поинтересуйтесь, действительно ли в воскресенье Николай Терехов и ее сын Валентин смотрели

на сеанс двадцать тридцать кинофильм «Они сражались за Родину»? Я думаю, что так оно и было, но для формальности нужно проверить. А потом позвоните мне.

— Понятно, — сказал Самсонов.

— Как с поездкой в Черновцы? Оправа от очков повисла у нас, Игорь Демьянович. Не передумали ехать? — пошутил я.

— Завтра с утра, — ответил Самсонов. — А сегодня встретимся с администратором «Вымпела».

— Лады.

После его ухода я позвонил в справочную и попросил назвать мне номер домашнего телефона Андрея Александровича Морозова.

— Алло, Андрей Александрович?

— Да.

— С вами говорит старший следователь прокуратуры Красиков...

— Дмитрий Васильевич? — оживленно перебил меня низкий мужской голос. — Очень рад, что вы позвонили. Я сам собирался это сделать. Узнал у директора ваш номер телефона... Да вот некстати свалился я.

— Что-нибудь серьезное? — забеспокоился я.

— Нет, нет!

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

— Андрей Александрович, вы, кажется, видели вчера вечером в воскресенье Никиту Гладышева?

— Совершенно верно.

— Не станете возражать, если я сегодня загляну к вам? К вчерашку?

— Милости прошу! Комсомольская, дом восемнадцать, квартира тридцать.

— Благодарю. До встречи.

Едва я положил трубку, как телефон зазвонил.

— Красиков слушает.

— Я — Гладышев... Федор Борисович Гладышев... Моя жена сказала, что вы... расследуете... Я хотел бы с вами встретиться. Если можно, прямо сейчас.

— Жду вас, Федор Борисович. Пропуск будет заказан.

— Благодарю.

18 мая 1978 г., четверг, 17 часов 15 минут

Теперь я смог лучше разглядеть отца Никиты: рослый, сильный человек лет пятидесяти — пятидесяти пяти.

— Хотел сразу к вам притти,— медленно, снатужу говорил он,— как только приехал. Но с женой совсем худо... Уж лучше плакала бы... Знаете, на душе полная пустота... как будто и нет меня.— Взгляд у него был безжизненный.— Не укладывается в голове... Не верю... Привез ему сценарии итальянского кино. В Москве достал. В букинистическом магазине. Он ведь после школы хотел во ВГИК поступать...

Федор Борисович не называл сына по имени, словно боялся произносить его имя вслух.

— Федор Борисович,— сказал я.— к сожалению, ничего уже не исправишь. Это жестоко с моей стороны так говорить, но у меня нет иного выхода...

Гладышев сидел, не изменяя позы, и взгляд его, устремленный на меня, был таким же неподвижным.

— В воскресенье,— продолжал я,— ваш сын погиб. В понедельник мне поручили вести расследование.

Он шевельнул пальцы.

— Есть некоторые обстоятельства, Федор Борисович, в которых без вашей помощи мне будет сложно разобраться. И я надеюсь на вашу помощь, потому что — еще раз повторю — Никита не воскресишь, но как он погиб и почему, должно быть установлено.

— Да,— глухо произнес Гладышев.— Я тоже хочу знать, почему погиб мой сын. Я готов помочь вам и отвечу на любой вопрос.

Я молча поднялся и направился к сейфу. Открыл его и достал оттуда письмо Тереховой. Вернувшись к столу, протянул листок Гладышеву.

— На вас поступила анонимка, Федор Борисович. Мы получили ее шестнадцатого мая.

Гладышев развернул листок, прочитал написанное, снова сложил бумагу и вернулся письму мне, не проронив ни слова.

— Это ложь, Федор Борисович? — тихо спросил я.

— Не совсем,— ответил он, глядя мне в глаза.— Кое-что правда. Но больше неправды. От незнания. Да бог с ней, с этой анонимкой. У меня для вас новости посыпьше.— Он вынул из кармана тетрадный лист.— Это письмо мы с женой получили сегодня. Прошу вас ознакомиться.

Я прочитал: «Дорогие мои, получила тридцатого мая письмо от Никиты, ничего не могу понять. Всего одна строчка: «Наташа, наш с тобой отец — ничтожество!» Что у вас случилось? Я очень обеспокоена. Папа, немедленно сообщи мне. Наташа».

Как удалило: «Выходит, Терехова не солгала — у Федора Борисовича была дочь».

— Очевидно, Дмитрий Васильевич, вы не знаете,— проговорил Гладышев,— что у меня есть дочь, которую зовут Наташа.

— Вы ошибаетесь, Федор Борисович.— спокойно возразил я.— Мне известно об этом.

— А-а, тем лучше... Молодая женщина, которую я целовал на вокзале, это и есть Наташа. Вообще-то я недавно узнал, что у меня есть дочь. Но вам это интересно, нужно?

— Да,— кивнул я.— Особенно теперь, после ее письма!

— Всего одна строчка,— его голос дрогнул.— а какая страшная и... Почему он так написал обо мне — вот о чем я думаю весь день.

— Вы не чувствуете своей вины перед Никитой?

— Нет! Мне всегда казалось, что сын любит меня и доверяет мне.

— Я тоже слышал, что у вас с ним были дружные отношения. Простите, а с женой?

— С Екатериной Ивановной?! Мы прожили вместе двадцать лет. У нас не было даже размолвок.

— Ваша жена никогда не говорила, что однажды ей позвонили и сказали, что между вами и вашей секретаршей...

— Да, да,— закивал Гладышев.— Такой случай имел место. Звонила какая-то женщина и сказала, что Нина Феликсовна Доценко — моя любовница. Однако жена не стала продолжать разговор.

— Вы можете предположить, кто звонил?

— Думаю, что это сделала наша соседка. Клавдия Потаповна Терехова.

— Почему вы так полагаете?

— Тут малоприятная история. Дело в том, что мой бывший шофер Василий Петрович был мужем Тереховой. А потом ушел от нее; он женился на Нине Феликсовне. Терехова же почему-то посчитала виновным в этом меня. Я разговаривал с Василием Петровичем. Он долго не хотел объяснять причину своего разрыва с Тереховой...

— А разве он ушел от нее не потому, что сошелся с Доценко? — перебил я.

— Это скорее было следствием причины, — возразил Гладышев.— Видите ли, Василий Петрович однажды случайно застал у своей жены мужчину в ситуации недвусмысленной, очевидной.

— Ах, так...

— Но Клавдии Потаповне, видимо, было легче считать виноватым кого-то другого, а не себя. Ладно, бог с ней. Наверное, я должен был предложить Доценко другую работу после того, как Терехов подал заявление об уходе. И тем самым прекратить всякие досужие разговоры о нас, которые ходили в тресте. Я этого не сделал.

— Почему?

— Ну, хотя бы потому, чтобы не считали, будто эти разговоры имеют какое-либо основание! И была еще причина. Вероятно, малоубедительная. Что поделаешь. Дмитрий Васильевич, человек состоит не из одной силы, у него имеются и свои слабости. Нина Феликсовна очень похожа на одну женщину, которая спасла мне жизнь во время войны, — на партизанскую медсестру Валентину Федорову. Она вытащила меня во время боя из-под огня, а сама погибла. И лет ей было тогда столько же, сколько Нине сегодня. Когда я впервые увидел Доценко, то был поражен ее сходством с Валентиной Федоровой... Мне очень трудно расстаться с Ниной Феликсовной...

— А как вы оказались в партизанах? — спросил я.

— Я начал войну летчиком. Осенью сорок первого гитлеровцы сбили мой самолет. Раненым я попал в плен. Бежал. Вернее сказать, партизаны устроили побег. Мы бежали группой. Так я оказался в партизанском отряде. Он базировался недалеко от одной деревни, в Белоруссии. В этой деревне, в Старобицах, жила молодая женщина Анастасия Конодо. Мы полюбили друг друга, стали мужем и женой. В то время нельзя было пойти, как сейчас, в заск, получить свидетельство о браке. Да и не до него было. День прожили — и за это спасибо! В конце зимы сорок третьего года немцы за помощь партизанам уничтожили Старобица, а наш отряд изрядно потрепали. Гитлеровцы бросили против нас отборные эсэсовские части, артиллерию, самолеты. Пришло нам уходить в другие леса. Анастасия была на шестом месяце беременности. Она не могла уйти с нами, так как предстояло прибраться через болота. Кроме того, у нее тяжело болела мать. Но эсэсовцы никого не щадили. Мне потом передали, что Анастасия погибла... Вы позволите закурить?

— Да, пожалуйста!

Федор Борисович закурил, глубоко затянулся и продолжил:

— А полгода назад я вдруг получил от Анастасии письмо. Оказалось, что она спаслась. Анастасия писала, что у нее уже взрослая дочь Наташа, у которой и свои дети есть. Моя дочь... Анастасия сообщала, что много лет назад вышла замуж и что ее муж прекрасный человек, ставший для Наташи настоящим отцом. Он дал ей свою фамилию. Правда, потом, когда Наташа вышла замуж, фамилия у нее изменилась, теперь она — Троцкая. Живут они все вместе в городе Кудринске...

— Как же Анастасия Конодо разыскала вас через столько лет? — перебил я.— Или она давно разыскивала вас?

— Нет, — покачал головой Гладышев.— Она ведь тоже была убеждена, что я погиб. А вышло все случайно. Полгода назад Центральное телевидение сделало передачу о строителях нашего города. Меня пригласили принять участие в этой передаче, которую увидела Анастасия. Она писала, что сначала не узнала меня. Да это и немудрено. В партизанах я отпустил бороду, поклявшись, что не сбрею ее до нашей полной победы. Но Анастасия услышала мою фамилию, имя, отчество...

Да-а, в его интерпретации рассказ о письме из Кудринска звучал совсем иначе, нежели у Клавдии Потаповны Тереховой.

Некоторые узелки развязывались. Но появлялись новые. Почему так зло, жестоко написал Никита своей сестре Наталье Троцкой: «...наш с тобой отец — ничтожество!»?

В то же время я не мог не оценить честности Федора Борисовича, который сам сообщил мне об этом письме. Он, как и я, недоумевал по поводу такой его оценки сыном.

— Письмо от Анастасии мне передал Никита, — продолжал Федор Борисович.

— Он его прочитал?

— Я сам прочитал. И ему и жене. Никита обрадовался, что у него появилась родная сестра, которая на много лет старше его. А Екатерина Ивановна — в свое время я рассказывал ей об Анастасии — сказала, что я должен обязательно поехать в Кудринск. И я поехал. Это была трогательная встреча. Потом Наташа проездом была у нас, на один день. И тогда они сфотографировались с Никитой. Хотите взглянуть?

— Конечно!

Несомненно, они были похожи — Наталья Троцкая и Никита Гладышев. Не зная всей истории, их можно было бы принять за мать и сына: разница-то в возрасте между ними составляла целых двадцать лет!

— Дмитрий Васильевич, — хрюкло произнес Гладышев, — неужели Никита погиб из-за меня? Какой же грех я совершил, если сын решил искупить его ценой своей жизни?

— Я не ответил. Что мог сказать ему?

— Теперь, — голос Гладышева затвердел, — я обращаюсь к вам, как к следователю. Вы должны все установить, иначе не будет мне покоя, пока живу. Ничего порочащего в своей

жизни я не совершал. Воевал честно, работал честно, живу честно. Еще вчера я не мог подумать, что Никита... А сейчас, после того, что он написал Наташе...

Я догадываюсь, о чем он думает, не в состоянии произнести вслух страшные слова: «Мой сын кончил самоубийством!» Откровенно говоря, теперь я тоже, узнав о том, что написал Никита Наталье Троцкой, довольно решительно настраиваюсь на ту же волну: а не порешил ли с собой парнишка?

— Федор Борисович, вы никогда не были грубы с сыном? В его взгляде — недоумение.

— Ну, может быть, — уточнил я, — когда-нибудь повышали на него голос?

— У нас в семье не принято было громко разговаривать, — наконец ответил Гладышев.

А Терехова утверждала, что сама слышала, как Федор Борисович кричит на сына. Согласа, чтобы усилить свою «версию», или же он сейчас со мной не совсем искренен?

— Почему вы об этом спрашиваете? — озабоченно произнес Гладышев и укоризненно посмотрел на меня. — Дмитрий Васильевич, я с вами откровенен до конца. Возможно, у вас имеется еще какая-то информация против меня. Я не смею настаивать на том, чтобы вы сообщили ее мне, однако... теперь нельзя играть в испорченный телефон!

— Вы правы, — кивнул я. — Мне и в самом деле стало известно, что у вас с сыном происходили бурные сцены.

Гладышев напряженно слушал меня. На лбу у него собирались морщинки.

— Чаще всего, — продолжал я, — это происходило по субботам...

— По субботам? — переспросил Федор Борисович. Он, закрыв глаза, несколько минут думал. Словно восстанавливая в памяти субботние дни и вечера. Потом неуверенно заговорил: — Право, не знаю, что вы имеете в виду... Возможно, это... Я уже вам сказал, что Никита мечтал поступить учиться во ВГИК, на режиссерский факультет. В нашей семье любят искусство. Я и сам со войны занимался в театральной студии... Так вот, иногда по субботам мы с Никитой читали вслух пьесы, киносценарии... Вот и все... Вероятно, кому-то это могло показаться скандалом. Но для этого надо было обладать богатым воображением. Н-да... Ну да ладно...

Мне вдруг на память пришла острая фраза французского мудреца Ларошфуко: «Наши поступки подобны строчкам бури: каждый толкует их как ему заблагорассудится».

— Федор Борисович, мы обнаружили в карманах пиджака Никиты очки в роговой оправе с плоскими стеклами. И две рубли...

— Жена сказала мне об этом, — кивнул Гладышев. — Очки для меня загадка. А вот что касается денег... Никита коллекционировал почтовые марки. Некоторые из них — старые, старинные, как он говорил, — представляли собой ценность. Вернувшись из Москвы, я не увидел на полке альбома с марками. Не продал ли он марки? Но зачем Никите могли понадобиться две hundred рублей?

— Может быть, он собирался уехать? — высказал я предположение.

— Лучше бы он уехал! — тихо обронил Гладышев и протяжно вздохнул.

Он встал. Я отметил его пропуск и проводил до дверей.

18 мая 1978 г., четверг, 18 часов 30 минут

«Наташа, наш с тобой отец — ничтожество!»

Я повторял эту фразу на все лады, потому что отчетливо осознавал, что в ней — ключ к искомой истине. Фраза мешала мне сосредоточиться.

В комнату заглянул Сергеевич.

— Ты еще не ушел? — удивился он.

— Собираюсь.

— Ну что с делом Гладышева? Сдвиги есть?

Я рассказал ему о встрече и разговоре с Федором Борисовичем.

— Но при чем здесь он? — пожал плечами Сергей Семенович. — Не вижу связи.

— А я уверен, что разгадка — в письме Никиты! — упрямо возразил я.

— Ну, если так считаешь, — нахмурился Сергей Семенович, — то и разгадывай. В общем, форсируй это дело. Остальные тоже ждать не могут.

Он вышел, а я мысленно проворчал: «Легко сказать — форсировать дело. Всё наша жизнь — сплошные гонки...»

Закрыл на ключ сейф, я уже собрался уходить на свидание с учителем Морозовым. Остановил телефонный звонок. Черт побери, как же это столько столетий человечество существовало без телефона? Просто невозможно себе представить!

— Слушаю... А-а, это вы, Самсонов... Ну и как? Понятно. Спасибо. Игорь Демьянович. Значит, завтра с утра вы отправитесь в Черновин? Желаю успехов!

Инспектор Самсонов сообщил, что администратор кинотеатра «Вымпел» подтвердила алиби Николая Терехова: он действительно вместе со своим школьным приятелем 14 мая, в воскресенье, смотрел фильм «Они сражались за Родину», демонстрировавшийся на сеанс 20.30. Собственно, я в этом и не сомневался.

...Рабочий день кончился. Меня обгоняли, шли рядом или навстречу люди, торопившиеся домой, в магазины, в театры, в гости. Для всех этих людей рабочий день кончился, а для меня продолжается: ждет учитель Морозов, который, судя по всему, был если не последним, то одним из последних людей, кто видел и разговаривал с Никитой Гладышевым.

Спрос, предложения... Сам черт ногу сломит в этих комбинациях!

В комнату вошла Ксения, неся ужин.

— Совместим приятное с полезным. Игорь Демьянович, — пригласил я Самсонова к столу. — Ужин и беседу.

Ксения вышла. Самсонов, накладывая в тарелку еду, продолжал:

— А у меня, понимаете, уже азарт. Столько обезделил, время потерял, нет, думаю, все равно доберусь, не может быть такого, чтобы не добрался до этих очков!

Он откупорил бутылку минеральной воды, налил в стакан, сделал большой глоток.

— Приезжаю в Горобовск, выхожу на вокзальную площадь, а там рядом — автобусная станция. Смотрю, через дорогу — аптека. Я туда. Пожалуйста, лежат милье!.. Несколько пар, причем и в витрине красуются. Естественно, одну пару я купил.

— Без рецепта? — уточнил я.

— Как же, потребовали рецепт, — улыбнулся Самсонов, — а я говорю: «Девушка, миленькая, не для себя покупаю, для dela. Не может без них газеты читать. Как ему жить без мировых новостей!» Девушка рассмеялась, махнула рукой, мол, ладно, платите деньги в кассу. В маленьком городе и строгости поменьше...

Рассказывая, Самсонов достал из кармана футляр.

— Вот очки, что были обнаружены у Гладышева. А эти я купил. — Он вынул из другого кармана вторые очки в таком же футляре. — Один к одному, Дмитрий Васильевич. С теми же диоптриями. Обратите внимание, и футляр аналогичный. Ну, а после того, как убедился, что можно очки и без рецепта приобрести, я, как говорится, представился по всей форме. Девушка, конечно, перепугалась сначала. Но я ее успокоил. Попросил помочь отыскать рецепты, по которым

в разное время отпускались эти очки. Словом, собрал по Горобовску рецепты. Пятнадцать штук. Вот, пожалуйста, список. Тут некоторые из других городов, близлежащих.

Самсонов протянул лист. Я скользил взглядом по фамилиям, потом задумчиво спросил:

— Стало быть, эти очки поступили в продажу в горобовские аптеки в апреле?

— Двадцать седьмого апреля, — ответил Самсонов.

— Извините, Игорь Демьянович...

Я быстро встал и направился к телефону, который стоял на письменном столе. Набрал номер Гладышевых. Трубку подняла Екатерина Ивановна. Я назвался и попросил ответить, уезжал ли куда-нибудь из города Никита между двадцать седьмым апреля и тридцатым мая.

— Да, — тихо ответила Екатерина Ивановна. — В субботу, двадцать девятого апреля, Никита вместе с товарищами из школы отправился в какой-то поход. Он был «красным следопытом». Они выехали днем, после занятий, а вернулись после майских праздников.

— Куда они уезжали, Екатерина Ивановна?

— Не помню, Дмитрий Васильевич. Никита называл мне какой-то небольшой город, но я сейчас не вспомню. Извините... Но это легко выяснить в школе... А шестого, седьмого, восьмого и девятого мая Никита гостила у наших друзей Беленковых на даче.

— Далеко от города дача Беленковых?

— Тридцать километров. Они живут там весь год.

— У них телефон есть?

— Нет.

— Дайте мне, пожалуйста, адрес Беленковых.

— Записывайте, Дмитрий Васильевич.

Записав адрес Беленковых, я поблагодарил Екатерину

Ивановну и вернулся к Самсонову. Он с любопытством поглядывал на меня, ждал, что я скажу.

— Ну вот, Игорь Демьянович. Никита уезжал из города. Причем дважды. Это крайне важно... Да-а, Игорь Демьянович, хотел дать вам возможность передохнуть от поездок, но, увы, ничего не получится. Завтра с утра вам придется съездить на дачу Беленковых. Вот по этому адресу. Надо узнать был ли у них с шестого по девятое мая Никита Гладышев. В каком состоянии и настроении они нашли его.

— Понятно, — кивнул Самсонов.

Посидев еще немножко, мы распрошались.

Я чувствовал себя взбудораженным. Так со мной бывает всякий раз, когда в поисках истины я вдруг нащупываю какую-то почти незаметную для глаз тропку. И во мне сейчас просло ощущение, что я не только нащупал эту тропку, но уже и ступил на нее.

Следственная версия иногда появляется как искрометная игра воображения следователя: искрка, которая как бы вырывается из цепи установленных им фактов расследования и на мгновение освещает, показывает возможный путь к установлению истины.

Но истина — правда, освещенная со всех сторон не искркой, а ровно горящим огоньком, он непрерывен; составляющие истину факты сплетены между собой, вытекают один из другого, ни одно звено не выпадает...

Версия становится истиной только тогда, когда пройдет испытание проверкой, когда факты подтверждают ее с такой ясностью и определенностью, что она становится единственной возможной, истинной версией.

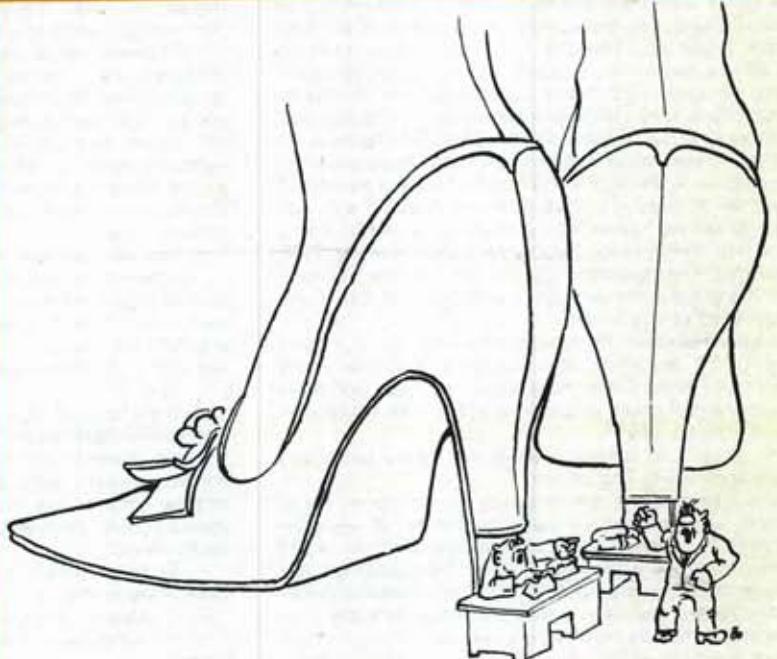
Эти мысли принадлежат не мне, другому юристу. Но они на редкость точны!

Окончание следует.

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

Рисунок
Виктора ТАМАЕВА

Рисунки Виталия ПЛОТНИКОВА

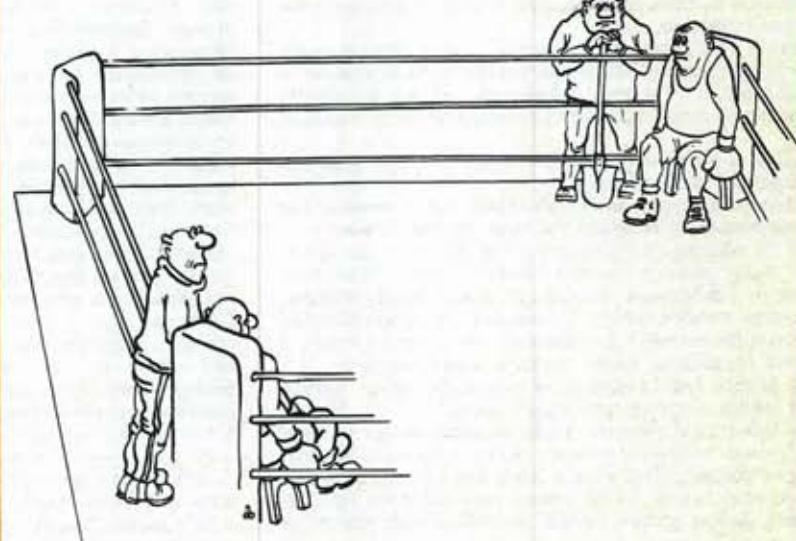
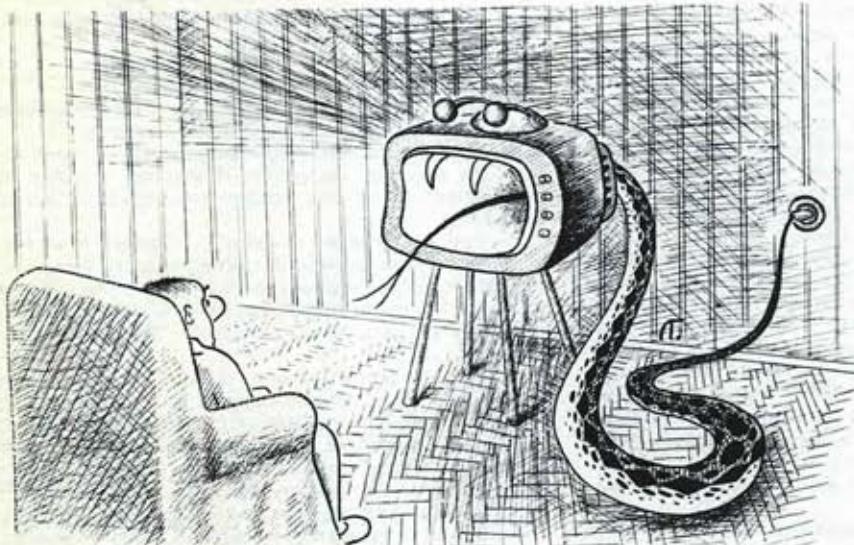

Рисунок Льва ГУЛИНА

Музыка
Александры ПАХМУТОВОЙ

Стихи
Николая ДОБРОНРАВОВА

ГОРОД НАШЕЙ СЛАВЫ

Ты эти крылья мне дала,
И молодость дала мне, и силы.
Как я люблю тебя, Москва!
Ты от моей любви еще красивей.

ПРИПЕВ:

Город самый главный,
Самый дорогой,
Город нашей славы,
Вечно молодой.
Город нашей славы,
Город волшебства,
Город златоглавый —
Гордая Москва!

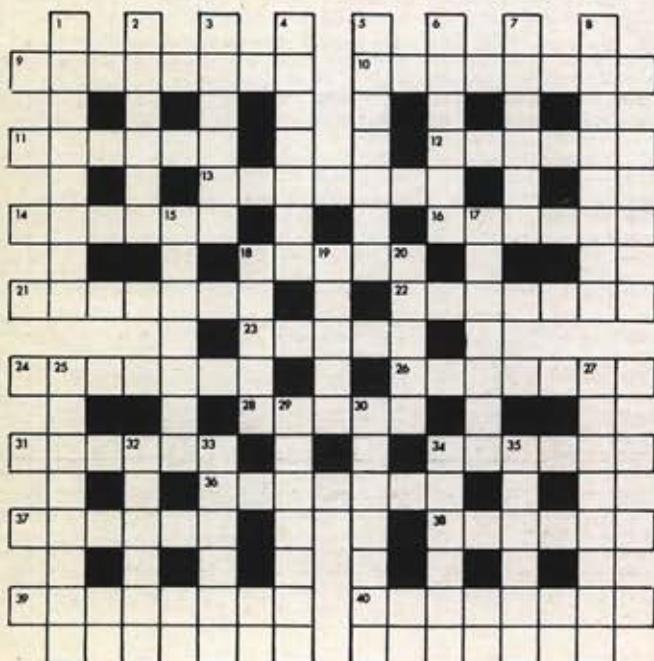
Сколько в душе твоей тепла!
Сбываются твои предсказанья...
Ты в шумном мире нас нашла,
Со счастьем нам
Назначила свиданье.

ПРИПЕВ.

Ты — наших песен отчий дом.
И, даже всю обхевав планету,
Снова друг друга
Мы найдем
На площади
Бессмертного поэта...

КРОССВОРД

Составил П. ОГЛОБЛИН,
Минск

По горизонтали:

9. Деталь придильтной машины.
10. Основоположник научной педагогики в России.
11. Серия советских межпланетных станций.
12. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны.
13. Столица Мавритании.
14. Герой оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Днепром».
15. Минерал, сырье для удобрений.
16. Ценная промысловая рыба семейства карповых.
17. Сорт хрусталия.
18. Несколько машин, работающих в комплексе.
19. Цитрусовое дерево.
20. Травянистое растение, глухая крапива.
21. Высокий женский голос.
22. Автомобиль с оплатой проезда по счетчику.
23. Французский живописец и график XIX века.
24. Деталь фотографического затвора.
25. Приток Днепра.
26. Басня И. А. Крылова.
27. Вид графики.
28. Порт в Греции.
29. Устройство в радиоприемнике для преобразования электрических колебаний.
30. «Гобсек».
31. «Экстернат».
32. «Боровинка».
33. «Судьбы».
34. «Мадригал».
35. «Виноград».
36. «Пульчинелла».
37. «Ксилография».
38. «Фермат».
39. «Симплон».
40. «Портулак».

По вертикали:

1. Жанр камерной музыки.
2. Город в Швейцарии.
3. Декоративное растение.
4. Позма А. С. Пушкина.
5. Лесная перелетная птица.
6. Дословный отрывок из текста.
7. Нити, идущие вдоль ткани.
8. Раздел механики.
9. Всесоюзное спортивное общество.
10. Невысокая ограда вдоль набережной.
11. Овощное растение.
12. Устройство для соединения подвижных частей машины.
13. Административный центр департамента во Франции.
14. Птица, обитающая в горах.
15. Автор поэмы «Русские женщины».
16. Твердое вещество, применяемое для шлифования, полировки.
17. Единица времени.
18. Русский живописец XIX века.
19. Восторженное одобрение, бурные рукоплескания.
20. Передвижной цирк.
21. Лекарственное растение, медонос.
22. «Машенька».
23. Каллимах.
24. Туба.
25. Ампир.
26. «Бухара».
27. Янсонс.
28. «Краковяк».
29. «Шанс».
30. «Январь».
31. Корейко.
32. Селенга.
33. «Башни».
34. «Агата».
35. «Шампиньон».
36. «Скутерист».
37. «Лявиониха».
38. «Хребет».
39. «Князев».

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2**

По горизонтали:

5. Моховик.
6. Обручев.
8. Штопор.
9. Прицеп.
11. Кторов.
12. Кукрыники.
15. «Машенька».
16. Каллимах.
17. Туба.
18. Ампир.
19. Агата.
21. Шанс.
24. Портвьера.
25. Краковяк.
26. Хлопчатник.
28. «Бухара».
29. Янсонс.
30. «Январь».
31. Корейко.
32. Селенга.

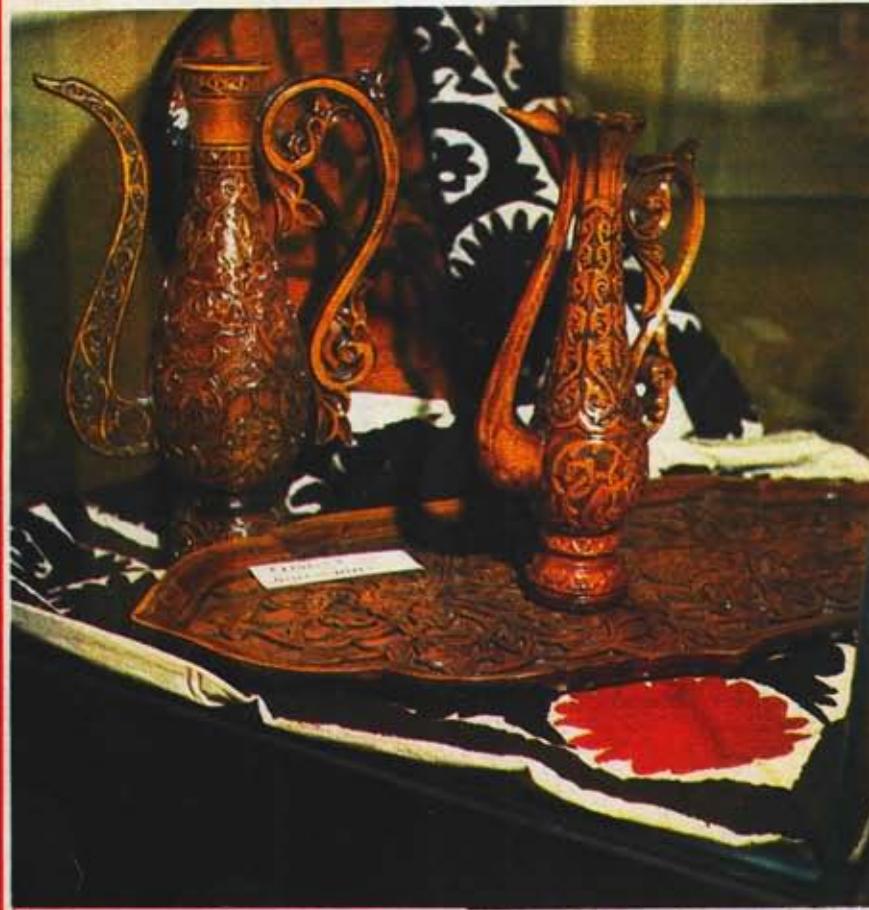
По вертикали:

1. «Гобсек».
2. «Экстернат».
3. «Боровинка».
4. «Судьбы».
5. «Мадригал».
7. «Виноград».
10. «Пульчинелла».
11. «Ксилография».
13. «Фермат».
14. «Симплон».
20. «Портулак».
21. «Шампиньон».
22. «Скутерист».
23. «Лявиониха».
26. «Хребет».
27. «Князев».

УЧАСЬ И ПРОДОЛЖАЯ

Что заставляет вологодского слесаря после работы «колдовать» над бесформенной деревянной заготовкой, чтобы превратить ее в декоративное блюдо с замысловатой тонкой резьбой? Почему женщина, по профессии рабочая-нормировщица, в выходной день, когда ждут нескончаемые домашние дела, берет в руки лозу, и гибкие прутья превращаются в легкие кружевные корзинки или ажурные воздушные подносы? Откуда берется в человеке, который и не думает называть себя художником, это

В рязанских сквозных вышивках - строчек ощущается вековая ювелирная тонкость узора, праздничность цвета. Так же как бабушки, современные рязанские вышивальщицы используют прежние геометрические формы — «репей» или «крест», работают различными мережками, которые называют «прямушкой», «рогулькой», «камелюшкой». И эти ласковые, домашние названия как бы дают почувствовать ту тихую радость уюта, которую вносят в быт полотенце, покрывало или

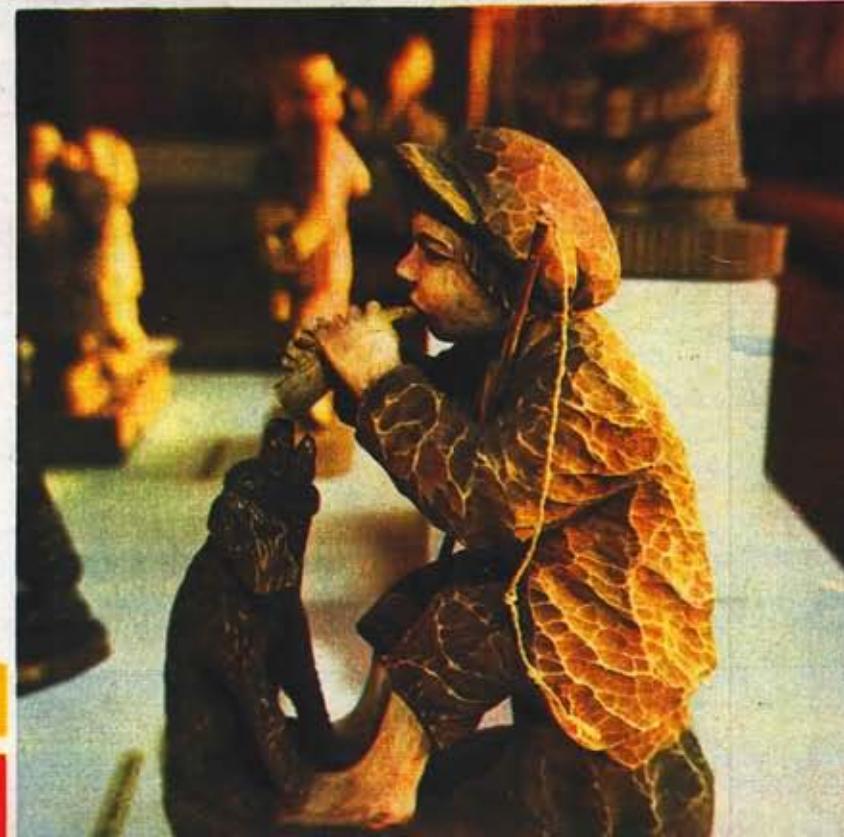

властное желание почувствовать упругое сопротивление материала, подчинить его себе? Пожалуй, за этим не просто стремление украсить свое жилище или желание заполнить свой досуг, но тяга к одухотворению своего быта, извечная жажда творческого самовыражения.

В прошлом году в Москве были организованы выставки, посвященные важнейшему событию в жизни нашей страны — XXVI съезду КПСС, и среди них — экспозиции самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства национальных республик. Они проходили под девизом «Тебе, родная партия, наше творчество и мастерство».

Трудно соперничать с прославленной нарядной «дымкой» в исполнении народного мастера Л. Фалалеевой. Она создает не отдельные игрушки, а многофигурные композиции, в которых разыгрывается целое игрушечное «действие». Яркие краски росписи, броский орнамент, острые подчеркнутости жестов и повадок каждого из забавных персонажей — все это из тех давних традиций «дымки».

Е. НОРБУТЕНЕ.
ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ.

ИЗДЕЛИЯ
УКРАИНСКИХ МАСТЕРОВ
НА ВЫСТАВКЕ

П. КАЛИНИН.
КУВШИНЫ.

В. ПОПОВ.
ХЛОПОК.

Л. ГОЛОВЕЦКАЯ.
ПАВЛИН.

занавески, вышитые неспешными любовными руками.

Однако не всегда у художника-самоучки мы находим прямое приобщение к культурному наследию предков. Часто он довольно свободно обращается с традицией и не только «переплавляет» ее в своем творчестве, но и вызывает к жизни новые формы. Само деятельности художник П. Калинин живет в Узбекистане, но его резьба по дереву не имеет прямых прототипов в декоративно-прикладном узбекском искусстве. Правда, он пользуется приемами узбекской фоновой резьбы, однако при этом придает своим деревянным кувшинам и подносам благородный, изысканный силуэт прославленных изделий кубачинских среброкузнецов из Дагестана. Да и сам узор — суховатый, чеканный, скорее не узор, а гравировка. И служит он здесь не для того, чтобы выявить природную красоту и теплую текстуру дерева, а как бы имитирует холодноватое мерцание металла.

Глядя на эти работы, невольно убеждаешься в том, что произведения самодеятельных художников перерастают рамки «домашнего потребления» на радость друзей и близких. Им нужен зритель, зритель широкий и благодарный, чтобы могли они представить перед ним, как в старину говорили, «добрый людям на загляденье».

Марина МАЦКЕВИЧ
Фото
Николая ГРАНОВА